

Анна Платунова

ТЕЛНЫЙ
ОБЕТ

16+

Annotation

Создания ночи живут среди нас. Все, кто являлся людям в кошмарах. Но только это не сон. Бойтесь, возможно, завтра они придут за вами! Созданиям ночи издавна противостоит Лига мастеров: только охотники могут встать на пути кровожадных тварей. Геор – охотник за чудовищами, Тень-на-свету, и у него с созданиями ночи свои счеты. Принципы Геора просты: жить, чтобы избавлять мир от монстров. Никаких сомнений, ведь у созданий ночи нет души. Но однажды случится нечто, что перевернет его разум, пошатнет его веру и изменит его жизнь...

-
- [*** 1 ***](#)
- [*** 2 ***](#)
- [*** 3 ***](#)
- [*** 4 ***](#)
- [*** 5 ***](#)
- [*** 6 ***](#)
- [*** 7 ***](#)
- [*** 8 ***](#)
- [*** 9 ***](#)
- [*** 10 ***](#)
- [*** 11 ***](#)
- [*** 12 ***](#)
- [*** 13 ***](#)
- [*** 14 ***](#)
- [*** 15 ***](#)
- [*** 16 ***](#)
- [*** 17 ***](#)
- [*** 18 ***](#)
- [*** 19 ***](#)
- [*** 20 ***](#)
- [*** 21 ***](#)
- [*** 22 ***](#)

- [*** 23 ***](#)
- [*** 24 ***](#)
- [*** 25 ***](#)
- [*** 26 ***](#)
- [*** 27 ***](#)
- [*** 28 ***](#)
- [*** 29 ***](#)
- [*** 30 ***](#)
- [*** 31 ***](#)
- [*** 32 ***](#)
- [*** 33 ***](#)
- [*** 34 ***](#)
- [*** 35 ***](#)
- [*** 36 ***](#)
- [*** 37 ***](#)
- [*** 38 ***](#)
- [*** 39 ***](#)
- [*** 40 ***](#)
- [*** 41 ***](#)
- [*** 42 ***](#)
- [Эпилог](#)

Пролог

Круглый каменный зал был похож на колодец. Вдоль стен горели свечи – десятки свечей. Желтое ровное пламя не позволяло увидеть существ, стоящих за линией, очерченной огнями. Но Геор пытался разглядеть лишь один из силуэтов. Он из последних сил приподнимал голову и вглядывался во мрак.

Его тело, растянутое на полу, удерживали толстые цепи, которые даже он, охотник первого разряда, не смог бы разорвать. Действие зелья давно закончилось, к тому же он потерял много крови. Наверное, придется смириться с тем, что это был его последний бой. Но прежде...

– Алена! – позвал он. – Если ты здесь... Если...

Из темноты скользнула фигура, закутанная с ног до головы в черную накидку. Именно скользнула – было в фигуре что-то неумовимо чужеродное, нечеловеческое.

– В нашем мире ее зовут Аля, – свистяще произнес голос. – Каково стать добычей, Тень-на-свету? Что ты чувствуешь теперь, за минуту до смерти?

Геор молчал, сглатывая кровь: губы были сильно разбиты.

– Аля, подойди.

Черная фигура выпростала из-под накидки руку, сжимающую загнутый, напоминающий зуб змеи, кинжал.

– Подойди и закончи дело!

Аля... Алена... Сейчас Геор в последний раз увидит ее. Маленькую хищницу, заманившую его в ловушку. Гибкое тело, глаза, серые, точно дым над костром... Пепельные волосы заплетены в толстую косу...

Нельзя доверять нечисти! Никогда нельзя смотреть на них как на людей, потому что они не люди! Сколько раз Старый Дон пытался втолковать эту простую истину мальчишкам, которые только вступили в Лигу Мастеров.

Маленькая тень перешагнула линию свечей. Белая девичья рука, не дрогнув, приняла нож, на миг прижала к груди и поклонилась.

– Да будет так, – произнесла Аля.

Проклятое наваждение. Порождение ночи. Убийца. Тварь... тварь...

Мягкие губы, покорные поцелуям... Тонкие пальцы проводят по щеке, щекочут мочку уха. «Зачем ты так коротко стрижешься, Геор? Мой грозный охотник...» Смех – переливы горного ручейка.

Геор запрокинул голову, подставляя шею под лезвие. Это лучше, чем мука, разрывающая его сейчас на части.

– Давай же!

Если бы можно было все изменить, отмотать назад...

Но Геор знал, что и во второй раз поступил бы так же.

Все началось обычным апрельским утром. Весна в этом году выдалась капризной. Еще вчера жарило солнце, ночью же ветер переменился, зарядил дождь, и Георг проснулся от того, что брызги воды залетают в открытое окно и попадают на лицо. Хотя он и не в таких условиях привык спать. Что такое капли по сравнению, к примеру, с водой, струящейся по стенам канализации. Да, однажды пришлось заночевать по колено в сточных водах, сидя в засаде на жмыха. Жмых, гаденыш, так и не появился.

«Жмых. Нечисть второго класса. Обитает преимущественно в канализации, а также в норах на берегах прудов со стоячей водой. Неразумен», – автоматически включился в голове классификатор.

Старый Дон, а в миру Дмитрий Донцов, шутил над пацанами: «Только тогда станете настоящими охотниками, когда весь классификатор изучите от корки до корки! Так, чтобы ночью вас разбуди – оттарабанили наизусть!»

Георг усмехнулся: что же, видно, он вправе считать себя настоящим охотником. Сон, и без того чуткий, окончательно покинул его. Он спустил ноги с кровати, хмуро оглядел свою холостяцкую берлогу. Анжела – кажется, ее Анжелой звали, ту пышногрудую девицу, которую он пригласил на рюмочку чая в прошлый четверг, – скривила губы, разглядывая однушку Георга.

– Сразу видно, что ты один живешь, Гоша.

Он представился Георгием, упустив из внимания тот факт, что малознакомые люди тут же превращали Георгия в Гошу, в Жору, даже почему-то в Юрика.

Но тут Анжела, прикинув, видимо, что владелец квартиры, пусть и однокомнатной, зато в центре города, заслуживает внимания, улыбнулась, словно мавка, учуявшая добычу.

«Мавка. Нечисть первого класса. Прежде населяла водоемы с проточной водой, теперь приспособилась к жизни в городе. Для сохранения жизнеспособности мавке достаточно провести ночь в воде: в ванне, в бассейне, в водоеме. Почти неотличима от человека. Псевдоразумна».

– Тебе бы занавесочки на окна, цветочки...

Анжела мечтательно разгладила покрывало на кровати, точно уже представляла, как облагородит холостяцкое жильё молчаливого брутала милыми женскими штучками. А то ведь не дело – одежда брошена грудой на кресле, на журнальном столике, лакированная поверхность которого прожжена и исцарапана, свалены пузырьки, какие-то жестянки, шнурки с узлами и металлическими бусинами. «Да что это вообще за хрень?» – читалось в ясных, не обремененных мыслью глазах.

Георгий молча откинул покрывало и впился в послушные розовые губы. Цветочки его не интересовали, равно как занавески, или девушки, задержавшиеся рядом дольше чем на одну ночь...

Он вышел на кухню, включил чайник, кинул в кружку две ложки растворимого кофе. Пока вода закипала, сложил пустые контейнеры из-под еды в пакет – выбросит по дороге. Георг уже не помнил, когда в последний раз готовил сам. Ужин привозил курьер, на обед можно прийти в любой ресторан, с которым у Лиги заключен договор. Организация не скупилась: для охотников с лицензией все самое лучшее, и это не считая немаленькой суммы, каждый месяц перечисляемой на карточку. Георг мог бы обзавестись квартиркой посвободнее, но зачем? Его и так все устраивало.

Он неторопливо собирался. Утренняя подготовка давно превратилась в ритуал. Черный горький кофе, душ. Георг менял лезвие на бритве: тупое лезвие может оцарапать кожу, а для охотника каждая ранка – лишний риск. Провел рукой по волосам, еще немного и надо стричься. Волосы не должны отрастать длиннее сантиметра: длинные волосы – помеха в бою.

Светлая рубашка, темные брюки, серая куртка-блейзер. Любой, кто встречал Георга на улице, видел клерка, спешащего на работу в офис, только рюкзак из потертой джинсовой ткани выбивался из образа. А еще отличали мужчину от обычных сотрудников офиса слишком широкие плечи, острый взгляд и общая плавность движений, как у затаившегося хищного зверя.

Охотники шутя называли рубашку и брюки дневной экипировкой. К выбору же ночной подходили без смеха, тщательно и серьезно. Георг

работал над своей вот уже два года – с того самого момента, как получил лицензию и значок охотника, летящую сову.

Напрасно сов считают дружелюбными птицами – интернет полон милительных фотографий. На самом деле это опасные ночные хищники. И каждый, кто видел горящие золотом глаза, острые когти, нацеленные на добычу, расправленные крылья, тут же забывал о том, что хотел почесать пушистый комочек за ухом. Конечно, для людей совы не опасны, а вот для созданий ночи...

Ночную экипировку надевали, выходя на охоту. Здесь не было строгих правил, каждый охотник подбирал амуницию, исходя из собственных привычек. В личной ячейке Геора хранилась пара кожаных наручей с серебряными заклепками, наплечник с серебряной вставкой, чтобы отбить вкус даже у самой голодной и кровожадной твари, серебряный же кинжал. Комплект ремней, который несведущий человек мог бы посчитать обычным украшением. Нет, у каждого ремня свое назначение: мастера-оружейники вплетали в них защитные заклятия. И стоил такой ремень небольшое состояние.

Перевязь для меча единственная не имела магических или защитных свойств, но вот сам меч был предметом гордости Геора. Меч достался ему из рук самого Владимира Маковцева, после победы на ежегодном региональном соревновании.

Заключительная часть утреннего ритуала – проверка зелий. Они на всякий случай всегда должны быть под рукой. Мастера-алхимики каждый месяц пытаются разнообразить составы, создавая все новые снадобья. Представляют их потом на общем собрании в актовом зале. Но Геор давно решил для себя, что главные и основные зелья были изобретены еще в первые годы создания Лиги, а сейчас это так – деньги на ветер, должен ведь как-то отдел алхимиков оправдывать свое существование.

Иногда Геор соблазнялся обещаниями алхимиков и пробовал что-то из новенького. Вот и сейчас в рюкзаке валялся флакон с густой синей жидкостью. Уверяли, что после приема зелья охотник получит способность предугадывать удары противника, но Геор обзавелся только головной болью на двадцать четыре часа.

Алхимики! Что с них взять! Повезло, что тесты при устройстве в организацию сразу показали его как потенциального охотника. Не дай бог определили бы в алхимики, или хуже того – в аналитики. Мастера-

оружейники пользовались у Геора бóльшим уважением, но все равно, зная свою неусидчивую натуру, он был уверен, что едва ли смог стать хорошим оружейником. А палачи! Геора передернуло. Хотя уж кто-кто, а он точно никогда не страдал сентиментальностью. Но эти так называемые коллеги, с которыми он вынужден мирно беседовать на совещаниях и корпоративах, ничего кроме гадливости и омерзения не вызывали.

Одно дело – убить создание ночи в честном бою, совсем другое – изоощренно пытаться псевдоразумных или ставить опыты, надеясь лучше распознать природу твари, чтобы потом передать сведения алхимикам или оружейникам.

Геор стоял на пороге, когда зазвонил сотовый.

– Мы тебя ждем! – отрывисто сообщил Стас, начальник отдела. – Срочное дело.

– Что случилось?

– В городском парке сработал маячок на Чмура. И тварь, вероятно, уже ведет добычу.

Лига мастеров располагалась в сером многоэтажном здании – то ли НИИ, то ли офисный центр. Очень немногие знали, что скрывается за непритязательным фасадом.

Охранник на входе привстал, но тут же сел на место, опознав Георгия. Махнул рукой: проходи. Георг скривился: он не терпел дилетантства.

– А если это не я?

– А кто? – придурковато спросил парень.

То ли строил из себя недотепу, то ли действительно не понимал. Новенький. И, видно, не задержится. Георг не стал объяснять простаку, что его образ мог принять безликий или сыть, что существует несколько видов тварей, способных так или иначе копировать человека. Он приложил ладонь к сканеру, мигнула зеленая лампочка, в двери щелкнул замок.

Поднялся на третий этаж, в отдел охотников. На входе столкнулся со Стасом и Витьком, они уже были полностью экипированы.

– Встречаемся в парке, – бросил Стас. – Мы приступим. Присоединяйся, когда будешь готов.

Георг отомкнул ячейку бляшкой с личным заклинанием. Для несведущего человека бляшка казалась копией, подделкой военного жетона, но она хранила в себе информацию об охотнике. Если однажды Георгий не вернется с задания, его тело опознают именно по этому жестяному знаку.

Два года назад, только получив лицензию охотника, Георг с непривычки очень долго снаряжался. Подтягивал ремни: все казалось то слишком свободно, то жмут. По несколько раз прилаживал наручни, проверял, сподручно ли будет вытащить меч из заплочных ножен. Теперь все проделывал на автомате, раздумывая над появлением в городском парке чмура.

Твари хоть назывались созданиями ночи – они прекрасно чувствовали себя днем и тогда же выходили на промысел. Только некоторые виды были сугубо ночными существами, которые боялись солнца. Чмур солнца не боялся. Георг затягивал ремни и мысленно

листал классификатор, освежал в памяти все, что знал об этих существах.

«Чмур. Нечисть первого класса. Прежде обитали в густых лиственных лесах, теперь можно встретить в городских парках, в лесополосах. Выбрав жертву, принимает облик человека, заслуживающего доверия. Псевдоразумен».

Классификатор всегда излагал факты скупно и сухо. Это был лишь указатель, но Геор, как любой лицензированный охотник, знал куда больше, чем содержалось в коротких строчках.

Чмура иначе называли водильщиком. Чаще всего он выбирал своими жертвами одиноких детей или стариков. Выбирал и начинал водить, заманивая все глубже в чащу. Хотя заблудиться люди могли даже в двух шагах от дома. Чмур дожидался, пока несчастный, утомившись, уснет, и после выпивал жизненную силу.

Подозрения о том, что в городском парке появился чмур, возникли месяц назад. Сначала пропала пожилая женщина. Отправилась в магазин за хлебом и решила срезать путь по аллее парка. На следующий день ее нашли погибшей. Официальная версия – заблудилась и замерзла. Две недели спустя пропал двенадцатилетний подросток...

Было совершенно непонятно, откуда взялся чмур в исследованном вдоль и поперек парке. Может быть, спал долгие годы, забившись в дупло или в трухлявый пенёк. Может быть, что вероятнее, пришел издалека: парк одним концом упирался в дачный поселок, а там уже и до настоящего леса рукой подать.

Расставленные маячки долго безмолвствовали, но вот сегодня наконец сработали. Чмур. Все-таки он.

Геор подвесил к ремню самые необходимые зелья, на всякий случай добавил кровеостанавливающую настойку. Зелье «Жар» открыл и выпил здесь же: день промозглый, а куртку придется оставить в офисе.

Захлопнул ячейку, и рука автоматически метнулась к оголовью меча над левым плечом, но тут же опустилась.

– Нервничаешь, охотник? – с ухмылкой спросил Петр.

Он стоял за закрывшейся дверцей. Геор не ответил, однако руку для рукопожатия пусть с неохотой, но протянул. Ладонь палача была твердой, прохладной и сухой.

– Ты по делу или мимо проходил? – без улыбки осведомился Георгий.

– Вообще-то по делу. – А вот Петр никогда не скупился на улыбки, удивительно доброжелательный палач. – Ты должен зайти к нам в отдел, заполнить опросник. Ничего серьезного, так, выборка.

– Зайду, – коротко ответил Георг. – Позже, если время появится.

Будь его воля, он бы никогда больше не спустился бы в этот смрадный подвал...

Нет, на самом деле стены подвальных помещений были отделаны белейшими пластиковыми панелями. Двери, тоже выкрашенные в белый, закрывались герметично, как иллюминаторы на корабле. Георг предпочитал не заглядывать внутрь, чтобы не застать мастера-дознателя за работой. Но в прошлый раз, когда он спустился, чтобы заполнить какие-то бумаги, одна из дверей приоткрылась и до слуха донесся нечеловеческий стон мучимого существа.

– Должно появиться! – улыбка не стерлась с лица Петра, но голос прозвучал жестко.

Георг молча отправился к выходу. В конце концов, отдел охотников не подчиняется отделу дознавателей. Если какие-то претензии лично к нему – пусть пишут рапорт Большаку.

Жар еще не вступил в полную силу, и в первую секунду прохладный ветер омыл разгоряченную кожу, очистил от чувства гадливости. Георг был готов к охоте.

Он двигался сквозь толпу, но люди не удивлялись его странному виду, не пялились на меч за его спиной. Георг знал, что сейчас он для них лишь размытое темное пятно. Тень-на-свету. Его увидят только тогда, когда он сам этого захочет.

В обычном своем состоянии Георг добрался бы до городского парка за час, сейчас же, войдя в боевой режим, он сжимал пространство, как гармошку: каждый шаг заменял десяток шагов. Его глаза с расширившимися зрачками не упускали ни одной детали. Людей он видел вспышками света – дети, полные жизненной силы, сияли, как лампочки, старики светили тускло, мерцали.

Взгляд выхватил из окружающего пространства нечто, что заставило его остановиться. Тело среагировало быстрее, чем разум. Он

заметил наполненную сиянием человеческую фигуру, вот только сияние постепенно гасло. На плечи человека будто был накинута темный плащ. Он шевелился, как живой, наползая с плеч на грудь, обнимая живот.

Кинжал сам собой лег в руку. Сейчас хватит и кинжала. Геор не любил, когда его отвлекали на задании по пустякам, но придется поработать сверхурочно.

– Лапы прочь! – прошипел он.

Для людей охотник по-прежнему оставался невидим, а вот щуплый старичок в поношенном пальто шарахнулся прочь, точно увидел свою смерть. Впрочем, так оно и было.

– Я с лицензией! – старичок поднял руки к лицу, будто защищаясь. – Вот! Вот, смотрите.

Трясущимися пальцами он залез в карман, вытянул мятую бумажку и протянул ее Геору. Тот брезгливо развернул и, разглядев печать с совой, сразу понял, что прилипала не обманывает.

«Прилипала. Нечисть третьего класса. Принимает облик немощных, слабых людей или животных. Питается жизненной энергией, но смертельной угрозы не представляет. Псевдоразумен».

Псевдоразумную нечисть третьего класса, не причиняющего серьезного вреда людям, Лига не истребляла, а ставила на учет. С этими созданиями наладилось своего рода сотрудничество: они регулярно делали денежные взносы и за это получали лицензии «на питание».

Геор огляделся в поисках жертвы и заметил, что от них стремительно удаляется молодой мужчина. Остановился, повел плечами, отряхнул ладонью с рукава невидимую пыль – последствия вмешательства нечисти в ауру. Ничего, голова часок поболит и перестанет.

– Лицензия через месяц заканчивается, – процедил сквозь зубы Геор. – Не забудь продлить!

Мужичок принялся кивать, кланяться и отступать спиной. Геор не стал тратить время, глядя, к кому из прохожих тот присосется, – и так задерживается. Если чмур нашел себе жертву, то надо поторопиться. Кто знает, сколько он ее уже водит.

Парк еще не очнулся от зимней спячки. Почки едва проклюнулись, пахло сыростью и гнилью, прелой листвой. За деревьями спрятались замершие аттракционы. На вагончиках детской железной дороги застыли нарисованные яркой краской улыбки, за зиму кое-где краска облупилась, обнажая железо, и казалось, будто вагоны скалят зубы.

Геор остановился, несколько раз вдохнул и выдохнул, закрыл глаза, прислушиваясь, принохиваясь. Чутье охотника еще больше обострилось. Он мог ощутить все живые и неживые сущности в радиусе нескольких десятков метров. В этой части парка былолюдно, шумно – чутье сбило, дробилось. Дети с родителями, компании подростков, старики, вышедшие в парк подышать, посидеть на скамеечке, подставив лица под первые лучи весеннего солнца. Птицы на ветвях, свора собак, копошение жизни в подлеске – все это чутье отметало автоматически.

Стас и Виктор ушли далеко – Геор не смог их почувствовать. Да и ему самому не было никакого смысла оставаться в этой части парка: едва ли чмур и его жертва обнаружатся за ближайшим кустом, эта тварь тоже не любит людных мест.

Дальность охотничьего чутья у Геора неплохая, до пятидесяти шагов, правда, со Стасом ему не сравниться, у того охват территории почти сто метров. «Отправлю тебя на курсы повышения квалификации!» – то ли грозился, то ли обещал начальник отдела, но дела все прибывали, только успевай разгребать, так что курсы откладывались на необозримый срок.

Геор поправил перевязь, подтянул ремни и отправился кружить по парку, сам толком не представляя, куда направляется. Одно ясно – подальше от людей, вглубь, да не по дорожкам, которые уже успели вымести и присыпать песком, а под деревьями, по мокрой листве, туда, куда ни один нормальный человек не сунется.

– Тенью по земле, тенью по траве, тенью по воде... Создание ночи, выйди ко мне... – бормотал Геор простенькое заклинание

призыва, которому учили мальчишек-подмастерьев: сил оно не тратило, но иногда оказывалось действенным.

Парк затаился, притих, будто перед грозой. Замолчали птицы, редкие насекомые спрятались в траве. Они тоже ощущали призыв охотника.

И это безмолвие помогло – Георг что-то почувствовал. Он не сразу понял, что это было – какой-то особенный запах? Звук? Что заставило напрячься все мышцы? Сделал шаг – колючая ветка словно когтем провела по лицу: «Стой!» Наклонился и увидел на кустарнике на уровне груди красную нитку, она трепыхалась на ветру, как одинокий огонек. Осторожно снял, намотал на палец, зная, что последует за этим.

Вспышка. Цепочка следов по земле. Их не видно, примятые травинки распрямились, но Георг видел не отпечатки, он видел слабое свечение там, где наступала маленькая нога. А рядом тянулись черные, точно покрытые слизью, трехпалые отметины.

Секунду он видел ее – девочку-подростка в алой куртке. Шапку сняла и несет в руке, дуреха – ветер еще прохладный. Оглядывается, взгляд растерянный. Вроде бы где-то рядом остановка и дом репетитора по английскому, с которым она уже полгода занимается. И в парк-то заглянула ненадолго, просто проверить, не заработали ли аттракционы.

– Бабушка, а далеко еще до дороги?

Старушка с лицом добрым, морщинистым, будто печеное яблочко, настоящая бабушка, такой только сказки внучкам рассказывать, улыбается и берет девочку за руку. Крепко берет, решительно.

– Туда, туда, деточка. Туда. Я тебя выведу...

Пока не истаяло в памяти видение цепочки следов на прошлогодней бурой листве, Георг, не теряя времени, поспешил вдогонку за девочкой и тварью, что уводила ее все дальше от людей.

Он скоро увидел девочку, лежащую на земле. В первую секунду представилось страшное: алое пятно на серой земле слишком походило на кровь. Пришлось напомнить себе, что чмуры, как и многие другие создания ночи, питаются не живой плотью, а жизненной силой. Алым горела куртка пропавшей девочки. В откинутой руке вязаная шапка, светлые волосы на палой листве. А рядом, на корточках, сидела бабка. Непонятно, почему чмур не стал

возвращать себе истинный облик, ведь жертва уже потеряла сознание. Возможно, это случилось совсем недавно, а значит, у Геора есть все шансы ее спасти.

Бабка покачивалась, причмокивала, чавкала, будто упивалась сочным блюдом. Да так оно и было: жизненная сила юной девушки – для нечисти деликатес. Тварь положила сухие ручки на грудь девочки, а Геор знал: присосалась намертво, хуже клеща. Теперь, даже если он снесет гадине голову, энергия продолжит течь по рукам и выплескиваться наружу, а девчонка точно погибнет.

Подкрался. Еще шаг. Еще. Вытащил из ножен меч, вот только сейчас он не поможет. Прокрутил в голове скудные знания о чмурах. Прежде он никогда с ними не сталкивался.

Огляделся. Ни Стаса, ни Витька. Как сквозь землю провалились, даром что ушли раньше. Где их носит?

По всему выходило, что избавиться от присосавшегося чмура могла только жертва, куда у нее оставались силы. Есть несколько способов, теперь бы привести девочку в чувство.

Геор осторожно обошел тело в красной куртке, сел по другую сторону от бабки. Сколько он тварей видел за свою службу, и то с трудом заставил себя не отвести глаза: на человеческом морщинистом лице белели пустые бельма. Даже к лучшему – тварь сейчас настолько срослась с девочкой, что видит и чувствует только ее. Геор для нее не существует.

Охотник провел по лбу девочки. Холодная влажная кожа. Сколько ей лет? Сейчас она казалась совсем юной. Двенадцать, тринадцать?

– Очнись! Открой глаза!

Бабка заворчала, пошевелилась недовольно.

– Очнись!

Геор несильно похлопал ее по щекам. Девчонка застонала, заворчалась, подняла веки. Вздрогнула.

– Тихо, тихо, малышня. Я пришел тебе помочь. Ты видишь эту тварь?

Девочка скосила глаза и вскрикнула, еще сильнее побледнела от ужаса.

– Ба-абушка? – хрипло протянула она.

– Это не бабушка. Это вообще не человек...

Геор запнулся: не время читать лекцию.

– Эта тварь пьет твою силу. Меня она не замечает, к тебе присосалась так, что не оторвать.

Девчонка всхлипнула, на рыдания у нее просто не хватало сил.

– Дядя... Я боюсь...

– Все будет хорошо, малышня. Сейчас я тебя подниму, и мы потихоньку пойдем. По дороге избавимся от злой бабки. Давай-ка!

Он поднял ее легко, как пушинку, помог удержаться на ногах. Бабка рук не отняла, захлюпала, заворчала, завертела головой, сиюсь отыскать что-то невидящими глазами – жуткое зрелище. Девчонка пронзительно взвизгнула.

– Идем, идем... Потихоньку.

Они побрели втроем, издав издав напоминая странное шестиногое существо, которое брело, шатаясь как пьяное. Геор почти нес девочку, с другой стороны ковылял чмур, кряхтел и пил-пил-пил жизненные силы жертвы.

– Дядя, ты зачем без куртки? Холодно...

– Я привык.

– А это у тебя что – меч?

– Меч. А любопытной Варваре на базаре нос – знаешь что?

– Ой, а откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Варя, значит? Так, Варвара, слушай меня внимательно.

Геор наконец заметил то, что искал: дерево с выступающим над почвой корнем, образующим подобие арки.

– Лезь под корень. Давай.

Этот способ сбивал нечисть со следа. Но поможет ли, если чмур уже присосался?

Геор отпустил Варю, и она шлепнулась на четвереньки, замотала головой. Бабка тут же села на землю, удовлетворенно зачавкала.

– Вперед! – мягко подтолкнул он растерявшуюся девочку.

Она поползла под корень, пачкая ладошки и колени в земле.

– Ой, а шапка моя...

– Потом найдем, Варвара. Потом.

Как хотелось Геор у отсечь твари голову одним ударом! Он положил руку на оголовье, стиснул так, что кристалл впился острыми

гранями в ладонь. Нет, нельзя. Для девочки это верная смерть. Сначала чмура надо оторвать от нее.

Варя с трудом переставляла трясущиеся руки и ноги, но ползла упорно. Вот ее белобрысая макушка, усеянная крошками мха и коры, показалась из-под корня. Однако чмур не отвязался, видно, крепко запустил в ауру девочки свои лапы. Он как-то ужался, перекривился, но прополз следом. Теперь это уже была не бабка, а чудовищная карикатура – одна рука достает до земли, пальцы загребают листву, другая будто вросла в грудь девочки. Ноги сделались птичьими, с тремя острыми когтями. Так и брела.

– Чавкает... – жалобно пробормотала Варя. – Ой, боюсь... Ой, мамочки...

Геор подхватил худенькое тело, удержал за пояс.

– Идем, Варвара-краса. Сейчас мы эту тварь... Сейчас...

Как же еще избавиться? Тьфу ты! Лес... Что еще можно сделать в лесу? Вода! Точно! Нужна проточная вода!

Геор судорожно попытался представить план парка, вспоминая, есть ли на его территории речушка или хотя бы ручей. Нет, так он до утра вспоминать будет. Воду можно почувствовать!

Прикрыл глаза, каждой клеточкой тела впитывая ветер. Охотник всегда найдет проточную воду. Вот и сейчас ощутил, как долетел до него аромат водорослей, рыб и мокрых камней. Плюнул с досады: слишком далеко, Варя не дойдет.

И тут же вспомнилось верное средство задержать чмура, обмануть. Как бы только девчонка не испугалась.

– Варвара-краса, мне нужен лоскуток твоей куртки.

Девочка кивнула. Кинжал отхватил кусок рукава, и Геор сплел ткань в подобие куколки: голова, ручки, ножки, перевязал ниткой.

– А теперь мне нужна капелька твоей крови.

– Ой, нет...

– Варвара, ты ведь взрослая девушка, неужели боишься палец уколоть? Смотри, я не боюсь.

Геор демонстративно чикнул лезвием по подушечке большого пальца.

– Раз – и все. Или хочешь с бабулей и дальше прогуливаться?

– Я... Нет... Я не хочу-у-у!

Варвара зарыдала навзрыд, ее потряхивало от ужаса и от того, что силы заканчивались. Геор это видел и только усилием воли заставил себя не проявить самоуправство: секундное дело – порезать девчонке руку, но пусть решится сама.

– Ла-адно...

Он уколол тонкий палец и испачкал куколку, стараясь, чтобы на ткань попало как можно больше крови, а потом со всего маху всадил в куколку кинжал, прищипливая ее к земле. Живая кровь жертвы должна отвлечь чмура. Должна! Иначе ничто уже не поможет...

Прошла секунда, другая... Бабка на курьих лапах повела носом. Она чуяла кровь. Кровь неодолимо влечет всех созданий ночи. Всхрапнула, отлепила от Вари руку и поковыляла в сторону муляжа.

– Уходи, Варвара, – приказал Геор, и девочке даже не пришлось в голову его послушаться. – Вон, к тому дереву. Иди, не оборачивайся.

Чмур тянул руки, теперь напоминающие лапки паука, к куколке. Геор зашел твари за спину, плавно вытянул меч, крепко сжал – рука не дрогнет. Мгновение, и черная голова с острой мордочкой покатила в сторону. Кончено.

Поднял кинжал, оттер от земли – надо будет почистить. Нашел глазами Варвару. Девочка сидела, привалившись к стволу, моргала круглыми глазами.

– Я сплю, да? – тихо спросила она. – Это ведь сон такой страшный?

– Да, – подтвердил Геор. – Сон. Ты где живешь, Варвара-краса?

– На Котельниковой, дом пять.

– Угу...

Он проводил ее до двери. Положил ладонь на лоб, увидел, как сонно опустились веки. Варвара заснет, а когда проснется, то забудет обо всем, что с ней произошло в лесу. Вернее, будет помнить другое: потерялась, долго блуждала, перепачкалась, вон и рукав где-то разодрала. Несколько дней девочка будет хотеть мяса, желательно даже с кровью. Но постепенно остаточные следы чмура в ее ауре рассеются, силы восстановятся, плохое забудется.

Вот только сны еще долго могут мучить, как они мучили Геора, когда... А уж это совсем неважно! Тряхнул головой, загоня муть,

поднявшуюся из глубины души, туда, куда положено – на дно.

Стас вернулся почти следом за Геором, когда тот, сняв экипировку, собирался в душ.

– Заблудились?

Стас пригляделся к сотруднику: по лицу Геора невозможно было понять, шутит тот или злится. Улыбнулся, похлопал по плечу.

– Представь! Как-то мы разошлись. Пока ты с чмуром разбирался, мы с Сергеевым в противоположном конце парка были, – и, предупреждая вопрос, пояснил: – Знаю уже, что ты с ним расправился – видел дохлятину. Молодца! К вечеру растворится... Что жертва?

Геор промолчал: на него вдруг навалилась тупая усталость последних дней. Тяжелая выдалась весна.

– Ладно, не отвлекаю. Про отчет не забудь, подготовь до вечера.

– Угу...

Геор терпеть не мог бумажной волокиты, каждый раз мучительно подбирая слова для отчета. Если бы можно было предоставить это кому-то другому, а самому только выходить на дело! Это проще, понятнее. Глоток зелья, меч в руку – и вперед. В охоте на нечисть есть один неоспоримый плюс – никогда не сомневаешься в своей правоте. Нечисть – зло, а ты защищаешь мир от чудовищ.

Геор повесил на плечо полотенце и уже отправился в сторону душевых, когда его догнал голос Стаса. На этот раз Стас не притворился закадычным дружкой, включил начальника.

– В пятнадцать ноль-ноль пятиминутка в зале собраний. И... Ты когда в последний раз заглядывал к психологу? Ты не хуже меня знаешь регламент... – Голос чуть смягчился. – В конце концов, зачем мы держим штат этих бездельников?

Геор кивнул, не оборачиваясь. Дверь в душевую готов был приложить со всего маха, придержал в последнюю секунду. Выкрутил до упора кран с горячей водой, не обращая внимания на то, что струи обжигают кожу. Почему бы им всем не оставить его в покое? Психологи, начальники, палачи! Чего им всем от него надо? Он плохо делает свою работу?

– Паскуда! – прошипел Геор, точно не зная, кого имеет в виду: наверное, среди прочих больше всего чмура, но отчасти и Стаса.

Мозгоправов он терпеть не мог, хотя первый год после получения лицензии исправно посещал каждый месяц. В штат психологов будто нарочно набирали молоденьких, симпатичных и чрезвычайно сострадательных девочек. Хотя... почему «будто»? Для психологической разгрузки охотников – самое то. Сядет напротив такая фея с оленьими глазами, улыбнется нежно – у кого угодно язык развяжется.

– Георгий, давайте начнем наш разговор с событий двенадцатилетней давности, – говорила очередная Дарья Михайловна или Светлана Игоревна, всем своим видом излучая доброжелательность и профессионализм. – О том времени, когда вы впервые узнали о существовании Лиги мастеров...

– Я уже тысячу раз говорил!

Ни тени обиды на лице.

– Да, конечно, – торопливо перелистывает блокнот. – Но будет проще строить дальнейший разговор, если не станете держать в себе то, что вас мучает.

– Меня ничего не мучает.

– Отлично. Хорошо. Я правильно понимаю, что двенадцать лет назад вы сами стали жертвой нечисти... – опускает голову, подчеркивая строчки на листе, а на самом деле прячет глаза. – Безликого. Верно?

...Геор закрыл горячую воду и включил ледяную. В голове постепенно прояснилось.

На обед пошел, как обычно, в «Имбирь» – там он давно облюбовал столик в углу, подальше от входа. Напрасно Витька Сергеев несколько раз пытался вытащить его куда-то еще, тряс рекламным буклетом, подготовленным мастерами-аналитиками:

– Зря, что ли, люди стараются! Смотри, вон даже стриптиз-клуб в этом месяце в список вошел!

Геор скользнул взглядом по яркой листовке, усмехнулся.

– Думаешь, тебе стриптиз покажут во время бизнес-ланча?

Сам Геор в стриптизе не видел смысла. Нафига издалека любоваться на то, что можно получить целиком и просто так? В телефоне хранился длинный список девиц, каких-то Анжел, Жанн,

Кристин, чьи лица стирались из памяти на следующий же день. Георгий каждый раз демонстративно забивал телефон очередной Анжелы в память смартфона: вот, мол, видишь, у меня далеко идущие намерения, это не на одну ночь... Знал ведь, что на одну. Но почему потом не стирал номера? Загадка.

После обеда отправился в тренажерку – еще один отличный способ избавиться от ненужных мыслей. Охотник за нечистью не обязательно должен иметь накачанные мышцы. Что Витек, что Глеб – доходяги ведь, как ни посмотри. Правда, на скорости реакции и на силе это никак не сказывалось, даром, что ли, алхимики зелья-усилители составляют. Но Геору нравилось тягать железо, нравилось напряжение мышц, разогретое тело и удивительная легкость, возникающая в голове. Можно на время забыть об отчете, об опроснике, о рабочем совещании, о психологинях... Просто не думать.

– Гоша, на совещание! – В зал заглянула Верочка, секретарша Большака.

Она каждый раз обегала этажи, вытаскивая затаившихся в курилке алхимиков, аналитиков, делающих вид, что они самые занятые сотрудники Лиги, дознавателей, уверенных, что их-то за работой точно никто не потревожит. Нет, Верочка была неотвратима и неумолима, как сама смерть, от ее взора в здании Лиги не укрылась бы и мышь.

– Гоша! – Верочка немым укором застыла в дверях, потому что Георг старательно игнорировал секретаршу. – Три минуты, Гоша!

В зале совещаний набралось от силы два десятка человек. Георг уселся на предпоследнем ряду, демонстративно уткнулся в телефон.

Пятиминутка, как водится, растянулась на час. Первыми выступали аналитики. Георг пропускал мимо ушей скучные цифры статистики. Лига мастеров с самого возникновения пыталась взять нечисть под контроль. И если с псевдоразумными получалось вести хоть какой-то учет, неразумные твари плодились и перемещались совершенно безнадзорно.

Потом на сцену поднялся Маковцев. Бывший охотник расплылся, погрузнел – вот что с человеком делает сидячий образ жизни.

– Вчера в руководстве, – он ткнул пальцем вверх, ссылаясь, видимо, на генерального, возглавляющего отделение Лиги в столице, – было принято решение перевести тавуль в нечисть первого класса.

«Тавуль. Нечисть третьего (теперь уже первого) класса. Предстает в виде прекрасной женщины с белой кожей и черными волосами. Появляется в зимнее время года, заманивает случайных путников, замораживает, выпивает жизненную силу. Псевдоразумна».

По залу поползли шепотки. Первый класс автоматически лишил нечисть каких бы то ни было прав: ей больше не выпишут лицензии «на питание», мастера-дознаватели получают возможность ставить опыты, допрашивать и изучать, охотники, подготавливая отчеты после ликвидации, избегнут необходимости заполнять кучу бланков. Геор довольно ухмыльнулся. Но решение руководства не всем пришлось по вкусу.

– Превосходно, – проворчал пожилой мастер-аналитик. – И лишимся дохода от лицензий!

– Если на одну чашу весов поставить доход, а на другую человеческие жизни, то что перевесит? – встрепнулся Антон – молодой и горячий мастер-оружейник. – В руководстве знают, что делают.

Он готов был ввязаться в спор, но аналитик махнул рукой и отвернулся.

– Жалко, – чуть слышно прошептал девичий голос за спиной Геора.

Он обернулся, смерил взглядом жалельщицу. Брюнеточка с короткой стрижкой потупилась. Новенькая. Где-то он ее уже видел, но отдел, хоть убей, вспомнить не мог.

– Жалко? – переспросил он, подумав, что ослышался. – Тварей?

– Я не знаю...

Девушка не поднимала головы, покусывала губы. Бейджик на светлой блузке сообщал о том, что сентиментальную дамочку зовут Тамарой.

– Мне иногда кажется, что они разумны все-таки. Ну хотя бы некоторые... Что им поделать, если родились хищниками?..

– Выкинь из головы эту чушь! – перебил Геор. Голос прозвучал резче, чем он хотел. – Псевдоразумны – этим все сказано. Они всего

лишь копируют человека, внутри нет души, нет чувств, нет мыслей. Все, что им нужно, – раздобыть жизненную энергию.

Он вспомнил чавкающего чмура, светлые волосы Вари, разметавшиеся на грязной земле. Если бы он задержался еще на пять минут...

На экране тем временем включили презентацию, рядом с микрофоном крутился щуплый мастер-алхимик в очках с толстыми линзами.

– На основании исследований, предоставленных нам отделом дознавателей, удалось получить отменный эликсир...

Ох уж эти алхимики. Все-то у них отменные эликсиры. У Геора еще после прошлого затылок ломило. Коротышка поднял руку с зажатым в ней флакончиком, потом, сообразив, что последние ряды не смогут рассмотреть с такого расстояния, переключил слайды, и на экране появился пузырек с жидкостью зеленого цвета.

– Вот он, «разряд молнии». Применяется как средство реанимации после смертельных ранений, отравлений, падений с высоты...

Геор не стал дослушивать, поднялся, не таясь отправился к выходу. Натолкнулся на недовольный взгляд Стаса. «Отчет!» – безмолвно напомнил тот, постучав по вороху бумаг, зажатых в руке. Геор сделал вид, что не понял.

Следующий рабочий день выдался на удивление спокойным. Георг кое-как накидал отчет, распечатал и отнес Стасу на стол. Тот пробежал глазами, приподнял бровь, видно, зацепился взглядом за оборот «Тварина чавкала». Георг ждал, сложив руки на груди, на лице застыла невозмутимая мина: что, мол, переписать, начальник? Стас отмахнулся: иди.

После обеда поступил сигнал из одного районов города, спокойного, в общем-то, района. В одном из дворов вот уже несколько дней подряд находят мертвых голубей.

– Звоните орнитологам, – буркнул Георг.

Ему, опытному охотнику, показалось унижительным разбираться сдохлыми птицами.

– У голубей перегрызено горло, – бесстрастно сообщил мастер-аналитик, передавая Георгу разнарядку.

– Значит, это кот!

– И птицы полностью обескровлены.

Мастеру-аналитику, видно, доставляло удовольствие выдавать информацию по капле. Он заметил, как перекосило Георга, и по тонким губам скользнула улыбка. Между аналитиками и охотниками издавна велась партизанская война: в открытую не гадили, но мелкие подлянки с удовольствием устраивали.

Георг собрался было переодеться, но, подумав, решил, что дело наверняка не стоит и выеденного яйца, так и отправился на задание в офисной одежде. В последний момент захватил кинжал, спрятал в петле под курткой.

– Что тут у вас? – спросил он у дворника. – Где птицы?

Самым сложным в профессии охотника, по мнению Георга, были именно такие моменты – разговоры с людьми, не подозревающими ни о созданиях ночи, ни о Лиге мастеров. В редких случаях позволялось открыться, но потом обязательно наложить заклятие забвения. Вот и приходилось юлить, недоговаривать, надумывать причины.

– А ты кто?

– Орнитолог! Подозреваю, что птицы подхватили заразную инфекцию.

– Так... это... У них голов нет! Это что за зараза такая?

– Птичий грипп! – рявкнул Геор.

Дворник присел и так, враскоряку, повел сурового орнитолога за собой к мусорному бачку.

– Сегодня – вот... А тех-то уже вывезли...

Геор, морщась, надел резиновые перчатки – по долгу службы всегда приходилось носить с собой несколько пар – и вытянул за крыло тщедушное птичье тельце. У голубя действительно не было головы. Чутье охотника мгновенно подсказало, что не обошлось без нечисти.

– 3-зараза! – процедил он сквозь зубы.

Ни класс нечисти, ни вид пока были не ясны. Одно точно – редкая паскуда. Обычно нечисть поглощала лишь жизненную силу, а этой, гляди-ка, кровушки подавай.

Геор огляделся. На площадке резвились дети. Старый Дон любил повторять, что если дело касается нечисти, то дети – главные свидетели. Зачастую они чувствуют и замечают то, что взрослые предпочитают не видеть. К тому же именно дети чаще всего становятся добычей созданий ночи. Слабые, доверчивые – они легко попадают в коварные ловушки. Их ауры, светящиеся, точно электрические лампочки, были лучшей приманкой для нечисти. Геор старался не думать о том, сколько детей пропадает в его городе каждый месяц и что с ними случается на самом деле...

Сел на скамейку, прислушиваясь к разговорам ребят. В домике, сделанном из яркой пластмассы, собралась стайка мальчишек. Они сгрудились, перешептываясь. Один пацаненок – белобрысый, с цыплячьей шейкой – все вертел головой, будто боялся, что беседу подслушают. И ведь подслушивают! Геор усмехнулся, но потом сделался серьезен, даже сумрачен. Разговор ему не нравился.

– Миха, давай, сегодня моя очередь! – сказал темноглазый мальчишка и подтолкнул локтем белобрысого.

Тот покачал головой и отступил, прижал руку к груди. Жест был такой, будто у него внезапно прихватило сердце – странный жест для десятилетнего пацана. Друзья наступали на него, глядя зло, без

сочувствия. Самый высокий, кряжистый паренек рванул задохлика за ворот.

– А ну! Отдавай! Сережкина очередь, а завтра моя.

Со стороны казалось, что происходят обычные мальчишеские разборки. Не поделили какую-нибудь свехценную вещь вроде рогатки или подшипника. Хотя это Геор в детстве мог из-за рогатки подраться, а из-за чего сейчас пацаны дерутся? Из-за карточек трансформеров? Фигурок Марвел? Однако что-то в происходящем настораживало. Слишком уж непримиримо смотрели друзья на Миху, а тот затравленно оглядывался, будто речь шла о жизни и смерти.

Вмешаться бы! Взять вон того увальня за плечи да вытрясти правду. Геор хмыкнул, представив, как это будет смотреться со стороны. Здоровый мужик вламывается в игрушечный домик. С полицией он потом, конечно, объяснится – у Лиги с полицией давно налажена связь – но драгоценное время потеряет. Оставалось только прислушиваться.

Между тем разборки вышли на новый уровень. Михе скрутили руки, он пытался пнуть обидчиков, но на его слабые попытки никто не обратил внимания. Раскрасневшийся и довольный Сережка залез за пазуху другу и вытащил куколку, сплетенную из соломы, болтающуюся на толстом шнурке.

Геор зашипел сквозь зубы, дернулся, рука автоматически потянулась к левому плечу и цапнула пустоту. Проклятие! Меч-то он не взял! Зелья, заговоренные ремни – все осталось лежать в ячейке.

– Птички, – пробормотал он. – Дохлые птички! Паскудные дохлые птички!

Геор был жутко зол на мастера-аналитика, который толком не узнал ничего о природе твари, прежде чем отправлять охотника. Но больше всего он злился на себя и на свою беспечность! Это надо так лажануться!

Конечно, можно вернуться в Лигу за снаряжением. Судя по мертвым птицам, житник проснулся несколько дней назад, еще есть время до того, как он войдет в полную силу. Но Геор увидел, как торжествующий Сережка надевает на шею эту мерзость, поближе к сердцу, и понял, что не оставит пацаненка один на один с этой дрянью.

«Житник. Нечисть первого класса. В спокойном состоянии имеет вид небольшой плетеной из соломы куклы. В целях охоты пользуется детьми с подчиненным сознанием. Питается кровью: любит человеческую, но не брезгует и животной. Неразумен».

Потом, когда все закончится, надо будет узнать, на каком поле брали солому для житника. Значит, на том поле завелась полевка, псевдоразумное, а оттого еще более опасное существо. Солома лишь впитала часть ее темной силы, и получился житник – неутолимая жажда крови.

Ребенок, которому подарили житника, бережет его, словно драгоценность. Соломенная куколка подчиняет себе ребенка, а через него и других детей. До сих пор неясно, чем она их так прельщает: еще ни один малыш, освобожденный от власти житника, не мог толком объяснить. Они вообще плохо помнили, что происходило с ними в те дни.

Перед глазами встал прошлогодний отчет Глеба, и Георг невольно содрогнулся. Житника тогда обнаружили слишком поздно. В маленьком частном домике на окраине города стали твориться странные вещи: какой-то хищник одну за другой душил кур, потом принялся за кроликов. Хозяева грешили на собаку нелюдимого соседа, пока не настал черед и самой собаки: матерому псу перегрызли горло. Хотели уже обращаться в полицию, тогда сигнал получила бы и Лига мастеров, да опоздали – страшная развязка наступила на следующий день. Пропали дети хозяев, младшая девочка и ее старший брат, люди поднялись на поиски. Утром девочку обнаружили мертвой на чердаке, мальчик сидел в углу, рот перепачкан кровью, а на груди соломенная куколка... «По показаниям свидетелей, – написал Глеб в отчете, – соломенная куколка пульсировала, точно сердце...»

Белобрысый Миха, когда все закончится, едва ли вспомнит, как поймал голубя и перегрыз ему горло...

Сережка, заполучивший житника, отправился к подъезду. Георг расстегнул куртку, нащупал кинжал и пошел следом за мальчиком.

В подъезде пятиэтажного дома оказалось безлюдно. Лифта не было. Двойная удача.

Сережка шустро поднимался по лестнице, прыгая через две ступеньки. Георг незаметно пристроился позади, едва ли не дышал в затылок. Парнишка обернулся и, конечно, ничего не увидел, кроме густой тени, скопившейся в лестничном пролете. Поднялся на третий этаж, заворочал ключом в замке – родителей дома, вероятно, нет. Тоже на руку, разберется без лишних свидетелей. Мальчик вступил в прихожую, потянул на себя ручку, но тут Георг подтолкнул его в спину, шагнул следом, запер за собой дверь.

Сережка обернулся, шарахнулся. На мгновенно побелевшем лице черными угольками горели огромные глаза. И тут же, ни говоря ни слова, мальчишка рванул по коридору. Георг не торопился: теперь уже некуда торопиться. Он снял куртку, оглянулся в поисках вешалки. Свободного крючка не оказалось, поэтому Георг скинул на пол чье-то пальто, а свою куртку пристроил. Следом снял рубашку – не хватало еще одежду кровью запачкать. Снова пожалел о том, что поступил так неосмотрительно. Без привычной экипировки он ощущал себя голым. Что же, придется справляться одним кинжалом.

Сергей обнаружился на кухне. Стоял, уперев ноги в пол – нахохлившийся, взъерошенный. Обеими руками он сжимал кухонный нож. Самый большой, видать, выбрал – не нож, а тесак прямо. Увидел Георга, всхлипнул.

– Вы этим ятаганом туши разделываете, что ли? – усмехнулся Георг.

– Н-нет... Мама, капусту ш-шинкует... – мальчишка шмыгнул носом, быстро вытер глаза. Раскис совсем парнишка-то.

– Так, а мыши у вас дома водятся?

Вопрос застал Сережку врасплох. Он заморгал, как теленок, почти опустил нож, но тут же спохватился, перехватил покрепче.

– Нет!

– Плохо!

– Да ты кто такой? Зачем приперся? Мой папа тебя знаешь что? А я! А у меня!..

Мальчишка замахнулся ножом, одновременно пятясь. Геор вздохнул, покачал головой.

– Что, страшно?

Сереежа разревелся, как девчонка. Со всхлипами, с пузырями из носа, которые некрасиво вытирал рукавом старенькой клетчатой рубашки. Геор подошел, аккуратно вынул из трясущихся рук нож, хотел было прижать к себе вздрагивающее худенькое тело, но решил, что Сергей не малыш уже, потому только положил ладонь на лохматую макушку.

– Так, мужик, соберись! Мы сейчас с тобой сражаться будем!

– С кем?

В голосе уже нет ужаса, скорее любопытство.

– Та тварь, которую вы с друзьями по очереди на груди носите, опасна.

Сергей прижал ладонь к груди знакомым уже жестом. Сейчас он Геору чем-то напомнил мать, защищающую младенца.

– Не-ет, он хороший. Он красивые сны показывает!

– Ты уже такой сон видел?

– Ребята говорили... Я сам еще только первый раз.

– Так вот, пока оно вам сны показывает, вы голубям горло перегрызаете. Слышал уже, наверное, что в вашем дворе птиц мертвых находят?

Сереежа побледнел, позеленел даже, в лице не кровиночки.

– О-ой... – пискнул он.

Геор быстро, пока мальчишка не сообразил и не принялся сопротивляться – а подчиненные воле житника всегда сопротивляются, охраняют соломенную куколку до последнего – потянул за шнурок и одним взмахом кинжала перерезал его, как перерезают пуповину. Сергей пронзительно вскрикнул, ощутив мгновенную острую боль, которая, однако, уже стихала.

Геор сжимал в ладони сухое, легкое соломенное тельце. Житник был недвижим, казался обычной игрушкой. Вот только избавиться от смертельной сущности будет ох как непросто.

Мыши в доме все-таки водились – в подвале. Геор шевельнул пальцами, мысленно произнес заклинание призыва. Пока суть да

дело, какая-нибудь мышь как раз доберется до квартиры на третьем этаже.

В доме были газовые плиты – снова везение. Геор снял решетку, зажег конфорку. Он не спешил, зная, что последует дальше. Сережка подошел ближе: любопытство пересилило страх. Убрать бы его отсюда, в комнате запереть, но ведь не угадаешь, куда ломанется сгусток темной энергии, так что пусть мальчишка будет под боком.

– Жечь будешь, да? Жечь?

– Да, – односложно ответил Геор.

Чего уж тянуть! Все равно тварь в живое тело загнуть получится не скоро. Житник хоть и неразумное создание, но за существование свое еще поборется. На кухонный стол между тем забралась упитанная крыска, повела острым носом. Усы топорщились, глазки блестели.

– У-у, какая, – восхитился Сергей. – Жирная! Эх, мама не видит!

«Да уж, только мамы нам сейчас и не хватало!» – мысленно усмехнулся Геор.

– Сиди здесь, – приказал он крысе.

Протянул житника к огню, сухая солома занялась охотно, в кухне вкусно запахло костром. Через несколько секунд от куколки остались скрученные черные соломинки. Геор пошевелил плечами, разминая мышцы, крепче перехватил рукоять кинжала, вновь сумрачно подумал об оставленном мече.

– Будь рядом, – приказал мальчишке. – Ни на шаг!

Минуту было тихо. Тикали часы на стене, о стекло билась первая весенняя муха. Потом всколыхнулась и плавно опала штора, как от порыва ветра, вот только окно было закрыто.

Геор хотел оттащить мальчишку подальше от окна, но не успел. Штора свернулась жгутом, кинулась, как кобра, обвила шею Сережки, потянула, худые ноги дрыгнулись в воздухе. Через мгновение штора тряпкой распласталась на полу, отхваченная у основания кинжалом Геора. А потом сморщилась, собралась в комок и кинулась в лицо охотника. Ткань залепила глаза, нос и рот. Пронзительно верещал Сережка. Геор слепо резал материю, серебряный кинжал делал свое дело – штора, впитавшая темную энергию житника, обвисла.

И тут же открылась дверца в шкафу, на голову Геора дождем полились фарфоровые чашки, блюдца, тарелки. Он только и успел, что кинуть Сережку на пол и прикрыть собой. Посуда разбивалась об пол, о спину, острые осколки ранили, впивались в тело. Но вот от посуды не осталось ничего, кроме груды битых черепков, и тогда в дело вступил кухонный нож – тот самый тесак, которым защищался Сергей.

– Пас-скуда, – прохрипел Геор, едва успевая подставлять кинжал под удары.

Один из ударов пропустил, предплечье полыхнуло болью. Кровь густо закапала на пол, Геор зашипел сквозь зубы. Выкурить тварь из ножа будет сложно.

– Где у вас соль? – крикнул он пацану.

Тот сидел на полу, прижавшись к батарее. Трясся от страха, однако на призыв Геора откликнулся, пополз на четвереньках к тумбе, открыл дверцу и вытащил пакет с солью, вскрыл зубами и протянул Геору. Тот с трудом перехватил правой рукой, перебросив кинжал в левую, а потом щедро посыпал солью рану и сам же взвыл. Тесак метил все в то же место: кровь притягивала его, как магнит. Геор не стал тянуть, подставил руку, нож коснулся соли и вдруг отлетел, упал на пол уже мертвой железьюкой.

Крыса на столе шипела и дергала хвостом. Чужая созданная ночи. Геор, шатаясь, подошел к столу, оперся, пачкая кровью, но отдыхать было некогда. Поднял руку, алые капли запятнали серую шерсть.

– Ну же, – прохрипел он. – Ну же!

Ничто так не тянет созданий ночи, как человеческая кровь. Крыса заскребла когтями по столешнице, задергалась. Житник был пойман в ловушку – в живое смертное тело.

– Есть! Сергей, отвернись!

Кинжал мелькнул молнией, пригвоздив крысу к столу. Писк оборвался, когти в последний раз проскребли по дереву. В кухне сделалось тихо. Капала вода из крана, тикали часы да часто-часто дышал Сережка.

– Все, – сказал Геор. — У тебя пакета не найдется?

Крысу, так ее, придется забрать с собой. Геор огляделся – разгром они, конечно, учинили знатный. Подмигнул Сережке, вспомнив, как тот бесстрашно добывал соль.

– А ты молодец, парень.

– К-кто ты?

Надо было положить ладонь на лоб мальчика, произнести заклятие забвения, а потом просто развернуться и выйти. Но... Вспомнился день, когда сам Георгий, тринадцатилетний тогда, стоял посреди разрушенной квартиры, а рядом убирал меч в ножны мужчина с суровым лицом.

– Я охотник за нечистью, Сергей. Вырастешь – приходи, поборемся вместе. Лига мастеров, запомнил?

Мальчишка кивнул, не спуская с Геора замороженного взгляда. Геор сгрудил в пакет мертвую крысу, в прихожей, морщась, натянул на кровоточащие раны рубашку, потом куртку. Все равно в мусорку теперь, так и знал! Обернулся на пороге:

– Ну, бывай.

– Ой, подожди. А что же я маме скажу? А папе? Эй, эй, подожди!

Сергей звал его, пока дверь подъезда, хлопнув, не заглушила возмущенные вопли. Что он скажет родителям, Геора уже не касалось.

Раны от осколков оказались поверхностными. Мастер-алхимик с дипломом врача очистил их и залепил пластырем. С порезом на руке пришлось возиться дольше. Анатолий недовольно ворчал, накладывая швы.

– Ты почему без наручей? Экипировку для вас, дурней, просто так продумывают?

Врач отличался вздорным характером, однако дело свое знал, да к тому же Геор был полностью согласен с «дурнем», потому промолчал.

– На вот, выпей!

Анатолий открыл ящик стола, выставил пузырек с желтой жидкостью.

– Это антив...

– Да, знаю.

Геор, поморщившись, вытащил зубами пробку, выпил одним глотком горькую, отдающую железом жидкость. Желудок обожгло огнем. Универсальный антидот следовало применять после любых ранений, хотя житник не ядовит, но с регламентом не поспоришь. Легче принять снадобье, чем потом объясняться со Стасом.

Вышел из кабинета врача в еще более угрюмом настроении. На обед идти передумал: кишки после приема зелья устроили революцию и, кажется, намеревались скрутиться в узел. Встреченные в коридорах сотрудники шарахались от мрачного Геора. Какой-то задохлик из отдела аналитики сунулся было с бумажкой, но Геор так взглянул на него, что бедолага распластался по стеночке. А сейчас еще Стас станет требовать отчет. Геор зарычал мысленно, а может, и вслух: девочки-секретарши, обсуждавшие что-то у кулера, порскнули в стороны, как птички.

Раны пекло, кровь от пореза пропитала повязку на руке, испачкав запасную рубашку. Да что же за день-то сегодня такой! И, решив, что если все и так пошло наперекосяк, то стоит покончить разом со всеми неприятными делами, Геор спустился в подвал, в отдел дознавателей.

На бронированной двери стояла двойная защита. Геор приложил жетон к сканеру, потом вставил палец в специальный захват, дождался,

пока острая игла проколет кожу, забирая капельку крови. Анализатор, распознав человеческую кровь, загорелся зеленым. Засовы щелкнули, открываясь.

За низеньким столиком в углу притулился скрит.

«Скрит. Нечисть третьего класса. Ведение записей – неотъемлемая часть их жизни. Конспектирует увиденное; записи, если не удалось заполучить жизненную энергию человека, позже употребляет в качестве пищи. Псевдоразумен».

Человечек напоминал сказочного гнома: такого же небольшого росточка, даже шапочка колпачком имелась. Свои лицензии на питание скриты обрабатывали ведением записей в допросной: палачи хранили информацию в рукописном виде, по старинке.

Увидев охотника, скрит как-то весь сжался, тоненькие пальцы стиснули ручку. Перед нечистью лежал открытый журнал.

– Вы к кому? – прощуршал он.

Геор испытывал по отношению к мелким тварям презрение с оттенком жалости. Каково им нести службу в отделе дознавателей, присутствовать на допросах, видеть, как уничтожают нечисть, и скрупулезно вести отчеты? Хотя, впрочем, едва ли псевдоразумные существа сочувствовали собратьям. Сами сыты – и то хорошо. Скриты единственные из нечисти, кто, переступив порог подвала, могли потом покинуть его. Прочим созданиям ночи обратного хода не было.

– К Петру... – процедил Геор, считая ниже своего достоинства опускаться до объяснений с нечистью.

Фамилию улыбчивого палача Геор подзабыл, но скрит уже бодро строчил в журнале.

– Распишитесь. Бокс двенадцать. Дознаватель Снегирев отошел, но скоро будет.

Геор демонстративно вынул из кармана ручку с логотипом Лиги: он бы не коснулся предмета, который только что держала лапка нечисти. Чиркнул на строчке, куда указывал палец с заостренным коричневым ноготком.

Двенадцатый бокс располагался за поворотом, в конце коридора. Если Петра нет на месте, придется топтаться у двери, словно нашкодившему мальчишке. Геора заранее перекосило. Не особо надеясь на успех, он все-таки толкнул дверь. Вероятно, палач, уходя, прикрыл ее недостаточно плотно, потому что герметичная дверь бокса

внезапно поддалась, автоматически включились лампы, осветив небольшую комнату.

Все боксы были устроены стандартно. Существовали три вида – для казней, для исследовательских операций и для допросов. Этот оказался допросный. Клеенчатая кушетка с серебряными цепями, кафельные стены, исчерченные защитными знаками, стеклянные шкафчики, заполненные укладками с инструментами.

На кушетке лежала девушка. При виде Геора вскинула испуганные серые глаза, сжала колени. Цветастый свитер едва прикрывал бедра. От движения на глаза сползла пепельная прядь, и незнакомка сдула ее, не сводя с охотника внимательного взгляда.

«Петр совсем охренел – девиц на службу приводить? – удивился Геор. – Нашел место для встреч!»

И только в следующую секунду увидел, что руки девушки вздернуты вверх и прикованы цепью, а щиколотки охвачены ремнями с серебряными заклепками. На подставке уже разложены были инструменты, какие-то длинные щипцы и крючки – Геор не стал присматриваться, их металлический блеск поднял с глубины души волну отвращения.

– Твар-рь, – выплюнул он, раздосадованный тем, что на мгновение увидел в нечисти человека.

Она вздрогнула, как от удара, прикусила губу. Какое-то неясное чувство в ее глазах, что-то вроде робкой надежды, погасло.

В полную силу заработало охотничье чутье, классифицировав создание ночи как баньши.

«Баньши. Нечисть первого класса (прежде – третьего). Баньши становятся невинно убитые девушки и молодые женщины, которые возвращаются в мир людей ради мести за свою раннюю смерть. Смертельным орудием баньши является ее крик, осушающий ауру человека. Псевдоразумна».

Геор нервно дернул ручку – теперь, как назло, дверь крепко вошла в пазы и не поддавалась грубой силе. Тут должна быть какая-то хитрость, невидимый глазу замок... Поверхность казалась абсолютно гладкой. Чувствуя себя глупо под пристальным взглядом нечисти, Геор подналег плечом, дверь захряхтела, но не покорилась.

– Прежде меня звали Аленой, – тихо произнесла девушка.

Голос у нее был с едва заметной хрипотцой. Понятно! Верещала, тварина, пока ее не скрутили. Геор однажды слышал крик баньши – кровь из ушей.

Он обернулся, прислонился спиной к двери, ощущая себя то ли дрессировщиком в клетке с хищником, то ли гладиатором на арене. Но что сделает привязанная серебряными цепями тварюшка? Если только...

– Я не могу кричать, – нечисть указала глазами на потолок, где над самой ее головой едва различимо светился символ, умиротворяющий созданий ночи.

В серых глазах не было ненависти, только отчаянное желание жить. Геор вновь поразился тому, как умело эти существа притворяются разумными.

– Меня звали Аленой, – повторила она шепотом.

– Человека звали Аленой, – выплюнул Геор. – А ты тварь, принявшая облик убитой.

Никто не знал до конца, как именно появлялись баньши и почему хранили облик и частичные воспоминания умерших девушек. Людями, конечно, они уже не были, однако даже руководство Лиги, движимое сентиментальными чувствами, поначалу присвоило нечисти третий, неопасный, класс. Баньши действительно могли долгое время существовать, питаясь крохами энергии живых, но потом рано или поздно все равно убивали.

– Я ничего не знаю, я совсем недавно возродилась. Я никому не сделала ничего плохого... – негромко произнесла нечисть, пристально глядя в глаза Геору.

Голос баньши становился все тише, все неуверенней. Геор смотрел на нее с гадливостью, так же как до этого смотрел на дохлую крысу, пригвожденную к столу кинжалом.

– Он изнасилует меня, измучает и убьет... Ему просто нравится мучить...

Тварюшка приподнялась на локте, насколько позволяли цепи, взглядом указывая вниз. На кафельном светлом полу валялись легинсы, сбитые в комок, выглядывал краешек кружевного белья. Геор вновь оглядел ее с головы до ног – вздернутые, вывернутые в

запястьях руки, судорожно сжатые худые колени, маленькие пальцы на ногах.

Вспомнил рукопожатие Петра, его сухую прохладную ладонь, зачем-то представил, как дознаватель кладет руки на лодыжки баньши, разводит в стороны. Содрогнулся от омерзения. Извращение какое-то! А воображению настойчиво рисовалась доброжелательная улыбка на лице палача. Такой веселый парень! Наверное, не перестанет улыбаться, даже когда возьмет в руки щипцы.

– Я никому не сделала ничего плохого, – прошептала баньши. – И не сделаю. Меня звали Аленой... Пожалуйста, пожалуйста...

Создание потерялось щекой о плечо, пряча слезы. Потом, видно, потеряв надежду разжалобить охотника, вытянулась на лежанке и закрыла глаза.

Еще недавно, пока баньши не перевели в первый класс, их запрещено было убивать без веской причины. Полгода назад Петр не посмел бы пристегнуть к клеенчатой кушетке тварюшку, стянуть с нее легинсы... Хотя, вероятно, полгода назад Алена была еще жива.

Геор мотнул головой: что за херня в мысли лезет? Нет, сегодня явно не его день.

В конце концов, одной нечистью в подвале дознавателей больше, одной меньше. Ценной информации она все равно сообщить не сможет, если возродилась недавно.

Злобно матерясь, Геор вытянул связку ключей, где рядом с бляшкой охотника болтался на кольце маленький стандартный ключ от наручников. Он грубо вывернул ей кисти рук, добираясь до замка. Тварь зашипела, Геор почти собрался двинуть ей по зубам, когда понял, что она просто сдерживает стон боли. Ничего, потерпит!

Отстегнул руки, освободил щиколотки.

– Одевайся!

Баньши подхватила одежду. Быстро натянула на молочно-белое тело тонкие трусики, скользнула в легинсы. Встала, поджав пальцы на босых ногах.

– Где обувь?

Она повела плечом, посмотрела в сторону.

– Я так. Без обуви. Так умерла...

– Ясно.

Подтолкнул за узкие плечи к выходу и застыл, чуть не хлопнул себя по лбу: дверь-то намертво заклинило, и сидеть им теперь до прихода Петра, ничего не поделать.

– Я видела, как он делал, – быстро проговорила баньши. – Ручку дернуть два раза вверх, три вниз – тогда откроется.

– Хм...

Два раза вверх, три раза вниз – ничего не произошло.

– Еще раз. Пожалуйста. Или давай я...

Запястья Геора коснулись холодные пальцы и тот же отдернулись, будто обжегшись. Он заворчал, как большой хищный зверь, дернул ручку с такой силой, что удивительно, как не оторвал. В запирающем механизме раздался скрип, дверь приотворилась.

«Как я объясню, куда веду баньши?» – отстраненно думал Геор, волоча тварюшку за локоть с собой по коридору.

– Куда ведете нечисть, именуемую баньши, первый класс, дознаватель Петр Снегирев? – бесстрастно отчеканил скрит.

Геор открыл рот, закрыл. «Еще я с тобой, пакость, не изъяснялся».

– Выпускай, – глухо приказал он.

К счастью, скриту не пришлось в голову спорить с охотником. За порогом бронированной двери Геор кинул взгляд на мелкую нечисть. Тот собирался было сделать запись в журнале, но вдруг отложил ручку и замер, сцепив под подбородком узкие лапки.

Из подвала дознавателей наружу вел пожарный выход, не пришлось подниматься по лестнице. Геор вытолкнул баньши через порог в весенние хмурые сумерки. Она шагнула в лужу, поджала ногу, но тут же встала ровно, попятилась, не сводя с охотника воспаленных глаз. Пепельные густые волосы обрамляли юное круглое лицо.

– Иди, – процедил он. – Попадешься мне на вызове, зарублю, так и знай.

– Меня звали Алена, – повторила она как заклинание.

– Да плевать! – рявкнул он, уже просчитывая, какие неприятности он себе обеспечил.

Как теперь объясняться со Стасом? Да и Большак за такие дела по головке не погладит. А правды не утаить – стоит только уточнить у скрита, кто увел баньши.

Геор решил выпить черного кофе и пойти сдаваться начальнику отдела.

Геор бездумно листал ленту инстаграм, не глядя отхлебывая кофе из картонного стаканчика, когда по полу проскрежетали ножки стула: кто-то сел рядом. Геор не поднял взгляда на незваного соседа: если тому надо, пусть первый начинает беседу. Он и начал.

– На кой фиг она тебе сдалась? – спокойно, даже слишком спокойно, поинтересовался Петр.

Геор отложил телефон, смял пустой стаканчик, долго молчал, рассматривая улыбающееся лицо. Да, палач по-прежнему улыбался, правда, улыбка больше напоминала оскал.

– А ты их всех имеешь? – добродушно спросил он у Петра. – И как? Попахивает зоофилией, нет? Ты с психологами по этому поводу не советовался?

Вот теперь улыбка наконец сползла с самодовольной рожи.

– У нас свои методы... – процедил он.

Геор с пониманием покивал.

– А у нас свои. Будем считать, что я ликвидировал баньши.

Геор блефовал, шел на авось. Кто знает, как там принято у палачей, что они делают с этими несчастными тварями... Но Петр откинулся на спинку стула, смерил его внимательным взглядом, точно увидев в охотнике сообщника.

– Хорошо. Документы на ликвидацию я уже подписал. Концов не найти – дежурный скрит допустил небрежность и не оставил в журнале записи о твоём самоуправстве. Нам на руку.

Вот так, значит! Геор едва заметно перевел дыхание. А у Петра-то рыльце в пушку, даже готов на должностное преступление пойти, замата следы.

– Хорошо, – коротко ответил он.

Палач поднялся, собираясь уходить, но в последний момент наклонился и спросил:

– Все-таки зачем? Ты ведь их ненавидишь. Что за приступы благородства? Хотя это даже благородством не назовешь, только глупостью.

Геор не снизошел до ответа, молча смотрел на Петра с каменным лицом. Поединок взглядами завершился тем, что Петр нервно дернул подбородком и вышел.

«Надо напиться!» – решил Геор.

Этим же вечером отправился в клуб «Инферно» – отличное название, как раз для охотников за нечистью. Подсел к барной стойке и планомерно принялся напиваться, решив перепробовать все коктейли в винной карте. Бармен радовался: вероятно, некоторые коктейли он и сам смешивал впервые.

– А давайте я вам свое изобретение предложу. «Адской джиги» пока нет в меню. Нутро огнем горит!

Геор подумал, что еще ни один якобы огненный коктейль не переплюнул по забористости зелья мастеров-алхимиков, но согласно махнул рукой: давай, мол, жги.

Фоном звучала музыка, двигались, сплетаясь, разгоряченные тела. Отличное место для того, чтобы не оставаться одному, но в то же время никто в душу не лезет, и пустые разговоры тоже не надо заводить.

«Адская джига» прокатилась по горлу прогорклой волной.

– Ну как?

Геор поднял большой палец.

– А теперь водки давай, – устало сдался он, чувствуя, что еще один новомодный коктейль – и изжога обеспечена.

Перед Геором отплясывала девица. Делала вид, что мужчина ей неинтересен от слова совсем. А то что шарфиком размахивает так, что едва не задевает Геора по лицу, так это случайность, адреналиновый выброс. Юбочка – джинсовый лоскуток, топ на тонких бретельках, нелепый золотой шарфик, который, вероятно, должен был внести гламурную нотку. Легкая ткань скользнула по плечу, незнакомка заметила взгляд охотника, взбила волосы и улыбнулась. Геор опрокинул в рот последнюю рюмку, нетвердо встал на ноги и прижал к себе гибкое тело.

– А ты шустрый! – хихикнула та.

– Вы чертовски привлекательны, я чертовски привлекателен, к чему зря время терять? – произнес Геор заученную фразу, которую слышал еще в детстве в каком-то старом фильме.

Удивительно, но фраза действовала прямо-таки магическим образом.

– Я не такая, – сказала девица, надувая и без того полные губы.

– Конечно, – согласился Георг. – Ты не такая! Разве я мог подумать! Я просто сражен твоим очарованием!

Георг всегда говорил одни и те же слова, не утруждая себя поиском чего-то оригинального. Все шло по накатанной. Они будто совершали определенные па танца, с его обязательными элементами. «Ах, я не такая». – «Конечно, о, прекрасная незнакомка. Это любовь с первого взгляда. Разрешите ваш телефончик». – «Ну-у, ладно. А меня, кстати, Виолой зовут». – «Какое прекрасное имя! Не хотите заглянуть ко мне, послушать кавер того самого хита, что звучит сейчас. Посидим спокойно, пообщаемся».

Виола лукаво стрельнула взглядом из-под опущенных ресниц, и Георг догадался: поедет. И тут же нахлынуло что-то вроде разочарования, он даже не понял почему. Разве плохо? Доставят друг другу удовольствие, а утром разойдутся сытые и удовлетворенные. Потом понял: эта легкость и доступность наскучили. Одно и то же. Необязательные связи становились пресными, обыденными – все просто, как в супермаркет сходить.

– Идем.

Приобнял Виолу – Виолу ведь, правильно? – за талию. Та, смеясь, повисла на нем, обхватила за шею.

– Какой ты сильный!

– Ага! И могучий!

– О, не сомневаюсь!

К дому подъехали на такси, целовались не переставая. Пока Георг нес ее на руках на третий этаж, Виола захлебывалась хохотом, болтала ногами. Туфли она стащила еще в подъезде со словами: «Как меня достали эти каблучки!» Ничего не оставалось, как только подхватить на руки гибкое тело. Виола от смеха извивалась, как змея, и Георг думал лишь о том, как бы не выронить ее на каменные ступеньки. Вышло бы неловко.

В темном закутке у двери кто-то сидел. Хрупкий силуэт, как у девочки-подростка. Она расположилась прямо на полу, обняв колени

руками. Не иначе соседская девчонка с родителями поссорилась и выражает протест. На лестничную площадку выходило несколько квартир, Георг смутно помнил, что в одной из них живет пятнадцатилетняя шумная бунтарка, которая то красила волосы во все цвета радуги, то делала пирсинг в самых неожиданных местах. «Нечисть!» – кричала ей вслед мать, когда бунтарка, хлопнув дверью, точно фурия, проносилась мимо. Георг неизменно усмехался: «нечисть» светилась ровным ярким светом, жизненной силы в ней было хоть отбавляй, вот и не знала, как ее выплеснуть.

Но создание в углу... Чутье охотника опоздало всего на миг, и Георг недовольно поморщился: неужели стареет? Создание в углу не было человеком.

Охотник поставил Виолу на коврик, заслонил собой.

– Ну, – сказал грозно. – Чего тебе надо, тварь?

Хрупкая фигурка поднялась на ноги, вышла из тени. Цветастый свитерок, босые ступни, растрепанные волосы. Баньши явилась по его душу. Вот и делай после этого добрые дела!

Конечно, Старый Дон вышколил свой выпуск так, что охотники могли вступить в бой и голыми руками, но Геор снова мысленно проклял собственную самонадеянность. Это ведь азы, любой подмастерье назубок знает: если отпустишь нечисть живой, она найдет тебя по слепку ауры, а у каждого человека он уникальный, как отпечатки пальцев. Найдет, придет следом, тогда не жалуйся.

Баньши молчала, в полутьме невозможно было разглядеть ее лица. Чего выжидает? Или поняла, что охотник ей не по зубам?

Первой нарушила тишину Виола.

– Кто это? – капризно спросила она, зло ткнув Геора кулачком в спину. – Твоя бывшая? Выглядит, как бомжиха. Давай, отправь ее!

Тварюшка никак не отреагировала на ее слова, застыла на месте.

«Куда я ее отправлю? – устало подумал Геор; приятное опьянение как рукой сняло, он снова был трезв, как стеклышко. – Смертельно опасную нечисть? Сразу не надо было ее отпускать...»

– Виолетта, я вызову тебе такси ...

– Что? – та задохнулась от негодования. – Ты меня прогоняешь? Меня, а не эту?..

Девушка резко замолчала, сердито натянула туфли и, стараясь выглядеть гордой, поцокала к лестнице. Геор пытался удержать ее за локоть, но та с негодованием стряхнула руку, зашипела, как змея: «Не трогай!»

– И, вообще-то, меня Виолой зовут! Даже имя нормально не мог запомнить! Придурок! – крикнула она с площадки второго этажа. – Живи со своей бомжихой!

Стук каблучков удалялся, грохнула дверь подъезда. Баньши вздрогнула, обхватив плечи руками, опустила голову. Ее макушка едва доставала до груди Геора. Она все еще не произнесла ни слова.

Молчала и тогда, когда охотник несколько раз не сумел попасть ключом в замочную скважину. Черт бы побрал ЖЭК, работники которого вот уже неделю не меняют в подъезде перегоревшую лампочку.

«Уходи! – думал Геор. – Бестолковая тварь!»

Он нервно пнул дверь, та гулко бухнула. Он надеялся, что его гнев заставит баньши уйти. Вот сейчас обернется, а за спиной никого – сбежала.

Ключ наконец скользнул в замок. Геор оглянулся и смачно выругался. Баньши так и не сдвинулась с места, только голову еще ниже опустила. На что она, интересно, надеялась? Хватит с Геора глупостей и – как там сказал Петр? – приступов благородства.

Втянув воздух сквозь зубы, Геор стиснул пальцы на запястье баньши – таком тонком, что оно, казалось, вот-вот треснет от его хватки – и втащил ее в квартиру. Сразу поволок в ванную: ее проще будет отмыть от черной крови. Хорошо, что создания ночи после смерти растворяются сами, истаивают. Одежду потом сложит в мусорный пакет и выкинет.

Распахнул дверцу душевой кабины, поставил тварюшку в поддон. Та впервые подняла глаза, моргнула недоверчиво, прямо как девочка Варя: «Это сон? Я проснусь?» Кажется, она пока не поняла, что задумал сделать Геор.

– Стоять! – рявкнул он.

Рванул на кухню за ножом. Каждое мгновение он ждал, что в спину ударит крик – пронзительный, вынимающий душу крик баньши. Скрутит так, что кровь хлынет из глаз и ушей. Успеет ли доползти? Но тварюшка молчала. Наверное, действительно недавно возродилась, совсем несмышленная, не вошла пока в полную силу. Тем лучше!

Вынул из подставки нож для резки мяса, попробовал пальцем. Ничего, пойдет, недавно точил. Жаль, не серебряный, чуть дольше помучается. Да пофиг! Создания ночи не страдают по-настоящему и боли не чувствуют, это лишь видимость, игра.

Тварюшка стояла в поддоне, поджав пальцы на грязных босых ногах – делала вид, что ей зябко. Увидела нож в руках Геора, отпрянула, вжалась в пластиковую панель.

– Ой...

Прижала ладони ко рту, серые глаза на пол-лица. Ни дать ни взять – перепуганная девчонка. Умеют же притворяться!

– Я быстро, ты ничего почти не почувствуешь...

Геор осекся. Он что же это, утешать ее вздумал? По головке погладить перед смертью? Может, потом еще на ранку подуть?

Разозлился на себя. Рванул баньши за ворот растянутого свитера, ухватил за пепельные пряди на макушке, заставляя запрокинуть голову. Она вцепилась в его руки в последнем отчаянном жесте. Одолеть охотника физической силой тварюшка, конечно, не сможет. Сглотнула – худенькое горло сжалось.

Вот сейчас закричит! Геор решил: когда баньши откроет рот, тут он ее и полоснет. Но она молчала, только смотрела огромными перепуганными глазами.

– Ну же! – завопил он ей в лицо. – Верещи, паскуда!

– Я... – прошептала тварюшка, губы не сразу ее послушались, задрожали. – Мне... Мне некуда было пойти...

Геор, рыча, прижал кончик острия к коже, из ранки вытекла капелька черной крови, побежала по шее.

– Ой... – снова пискнула нечисть, зажмурилась.

Геор разжал хватку, толкнул баньши так, что та отлетела к стене, сползла и немедленно обхватила колени руками.

– Сидеть!

Охотник вернулся с пачкой соли, щедро насыпал на пол, заключая баньши, сидящую в душевой кабине, в полукруг. Крупинки соли отлетали, и когда падали на тварюшку, та вздрагивала и сжималась еще сильнее. Несколько кристалликов, попав на босые ноги, оставили ранки.

Теперь до утра никуда не удерет, а утром Геор решит, что с ней делать.

Его сны той ночью больше напоминали горячечный бред. Георг снова и снова видел один и тот же момент – будто на заезженной пластинке заело иглу, а от того, что воспоминание было совсем коротеньким, голова кружилась, точно на карусели.

Тринадцатилетний Георг смотрел на себя в зеркало, в котором отражалась часть комнаты: занавеска надувается парусом, в открытое окно врывается ветер, донося ароматы лета. Ковер на стене. Подумать только, ковер! Родители радовались, когда удалось раздобыть этот – с восточным орнаментом. На столе тарелка с клубникой, Георг пытался было очистить ее от хвостиков и посыпать сахаром, но извожился да плюнул – так съедят. Отражается и сам Георг – щуплый, высокий, русая челка падает на глаза. «Подстричь тебя надо, чудо!» – каждый раз, придя с работы, говорит мама. Но летние каникулы, школьных занятий нет и строгих учителей тоже, потому волосы отрастают потихоньку, так что даже папа, смеясь, предлагает заплетать их в косы.

Георг видит себя. Но кто это за его плечом? Темная тень... Ужас захлестывает горло, сжимает, как петлей. Разве такое бывает в реальном мире? Не в страшном фильме, не в книге? Здесь, сейчас, за его плечом?

Охотник проснулся на смятых горячих простынях, пропитанных потом. Голова раскалывалась, в желудке было мерзко, словно какая-то мелкая нечисть отплясывала там адскую джигу. И хотя Георг ни на секунду не забывал о том, кто, вернее, что сидит у него в ванной, сейчас он был просто не в состоянии разобраться с этим... этой... Нестерпимо хотелось почистить зубы, ополоснуться, но ничего, позже. Пришел на кухню, поплескал в лицо водой из-под крана, хлебнул из ладони, передернулся: вода отдавала железом, а казалось, что кровью.

Кинул в кружку две ложки кофе, подумал, добавил еще одну. Усмехнулся: такими темпами можно просто начинать есть кофе ложками и запивать кипятком. Прислушался и ничего не услышал. Тварюшка сидела тихо, как мышь. Может, сдохла?

Крепкий кофе сделал свое дело – сознание прояснилось, тело снова слушалось приказов. Надо было что-то решать, ни к чему

оттягивать момент. Георг хмыкнул и налил себе еще одну кружку. Он не знал, что делать дальше. Убить? Отпустить? Как, черт возьми, он должен поступить с этой бестолковой тварью?

Выплеснул кофе в раковину и решительно отправился в ванную. Баньши сидела в той же позе, обхватив колени руками, словно и не шелохнулась со вчерашнего вечера. Услышала, как открывается дверь, и подняла голову. Лицо у нее было уставшее, растерянное, совершенно человеческое лицо.

Он разметал соль, освобождая место, куда могла бы ступить нечисть, вытащил ее из поддона и, подталкивая, повел за собой на кухню, усадил на стул, навис сверху, сложив руки на груди. Георг знал, как сейчас выглядит – гора мышц, цепкий взгляд профессионального охотника. Но баньши, которая вчера вздрагивала и шарахалась от одного его вида, сегодня сделалась безучастна ко всему, глаза потухли.

– Я подумала... – тихо сказала она, бездумно водя пальцем по столу, повторяя контуры рисунка. – Так действительно будет лучше. Умереть совсем... Я когда пришла в себя... такой... то сначала ничего не могла понять. Заплакала, закричала. Я не знала, что мой плач теперь убивает. Были какие-то люди неподалеку, они бросились бежать, мужчина убежал, а женщина упала и... Нет, она не погибла, только сознание потеряла, но ведь, получается, я могла бы убить! Но за что это со мной? Почему?

Георг слушал, молчал. Да, именно так все и случается с баньши. Умершие не своей смертью молодые женщины, не похороненные так, как положено, через какое-то время могли возродиться и вернуться в этот мир в виде нечисти. Они помнят детали своей прошлой жизни, но никогда не запоминают убийц и обстоятельств смерти. Говорят, именно желание отомстить за свою загубленную жизнь и поднимает их из мертвых. Только это, конечно, были уже не люди.

– Ты помнишь, как ты умерла? – все же спросил Георг.

Баньши, как и следовало ожидать, покачала головой.

– Я помню только, что бежала сквозь кустарник. Туфли скинула, чтобы бежать было легче. Тогда лето было...

– Лето, значит.

Получается, Алену убили прошлым летом, а вернулась она только сейчас. Можно пробить через свои каналы, искали ли пропавшую девушку Алену: была одета в цветастый свитер и леггинсы, лет

примерно... Георг смерил тварюшку взглядом... Примерно двадцати. Особых примет не имеет. По цвету волос и глаз искать бесполезно: после возрождения все баньши получают пепельные волосы и серые глаза.

Вот только такой поиск ничего не даст. То, что Алена скорее всего мертва, близким и так понятно. То, что тело не найдено, – так баньши ничем не сможет помочь в поисках. Не сможет и опознать преступника. Так что бесполезное занятие. Несчастную девушку убили, но нечисть, что сейчас сидит перед ним, лишь слепок с личности, ее эхо, возрожденное жаждой мести.

– Что потом?

Георг и сам не знал, зачем спрашивает. Почувствовал себя на мгновение дознавателем, поморщился. Прежде он никогда не вступал в диалог с нечистью. Подумав, отодвинул второй стул и опустился напротив тварюшки.

– Потом... – баньши вздохнула. – Потом оказалось, что мир устроен совсем не так, как я его себе представляла. Я очень многое не помнила, не знала, где мой дом, а так хотелось вернуться, обнять маму... Зато оказалось, что у людей есть... Светящаяся такая...

– Аура, – подсказал Георг. – Жизненная сила.

– Да...

Тварюшка облизнула губы и тут же испуганно вскинула взгляд: заметил ли Георг. Он заметил.

– Вкусная, правда? – зло ухмыльнулся он.

Баньши отвела глаза.

– Я только чуть-чуть попробовала. Это... как у сладкой ваты оторвать несколько ниточек – ее все равно много останется, целое облако. У людей тоже так, они все этими ниточками пронизаны, можно самую капельку отщипнуть... Я не наедалась, но и не голодала. Я бы никого не стала убивать...

Георг пожалел, что выпил кофе: желудок взбунтовался. Он встал, подошел к окну, оперся руками о подоконник. Всего два дня назад потеплело, а на березе во дворе уже проклюнулись листья, казалось, что дерево стоит, окутанное в зеленую дымку...

– Дальше! – хрипло приказал он.

– Прошло несколько дней. Я всюду ходила, искала кого-то... Прямо как наваждение – искать, искать, искать... Не знаю кого.

– Своего убийцу, – отрезал Геор. – Дальше.

– Я несколько раз встречала таких, как я... Внешне они выглядели как люди, только у них не было ауры, или была черная. Некоторые очень страшные, к ним я не решалась подходить. Другие казались неопасными. У одного старичка я пыталась попросить о помощи. Я не знала, что мне делать.

– И?..

Геор затаил дыхание. Некоторые члены Лиги придерживались мнения, что у созданий ночи существует подобие организации, что они умеют общаться друг с другом, каким-то образом поддерживают связь... Сам Геор всегда смеялся над подобными предположениями, ведь тогда следовало бы признать и некую разумность этих тварей, хотя бы на уровне инстинктов.

Насколько он знал, отдел дознавателей давно искал доказательства. Но своими выводами они никогда не делились, разве что напрямую с Большаком. Их исследования всегда были закрытыми, тайными. Впрочем, Геор никогда и не искал правды.

– Старичок торопился. Сказал только, чтобы я остерегалась охотников и нашла Полоза, он поможет...

Полоза? Вот это уже интересно. А дознаватели в курсе о Полозе? И что должен делать с этой информацией Геор? Он не знал.

– Что потом?

Баньше зажмурилась, вспомнив неприятное.

– Потом... Меня поймали. Было так страшно, никто меня не слушал. Я кричала, плакала...

Кричала она, плакала. Бестолочь. Конечно, охотник, что ее обнаружил, слышал только вопль баньши. Кстати, надо узнать, кто ее поймал.

– А то, что случилось потом, ты знаешь...

Геор вспомнил улыбающееся лицо палача и резко поднялся на ноги.

– Ладно. Так! – он оглянулся, будто что-то на кухне могло помочь принять ему решение. – Я на службу, ты останешься здесь. Решу позже, как с тобой поступить.

Баньши едва заметно кивнула, опустила голову.

Геор знал, что скорее всего уничтожит нечисть. Все сделает быстро, принесет со службы серебряный кинжал. Это лучше, чем голодать, спать на улице, а потом снова оказаться в допросной.

Против воли стало жаль тварюшку.

– Там в холодильнике йогурт... – начал Геор, но осекся, понимая, что сморозил глупость: нечисть не ест человеческую пищу.

– Я в душ схожу, можно? – робко попросила она.

– Сходи.

Происходящее все больше напоминало бред. Приютил нечисть, а теперь она еще собирается принять душ. Какая прелесть!

Баньши застыла на пороге.

– Что? Полотенце возьмешь в тумбочке. Там... халат на двери.

– Соль... – прошептала она. – Боюсь.

Геор смачно выругался. Не прекращал ругаться и тогда, когда собирал соль веником в совок. Что дальше? Массаж пяток ей сделать?

Перед уходом наложил на окна и двери знаки, сдерживающие нечисть, – теперь баньши никуда не денется из квартиры.

Утро в отделе выдалось на удивление спокойным. В кои-то веки его не ожидала разнарядка от аналитиков, заполненная в духе «иди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что». Георг занял свое рабочее место и включил компьютер.

Несведущему человеку зал, разделенный перегородками, показался бы обычным офисом. Отдел почти всегда пустовал, вот и сейчас всего двое охотников составляли отчеты, Глеб и Макс, остальные разошлись на задания.

– Не знаете, кто вчера баньши поймал? – как бы между прочим поинтересовался Георг.

Глеб поднял голову, задумался в пустоту.

– Витька, кажется, хвастался. Говорил, что быстро скрутил. Палачи ее уже вроде ликвидировали. А что?

– Да нет, просто...

«Действительно, зачем мне это нужно?»

Георгий и сам не знал ответа. Ввел пароль на компьютере, тупо уставился в экран. Ему еще на житника отчет составлять. Тьфу, пропасть! Затылок заломило от боли. Как всегда, когда предстояло нудное дело, вроде заполнения форм, Георг начинал с того, что пробегался по любимым вкладкам в интернете: смотрел ролики, читал новости. Но сегодня поймал себя на том, что открывает программу «Поиск», разработанную совместно с полицией. Ввел личный идентификатор, выбитый на бляшке, экран моргнул, загружая интерфейс.

Начать новый поиск... Женщина. Пропала предположительно летом прошлого года. Возраст 18–22 года...

Он заполнял все новые строчки, отсекая лишнее. Город. Была одета. Цвет волос... Хм, придется пропустить. Имя, если известно... Георг медленно, буква за буквой вбил «Алена». Нажал на ввод.

Программа глубоко задумалась, Георгу даже показалось, что зависла. Впрочем, его компьютер был настолько древним ископаемым, что без помех работал только ворд. Но вот стала грузиться картинка, едва-едва, по миллиметру открывая фотографию пропавшей. Если это

она... Это может быть совсем другая Алена. Или Елена, программа не делала различий в этих именах.

Каштановые волосы с медным отблеском. Карие смеющиеся глаза. Изображение дернулось и вдруг открылось полностью. Это была она. Хоть волосы и глаза были другого цвета, да и открытая, доброжелательная улыбка изменила лицо почти до неузнаваемости, но это несомненно была она.

Алена Озерцова. Девятнадцать лет. Вечером 16 августа отправилась гулять с собакой и больше на связь не выходила...

Геор ударил по мышке, сворачивая экран. На кой фиг он полез в «Поиск»? Зачем ему эта информация? Последней строчкой шли данные родителей, адрес. Что ему теперь, позвонить убитой горем матери: «Здравствуйте, ваша дочь мертва. Да, умерла насильственной смертью. И знаете, вот неприятность, превратилась в нечисть»?

Геор встал, грохнув стулом. На стук обернулся Макс, увидел Геора и будто о чем-то вспомнил, поднял ладонь: погоди-ка, стой.

– Чуть не забыл! Заходил Пашка. Ну из алхимиков, лаборант. Просил передать тебе, что на следующую неделю, во вторник, тебе назначена плановая трансмутация. Приходи натошак.

Ко всем превосходным новостям последних дней для полного счастья не хватало только трансмутации. Видно, выражение лица Геора сделалось уж очень красноречивое, потому что Макс фыркнул:

– Да, это точно не спа-процедура. Но куда деваться!

Конечно, никто из охотников не рождался со способностями видеть ауры, чувствовать нечисть, сжимать пространство и накладывать защитные знаки – все эти возможности появлялись после трансмутации.

Геор до сих пор с содроганием вспоминал свою первую процедуру, когда его, подмастерье, только-только окончившего начальный курс подготовки, привели в операционную, заставили раздеться и уложили на кушетку. Пока парнишка-лаборант выставлял на лоток флаконы с разноцветными жидкостями, Геор все усилия направил на то, чтобы сохранять бесстрастное выражение лица. Зашел дежурный алхимик, на ходу протирая ладони ваткой, смоченной спиртом, и от этого медицинского запаха Геора совсем скрутило.

– Что это ты зелененький такой, дорогой товарищ? – добродушно улыбнулся пожилой алхимик.

Все-то у него были «товарищи» – видно, он успел еще пожить во времена, которые Геор уже не застал. Он принялся цеплять к флаконам капельницы, продолжая заговаривать зубы будущему охотнику.

– Сейчас это почти безопасно. Вот раньше, лет двадцать назад, отбор действительно получался суровым. Трансмутацию выдерживали восемь из десяти, остальные...

Взглянул на перекошенное лицо Геора.

– Ну, сейчас-то тебе ничего не грозит. Зелья проверены, очищены, дозированы по весу и группе крови. Пару дней поштормит, и все. А знаешь, как прежде было, в девятнадцатом веке? Делали надрезы на венах и полому перу вливали снадобья одно за другим. Вот это я понимаю, зверство. До конца процедуры мало кто доживал... Итак, приступим?

Геора полоскало три дня. Старый Дон отправил его домой отлеживаться. Геор смутно помнил, как доползал до туалета, пил воду из-под крана и иногда, обессиленный, даже не мог вернуться в постель, устраивался тут же на полу, на тонком прорезиненном коврикe. Он то сгорал от жара, то трясся от холода, то бредил – боролся с невидимыми чудовищами. Окончательно пришел в себя в разгромленной квартире, сжимая в руке нож. Кресло, диван, шторы – все было изрезано, искромсано в клочья. Заливался дверной звонок, видно, он и заставил очнуться. Незванный гость, устав жать на кнопку, решительно забарабанил в дверь. Стало ясно: просто так не уйдет. Геор поднялся, сцепив зубы, и отправился открывать. На пороге стоял Старый Дон. Окинул осунувшегося подмастерье профессиональным взглядом, улыбнулся, похлопал по плечу.

– Жить будешь!

Вокруг мастера дрожала, напоминая радужный пузырь, светящаяся аура. Дмитрий рассмеялся, правильно истолковав изумленное выражение, появившееся на лице ученика:

– Закрой рот, муха залетит. Да, ты ее видишь, поздравляю! Давай одевайся, пей кофе и поехали – будешь учиться распознавать нечисть.

– Срочный вызов! – в зал заглянул Стас, полностью собранный, на ходу застегивая наручень. – Макс, Геор, со мной! Одевайтесь, по

дороге все расскажу!

Геор, услышав свое имя, вздохнул едва ли не с облегчением. Срочный вызов означал, что теперь до конца дня он обеспечен работой, а на сомнения времени не останется.

Как всегда, начал экипироваться с ремней-оберегов. Геор пока обходился двумя. Самым его первым приобретением стала защита от морока, а создания ночи частенько прибегали к такой уловке, как морок, способности отвести глаза. Позже разжился оберегом от прельщения – не секрет, что многие сущности имели вид очаровательных женщин: охотник должен сохранять твердость в любой ситуации. Геор невесело ухмыльнулся, внутреннее чутье подсказывало, что даже оберег не помог бы ему вчера довести дело до конца.

В следующем месяце Геор хотел приобрести защиту от сглаза: некоторые твари обладали даром отстроченной смерти или увечья. Уже договорился с Сашкой – молодой, но толковый оружейник много не просил за свою работу.

Наручни, наплечник, зелья. Геор вложил меч в ножны, обернулся:
– Идем.

Пока добирались до места, Стас кратко ввел охотников в курс дела. Правда, начальник у Геора всегда был довольно косноязычен, заменял важные детали словечками «какая-то хрень» и «та штуковина». Приходилось домысливать.

– В краеведческий музей вчера привезли какую-то хрень! Музейчик из области закрылся и передал фонды, их вчера привезли на трех грузовиках. Ящики выгрузили и внесли в запасник.

– Что в ящиках? – кратко спросил Макс.

– Да всякая фигня. Бумажки, поделки, тряпье, эти штуки, как их...

– Как их? – переспросил Геор.

Стас сузил глаза: «Издеваешься?» Геор невинно моргнул.

– Ну эти! Мать их! Дохлые животные!

Оба охотника, сопровождающие Стаса, приостановились, недоуменно переглянулись, Макс сообразил первым:

– Чучела, что ли?

– Да! У нас в краеведческом музее, если бывали, комната есть с чучелами. «Природа нашего края», вот туда их хотели определить. Медведь, волк, белки, еще мелочь какая-то...

В последний раз Георг посещал местный музей в детстве. Лучше всего он запомнил скелет мамонта, казавшийся гигантским: чудилось, будто он заполнял собой всю комнату от пола до потолка. Понятно, что так только по малолетству могло померещиться, теперь-то Георг наверняка этому мамонту по плечо. Помнил он и комнату с чучелами, и впечатление она производила тягостное. Георгу, тогда пятикласснику, казалось, будто он очутился в заколдованном лесу. Он ярко помнил то свое ощущение – его окружали мертвецы, погибшие в один момент от неведомого ему проклятия. Смерть застигла их внезапно: белка перепрыгивала с ветки на ветку, птица кормила птенцов, разевающих желтые рты, мышка спасалась бегством от лисы. Одноклассники шумели, переговаривались, кто-то совал пальцы сквозь сетку, пытаясь дотронуться до лисьего носа. Георг застыл посреди комнаты, уверенный, что колдун, наложивший проклятие, не ушел далеко, что сейчас он выйдет из-за шторы, скажет: «Ага!» и превратит Георга в такое же существо, только издали выглядящее живым, но с абсолютно мертвыми, жуткими глазами.

Стас продолжал рассказывать, Георг спохватился, прислушался.

– ...утром. Больше всего пострадал как раз зал «Природа». Ничего не пропало, но экспонаты будто когтями драли. Это я думаю, что когтями, а в полицейском протоколе написано: «предположительно ножом». Директриса, старушка божий одуванчик, едва ли не в обмороке. Скорее пишет заявление в полицию о вандалах, те, осмотрев место преступления, сигнализируют нам. Я протокол прочитал – ну точно, наш клиент. Музей сегодня закрыт. Директриса заперлась в кабинете в обнимку с валидолом, сотрудников отправили по домам, так что музей в полном нашем распоряжении. Я так думаю, какую-то хрень в музей завезли в тех ящиках. С них тоже хм-хм... вандал... сорвал крышки, содержимое разбросано по площади всего музея.

– Жертвы? – быстро уточнил Георг.

– Пока нет.

Тем временем охотники как раз подошли к трехэтажному кирпичному зданию, стоящему в центре города, в небольшом сквере.

«Плохо, – осмотревшись, отметил про себя Георг. – Если вылезет наружу, долго ловить придется...»

Стас три раза стукнул в дверь, высунулся полицейский, кивнул. Служитель закона выглядел нервным и растерянным.

– Впервые сталкиваюсь с такой ерундой, – признался он, не сводя взгляда с пресса Геора, обмотанного ремнями. Очевидно, он имел в виду все же не охотников, но вид экипировки на голом торсе ввел его в ступор.

– Вы с нами прежде работали? – сухо уточнил Стас.

– Непосредственно... нет. Я знаю, конечно, про Лигу, но... – полицейский мялся и маялся, не зная, какие слова подобрать.

– Ясно, – отрезал Стас. – Значит, так, ждите нас здесь. Не пытайтесь помогать или вмешиваться, что бы ни случилось. Директора проинструктировали, что она не должна покидать кабинет?

Полицейский кивнул. Кажется, приказ мужчины с мечом в заплечных ножнах несколько его не смутил, наоборот, он рад был подчиниться. Сел на банкетку у входа, снял фуражку, вытер пот рукавом.

Стас больше не стал тратить на него слов. На задании он всегда становился краток, даже резок, словно переходил в боевой режим.

– Сначала осмотримся.

Геор отстегнул от пояса флакон с терроном – зельем, увеличивающим быстроту реакции, невероятно мерзким на вкус, – сделал глоток. Проверил, легко ли вытаскивается меч из ножен. Краем глаза заметил, что Стас и Максим проделали то же самое – все строго по инструкции.

Крадучись, стараясь ступать бесшумно, двинулись вперед. Под толстыми каменными сводами старого здания каждый звук отдавался гулким эхом, и приходилось прилагать все усилия, чтобы не нарушить тишину: обычно у нечисти превосходный слух. Как назло, под ногами то и дело попадались черепки, веточки, обломки утвари, рваные тряпки – все разбитое, разодранное в клочья до такой степени, что невозможно понять, чем это было прежде. Создавалось впечатление, будто в музее ночь напролет резвилась свора диких псов, поставивших себе задачу сгрызть и перепортить все, что попадалось на глаза и на зуб.

Вышли в зал «Природа», самый большой, расположенный как раз в центре музея. Он действительно пострадал сильнее всего: витрины

разбиты, сетка порвана, повсюду валялись чучела с оторванными головами, с распоротыми брюхами, пол устилала опилки.

Макс, хмыкнув, приподнял за хвост безголовое беличье тельце. Все трое, не сговариваясь, замерли, пытаясь уловить эманации темной энергии, излучаемой нечистью. Георг только теперь понял, почему экспозиция так угнетала его в детстве – животные умерли не своей смертью и до сих пор хранили остаточную ауру ужаса и безысходности.

Стас изобразил в воздухе круг, что на языке жестов, принятом у охотников, означало «Расходимся и ищем». Кем бы ни была обезумевшая нечисть, сейчас она затаилась, спряталась и показываться не собиралась.

Начальник отправился еще раз обходить расположенные по кругу залы, Макс поднялся на второй этаж, где, судя по плану, находились кабинеты сотрудников. Геору достался подвал, вернее, как называли его музейные работники, запасник. Здесь до поры до времени хранилось все то, что не нашло места в экспозиции. И ящики с фондами из областного музея перенесли именно сюда.

Вот и они. Вернее, то, во что они превратились. Неведомая злобная сила разнесла ящики в щепу, они словно взорвались, усыпав ошметками содержимого пол и полки. Невредимыми остались только чучела волка и медведя, стоящие в углу. В тусклой шерсти застряли обрывки ткани, осколки и прочий мусор.

– А ну-ка... – пробормотал Геор, приближаясь к медведю, вставшему на дыбы, и на всякий случай вынимая меч.

Медведь в свое время был великаном, лесным чудовищем. Таксидермист оказался мастером своего дела, сумел передать ярость дикого зверя: медведь скалил клыки, подняв лапы с острыми когтями, казалось, еще немного – и он сойдет с постамента, вступит в смертельную схватку.

Геор подошел вплотную, приблизил лицо к медвежьей морде. Заглянул в мертвые стеклянные глаза. Проверил чутьем охотника, но ничего не ощутил. Просто чучело, просто шкура, наполненная опилками. Щелкнул зверюгу по носу, потрепал жесткое ухо.

– Как же ты так попался-то...

Геор на всякий случай обошел все помещение, оглядел полки и шкафы. Его окружали обычные вещи, охотник нигде не ощущал присутствия нечисти. Хотя... Что-то его смущало.

Обычно любое создание ночи представляет собой сгусток темной энергии, его легко обнаружить и распознать. Музей не такой большой, охотники втроем давно бы уже нашли нечисть, радиусы их чутья

перекрывали друг друга, но так ничего и не нашли. И все-таки тонкий, едва различимый шлейф присутствовал в воздухе. Однако не могла ведь тварь просто раствориться?

Здесь искать бесполезно, во всяком случае пока. Подвальные помещения слишком маленькие, нечисти не спрятаться. Геор убрал меч и решил, что еще раз осмотрит залы, двинется навстречу Стасу.

Уже поднимался по лестнице, когда различил голоса: начальник старался сдерживаться, говорил негромко, зато его собеседник, вернее, собеседница, верещала на повышенных тонах.

– Это что такое? Что такое, я спрашиваю? Что за цирк?

Ясно! Директриса не усидела в кабинете, услышала шаги, решила посмотреть, как идет расследование и, повстречав людей в ремнях, с мечами за спиной, немного слетела с катушек.

Спустя секунду Геор увидел ее – хрупкая старушенция с прической-одуванчиком воинственно отмахивалась от ладони Стаса, которую тот безуспешно пытался пристроить на лоб нервного директора музея. Одно прикосновение – и она погрузится в безмятежный сон, очнется, когда все закончится, и думать забудет о странных незнакомцах с наручнями и кинжалами. Беда в том, что пожилая женщина, такая с виду беззащитная, готова была вступить в схватку с мужчиной. Да что там, она бы и с тигром подралась, дай ей волю – Геор хорошо знал такой тип людей. Бесполезно, она Стасу скорее руку оторвет, чем позволит к себе прикоснуться. К тому же у Геора вдруг появилась одна мысль.

– Стас, подожди, – окликнул он начальника.

Старушенция обернулась и едва не задохнулась от возмущения, увидев другого полуголого мужика, опоясанного ремнями, издала нечленораздельный писк. Сверху на шум спустился Макс, ввалился в дверь и замер, как кролик перед удавом, будто увидел не пожилую женщину, а демона во плоти. Директриса его тоже узнала.

– Максик! А ты что здесь делаешь?

– Здравствуйте, Ксения Михайловна...

Ксения Михайловна обернулась вокруг своей оси, цепко и пристально вглядываясь в лица смущенных охотников.

– Ребята, это что, реконструкция какая-то? А почему меня никто не предупредил? Максик, когда я готовила тебя к экзаменам на истфак, ты казался таким серьезным мальчиком! – директриса укоризненно

посмотрела на бывшего ученика. – Я, конечно, понимаю, молодость... Макс, так вас Андрей Викторович пустил? Уже голова седая, а все туда же... Идите, ребята, идите. Сейчас, знаете, не время и не место: в музее ЧП. Здесь полиция будет работать.

Охотники переглянулись, Стас кивнул Георгу: давай, мол, выкручивайся, ты у нас тут самый болтун.

– Да, Андрей Викторович пустил, – подтвердил тот версию директрисы. – А полиция попросила помочь, осмотреться пока. Они за подкреплением ушли, попросили пока сведенья собрать.

«Что я несу? Она ведь не тринадцатилетняя Варя, чтобы поверить в этот бред...»

Ксения Михайловна действительно подозрительно прищурилась, попятилась к выходу. Классика жанра. Георг поморщился – он давно научился распознавать нервных особ. Сейчас заорет «Помогите!» и бросится бежать. Придется ее по этажам вылавливать, чтобы заклятие забвения наложить.

Вот только далеко Ксения Михайловна не ушла и кричать не смогла. Застыла на месте, разевая рот, точно рыба. Самообладание окончательно изменило железной директрисе – в дверном проеме появилось чучело медведя.

Чучело махало лапами, разевало пасть, но все это молча, а оттого особенно жутко – зверь не мог набрать в легкие воздуха, а значит, и рычать не мог. Лишь когти проскрежетали по стене, нарушив тишину жутким звуком.

Георг опомнился, ринулся вперед, на ходу вынимая меч. «Как же так? Это ведь кукла, чучело!» – успел удивиться он, вспомнив колючую шерсть в своей ладони, гладкий пластмассовый нос...

Реакция охотника, подкрепленная зельем, оказалась молниеносной. Одной рукой Георг ухватил женщину за плечо, откинул себе за спину, зная, что кто-то из напарников подхватит. Другая, державшая меч, действовала словно сама по себе, совершая заученные, доведенные до автоматизма движения. Удар в грудь – деморализовать противника, заставить открыться. Разворот, чтобы уйти от бьющих в воздухе когтей. Еще два точных резких удара, и обрубленные лапы упали на пол к ногам охотника. Последний взмах мечом – и косматая

голова хищника отлетела к противоположной стене. Тело грузно повалилось на пол, рассыпая опилки.

Подожли и встали рядом Стас и Максим, направив острия мечей на распластанное медвежье туловище.

– Это пустышка, – озвучил Георг то, что вертелось на языке всех троих. – Временное пристанище. Зар-раза!

– Постарайтесь сосредоточиться, Ксения Михайловна, – попросил Максим.

Наклонился, вкладывая в дрожащие пальцы директрисы чашку, придержал трясущиеся руки, чтобы вода не расплескалась. Пожилая женщина попыталась сделать глоток, зубы клацнули о фарфор, несколько капель упало на плед, которым укутал несчастную Георг. Наверное, следовало сразу наложить заклятие забвения, но дело становилось все более запутанным, а информации ничтожно мало.

– Что вы знаете о музее, фонды которого вам передали вчера? – мягко продолжал бывший ученик: Стас и Георг предоставили Максиму самому договариваться с директрисой.

– Так, значит... Это... Это... – Ксения Михайловна заикалась, жмурилась, вертела головой, перед ее внутренним взором снова и снова вставала оскаленная пасть медведя.

– Нечисть! – не сдержался Георгий. – Которая пока никого не убила, но еще не вечер. Мы должны ее обнаружить и обезвредить, чем скорее, тем лучше. И вы нам в этом поможете!

Может, не стоило так грубо? Но директор точно очнулась, распрямилась, поправила волосы, превращаясь из перепуганной старой женщины в начальника, будто отбросила все сомнения. Заговорила так, точно держала перед глазами лист с описью имущества, и перечислила все, что находилось в ящиках.

– Но вы, наверное, хотите знать, какая связь существует между нашими фондами?

– А она существует?

Ксения Михайловна задумалась, а после осторожно, точно стесняясь чего-то, заговорила:

– В любое другое время я бы поостереглась произносить вслух эту антинаучную чепуху... Но за последние полчаса мои представления о мире несколько... так сказать... пошатнулись... В

Камнеломке, откуда к нам прибыли фонды, издавна ходили слухи о... лешем. В свое время мы с Михаилом, директором, спорили до хрипоты... Отличный специалист, а порой вел себя как ребенок, верил во всякую чушь...

Ксения Михайловна вздрогнула, вновь вспомнив ожившее чучело.

Охотники переглянулись. Георг был уверен, что не один он в этот момент вспомнил сухие строчки классификатора.

«Леший. Нечисть первого класса. Селится в лесах, около людских деревень. Местные тут же отмечают небывалый приток дичи, скот начинает блистать здоровьем и плодиться. Постепенно, войдя в силу, леший из покровителя превращается во врага, требуя жертв – сначала животных, после человеческих. Лишенный тела, он собирает себя из отдельных материальных объектов – перьев, веток, камней и т.д. Псевдоразумен».

– Так вот, Миша рассказывал, что леший поселился рядом с Камнеломкой. Давно было дело, сразу после войны. Суровое время! И на то, что люди в лесах рядом с городом пропадали каждый день, поначалу никто и внимания не обращал. А потом... В общем, отец его вместе с другом, охотником, решили лешего изловить.

«Интересно, а не был ли охотник нашим коллегой?» – подумал Георг, он почти не сомневался, что тот принадлежал к Лиге мастеров.

– Приманкой стал сам отец Михаила, как бы жертвой, приготовленной лешему. Порезал руки и отправился бродить по лесу. Человеческая кровь неодолимо влекла к себе это существо.

«Как и любую нечисть!» – мысленно дополнил Георг.

– А так как убить его невозможно, тела-то у него нет, то надумали они его по кусочкам растащить. Пленить, так сказать... И все получилось.

Георг невольно втянул живот, мышцы напряглись. Некая не оформившаяся мысль стучалась в подсознании, но не находила выхода.

– Как именно получилось?

Ксения Михайловна замялась: ей, выросшей в мире, где не было места непознанному и необъяснимому, тяжело давались слова.

– Я в это никогда не верила... Ну да ладно, скажу. Кусочки лешего заключили в чучела зверей и птиц. Отец Михаила был отличным таксидермистом, он сам их изготовил. Большую часть отправили в наш

музей, другие остались в Камнеломке. Лешего разделили, он потерял силу...

Осколки мозаики в голове Геора после этих слов встали на место, образуя цельную картину.

– А вчера к вам привезли фонды, и леший воссоединился!

Охотники переглянулись, подумав об одном и том же. Все эти обрывки и клочки, мусор, разбросанный по залам музея, тонкий шлейф черной энергии в воздухе... Леший притих, наблюдает. Видно, после показательного выступления с медведем решил затаиться. Но долго он бездействовать не станет, если оставить все как есть, без человеческих жертв не обойдется.

– Ну что, кто будет приманкой? – вслух спросил Геор.

– Ты предложил, ты и будешь, – сообщил Стас, поднимаясь на ноги. – Ладно, и так много времени потеряли. За работу!

Директора просили оставаться в комнате, не ходить следом: это и опасно, и ни к чему ей видеть то, что будет дальше. Но не успели спуститься в зал, как она, конечно, не замедлила появиться, по-прежнему кутаясь в одеяло.

– Ребята, а как... Да что вы делаете?!

Геор поморщился от крика. Вот принесло не вовремя! Из-за этого он и не любил иметь дела с непосвященными людьми. Директриса вошла именно тогда, когда он, закатав рукав, делал надрез на руке – кровь каплями оросила пол, щепки, обрывки ткани.

– Все в порядке, – процедил он. – Иначе его не выманить. Вы еще что-то вспомнили?

Женщина собралась с духом, заговорила спокойно, только глаза отводила от раны на руке охотника.

– А как вы хотите от него избавиться? Убить-то не получится? Или?..

– Получится, – Максим успокаивающе улыбнулся. – В прошлый раз такой возможности не было, потому что нужно как минимум трое охотников. Нас как раз трое. Идите к себе, Ксения Михайловна. Идите. Мы сообщим, когда все закончится.

В зале сделалось тихо. Стас деловито чертил на полу треугольник кусочком мела, который всегда носил с собой. В принципе, можно было обойтись и без него, но так сподручнее: треугольник ровный, и вершины сразу видны. Указал Макс на одну из вершин.

– Ты замок, – кратко приказал он. – Я жернов. Геор поворот. Вставай пока в центр; когда леший появится, отступишь к вершине.

Уничтожить нечисть, не имеющую материального тела, можно только втроем, заманив тварь в ловушку. Каждый из охотников становился одним из знаков: замок запирает нечисть, жернов брал ее в тиски, поворот двигал жернов, перемалывая нечисть, уничтожая ее темную сущность.

Стас занял место, кивнул Геор. Тот развел руками: мол, я-то готов, да клиент, видишь, задерживается.

Мусор на полу действительно оставался безучастен к происходящему. Непонятно было, то ли это остатки лешего, что были вшиты в чучела, то ли последствия разгрома. Вот если окропить частицу нечисти кровью...

Геор шагнул за границы треугольника.

– Ты куда? – прошипел Стас.

Геор отмахнулся, поднял валяющееся кверху лапками чучелко мыши, разломил сухое тельце – на ладонь выкатилась крошечная шишка, едва заметно дернулась от прикосновения охотника.

– Хм, вот и ты...

Вернулся в центр зала, испачкал шишку в собственной крови, бросил на пол. Вытащил меч, готовясь к появлению лешего. Заговоренное лезвие не убьет тварь, но Геор чувствовал себя уверенней, ощущая в руке тяжесть стали.

Сначала показалось, что по залу пронесся то ли вздох, то ли стон. Каждое чучело слабо шевельнулось, вверх поднялись струйки темной энергии, устремились друг к другу, закручиваясь в воронку там, где пролилась кровь Геора.

Воронка тянула к себе веточки, сухие листья, щепки, лоскутки, клочки шерсти. Постепенно из них ткалась тонкая высокая фигура. Появились ноги, руки, жуткое лицо, напоминающее маску, созданное из коры, панцирей жуков и шишек. Из листьев и веток собрался плащ.

Леший встал напротив Геора, два разноцветных камешка, заменяющие твари глаза, – один желтый, другой зеленый – неподвижно уставились в лицо охотника. Губы, две изогнутые дощечки, шевельнулись, издав протяжный мучительный скрип. Удивительно, но в нем угадывались слова.

– Отпус-сти... Пропус-сти... В лес-с-с...

– Конечно, – усмехнулся Геор. – Может быть, еще и проводить?

Он начал отступать спиной к вершине треугольника, предназначенной для него. Сейчас перемелют тварь, и воспоминания не останется.

Леший шел за ним, рос, возвышался над Геором уже на целую голову, его чудовищное лицо наклонялось к охотнику, губы-дощечки шевелились.

Геору на миг показалось, что вот и случилось то, чего он так боялся в детстве. Вот он – колдун, дождался своего часа. Долго

выжидал... И теперь наложит проклятие.

Ему почудилось, что леший улыбнулся. Нет, то просто искривились деревяшки, заменившие рот. Померещилось... Сейчас. Вот вершина!

– Наказ-зание... С-с-с... С-смерть...

Острая сухая сосновая игла вылетела из руки лешего и впиалась в плечо Геора. Укол был почти незаметен, но от него словно мороз разлился под кожей. Ерунда, не стоит об этом думать! Охотник, не глядя, смахнул иглу. Еще шаг – и он оказался на вершине треугольника, а еще через мгновение сплел пальцы в символ «Поворот», краем глаза заметил, что Стас и Максим делают то же самое: теперь нечисть не уйдет.

Леший застыл на месте. Казалось, что ветер треплет полы его серого дырявого плаща. Геору чудилось презрение в его разноцветных глазах.

В следующую секунду сила охотников закрутила его, смяла, разметала щепки, веточки и обрывки ткани, превращая лешего в мусор, а потом в прах. Геор зрением охотника видел, как рвется на клочки темная энергия, истончается, падает каплями на пол и тут же испаряется.

Справились меньше чем за минуту.

– Тьфу, пропасть, – Макс вытер пот, выступивший на лбу: быть замком, удерживая нечисть, трудная задача. – Требую премию!

– Щас! – откликнулся Стас. – Сначала отчеты заполни! Давай-ка, дуй наверх, накладывать заклятие забвения. Геор, все в порядке?

Геор разминал плечо, чувствуя, как в мышцах на месте укола сосновой иглой разливается холод. Надо к алхимикам заглянуть, попросить какого-нибудь подходящего зелья.

– Все нормально, – буркнул он.

Анатолий долго мял плечо Геора, потом снял очки, принялся протирать их. Взгляд близоруких глаз сразу сделался растерянным.

– Что ты чувствуешь? – спросил он охотника. – Холод? Боль? Какие-то непривычные ощущения?

Геору не нравились лицо алхимика и тон, каким он задавал вопросы.

– Да ничего особенного. Холод немного... Дайте мне какого-нибудь зелья, и я пойду.

– Зелья... Если бы... – Анатолий не договорил, закашлялся, но Геору показалось, что он специально.

– Вы что-то скрываете? Эта игла...

Холодно вдруг стало не только в плече – мороз пробежал по коже.

Разноцветные глаза – желтый и зеленый – не мигая, смотрели на него: «Наказание... смерть...» Да нет, ерунда! Алхимики любят раздувать проблему на пустом месте. Геор хмыкнул и принялся натягивать куртку.

– Мы завтра создадим консилиум, – догнал голос Анатолия. – Я не знаю точно, есть ли опасность. Я не сталкивался с таким прежде.

Ну вот, с этого надо было начинать, а не делать глубокомысленный вид и не вздыхать, как над покойником.

Геор подошел к ячейке, открыл дверцу и долго разглядывал экипировку. Наверное, давно нужно было заказать оберег от сглаза, но разве угадаешь... Он вытащил серебряный кинжал и сунул в потайную петлю куртки. Придется все решить сегодня, ни к чему тянуть.

И все же тянул. На ужин зашел в «Имбирь», долго сидел над бокалом пива, глядя, как сгущаются сумерки за окнами.

На третий этаж поднимался, ощущая себя девяностолетним стариком: казалось, на каждую ногу привешено по гире. Долго стоял у собственной двери, бессмысленно разглядывая ключ, который держал в руке. Как только зайдет – все нужно сделать быстро. Не испугать...

Проклятие! Она – нечисть, баньши, эти твари не ощущают ни страха, ни сожаления...

Сжал челюсти, отпер дверь. В квартире было тихо и темно. Геор подумал было, что тварюшке удалось уйти, и почувствовал что-то вроде облегчения. Зашел в комнату, щелкнул выключателем, и тогда он увидел ее. Тварюшка сидела в кресле, подобрав ноги, кутаясь в старенький халат Геора, тот самый, который он всегда оставлял на двери душевой. Пепельные волосы были уложены в аккуратную косу, две пушистые пряди, выбившись из прически, обрамляли лицо.

На подлокотнике лежала книга, Георг издали узнал ее – томик Куприна, единственная книга в его холостяцкой берлоге, он уже не помнил, каким образом она к нему попала. Баньши придержала пальцем место, на котором остановилась, подняла голову и улыбнулась.

Улыбнулась. Георгу показалось, что серебро кинжала жжет его сквозь ткань рубашки.

– Кто тебе разрешал трогать мои вещи? – грубо спросил он.

Подождал и выхватил книгу.

– Извини, – баньши опустила взгляд. – Я не знала, что нельзя. Просто было скучно сидеть здесь одной, поэтому решила почитать.

– В темноте?

Тварюшка подняла глаза.

– Я ведь вижу в темноте... – растерянно прошептала она.

– А, да...

Он отвернулся, закружил по комнате, как хищник по клетке, не снимая ни обуви, ни куртки. Кинжал в петле, надо вынуть его. Сейчас. Подойти со спины, задать какой-то невинный вопрос, отвлечь. Он все сделает быстро, Алена не испугается... Баньши! Баньши не испугается.

Тварюшка следила за ним глазами, и взгляд становился все более пристальным и внимательным. Неужели догадалась?

– Тебя... прокляли... – тихо произнесла она. – Сегодня. Ты знал?

Георг остановился, точно наткнулся на невидимую стену. Подскочил к баньши, схватил за плечи, борясь с искушением потряхнуть тварюшку как следует.

– Что за проклятие? Как оно работает?

Нечисть покачала головой.

– Я не знаю... Но я вижу. Это как черные нити в твоей ауре. Они разрастаются, их становится все больше. Если хочешь... Я попробую достать.

Георг опустил ее на диван, растер лицо ладонями. С каких это пор его жизнь так стремительно понеслась под уклон? Как это вообще случилось с ним – баньши в его доме, проклятие в его крови... Не просить ведь в самом деле нечисть о помощи?

Баньши осторожно подошла и встала рядом. Даже стоя она была ненамного выше сидящего охотника.

– Сними куртку, – тихо попросила она.

Геор ухмыльнулся: слишком уж комично выглядела ситуация. Сколько раз девушки в его квартире предлагали снять куртку, а после раздевались сами, но нечисть об этом просила его впервые. Куртку все же снял, кинул на пол, и кинжал звякнул, ударившись о ножку дивана. Тварюшка догадалась, закусил губу, но ничего не стала говорить. Положила свои маленькие ладони на широкие плечи охотника – руки баньши были холодны.

– Закрой глаза, – попросила она. – Мне так будет легче. Не хочу... чтобы ты видел меня, когда я пью...

– Плевать, – откликнулся Геор. – Я знаю, что ты нечисть. Ничего не изменится.

Баньши кивнула, чуть откинула голову. Губы приоткрылись, глаза закатились, точно в экстазе, к щекам, которые оставались бледными все это время, впервые прилил румянец. Геор думал, что почувствует отвращение, но удивительно, именно сейчас баньши выглядела особенно живой...

Вот только продолжалось это недолго. Тварюшка закашлялась, зажала рот рукой и бросилась в ванную комнату. Геор услышал, что ее тошнит, потом, как шумит вода.

Появилась баньши нескоро, шла пошатываясь и была бледнее, чем прежде, вокруг больших серых глаз залегли тени.

– Гадость, – пожаловалась она. – Невероятная дрянь...

Присмотрелась к Геор и вздохнула.

– Я не смогла... до конца. Сейчас черных нитей осталось совсем мало, но они растут снова... Я не знаю, как тебе помочь.

– Ничего, – буркнул охотник. – Разберемся.

Баньши скользнула мимо, присела на краешек кресла. Теперь она не отводила взгляда от куртки и ежилась, обхватив себя за плечи.

– Там у тебя кинжал, – сказала она. – Серебро.

– Да.

Тварюшка потихоньку, по сантиметру, распрямилась, откинулась на спинку кресла, запрокинула голову, прошептала:

– Только быстро...

Геор, бормоча ругательства, подхватил куртку и отнес в коридор. Вернулся, сдернул покрывало с кровати, кинул на пол. Баньши не шевелилась.

– Уже поздно, – буркнул охотник. – Я устал и собираюсь спать.

Указал на покрывало.

– Ты можешь спать здесь.

Тварюшка моргнула.

– Что, не нравится? Предпочитаешь провести ночь в ванной?

– Я не сплю... – напомнила она. – Я здесь посижу тогда, в кресле.

– Сиди! – рявкнул Геор.

Он упал на постель и отвернулся к стене. Надо бы раздеться... Да пофиг. Ему и так казалось, что взгляд баньши прожигает его спину насквозь, а если он предстанет перед ней в трусах? Подумать только, во что превратилась его жизнь! В какой-то сумасшедший фарс!

– И не вздумай!..

– Не стану, – ответила она тут же. – Я не причиню тебе вреда.

Геор открыл глаза в кромешной темноте, чутье охотника точно толкнуло его под локоть: в комнате нечисть! Он рывком сел, но тут же, вспомнив про баньши, рухнул обратно на постель.

– Ты здесь? – спросил он.

Глупый вопрос, где же ей еще быть.

– Да, – откликнулась тварюшка.

– Зачем ты читала? Это какая-то хитрость? Попытка разжалобить? – Геора неожиданно скрутил приступ ярости. – Ты – неразумная тварь...

Замолчал. Что толку вести с ней беседы? Это как с голосовым помощником в Яндексe разговаривать. Алиса тоже бывает остроумна и очень мила, иногда кажется, что она умеет обижаться и радоваться, что у нее есть чувства, но это лишь программа. Так же и Алена... Баньши!

– Не знаю, разумна ли я... – тихо ответила тварюшка. – Знаю только, что когда мне больно, я плачу... А когда весело – улыбаюсь. Я читала книгу, потому что всегда любила читать. Я училась в институте на филолога до того, как... умерла.

Геор приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в темноте ее лицо. Казалось, тварюшка говорила искренне. Может быть, баньши сохраняют остатки разума, души? Или как это назвать иначе? Надо побеседовать по этому поводу с кем-то из аналитиков. Что если баньши слишком рано присвоили первый класс опасности? Если бы нечисти вернули третий класс, то Геор достал бы для нее лицензию, помог устроиться, а сейчас... Куда ей?

Тварюшка всхлипнула. Девушки в обществе Геора нечасто лили слезы, но иногда случалось, правда, поводы бывали пустяковыми. В последний раз Анжела рыдала из-за оставленной в клубе сумочки. «Ну-ну, ничего, все хорошо, есть из-за чего реветь!» – хотел сказать Геор, как всегда это делал. Так себе утешение, но по-другому он не умел. Зарубить обидчика мечом – пожалуйста! Заслонить спиной от чудовища – легко! А успокаивать не его конек. Девушки после его неловких попыток утешить обычно быстро приходили в себя.

– Ну-ну... – начал он и осекся, чувствуя, как волосы на теле встают дыбом.

Как он мог забыть! Нельзя позволить баньши рыдать! Вой по загубленной жизни может и пару-тройку соседей отправить на тот свет.

– Нет! – крикнул он.

Тело отреагировало быстрее, чем разум. Мгновение – и он на ногах, еще через секунду в его руке оказался кинжал. Геор не видел тварюшку, только темный силуэт на кресле – она раскачивалась, обняв колени, и тоненько выла. Понимала, что ее плач смертелен, и пыталась сдержаться, но это было сильнее нее – вой рвался наружу, вой баньши, который невозможно подавить.

Он должен это сделать. Он охотник и поклялся защищать людей от созданий ночи! Баньши зажимала рот руками, мотала головой. Она знала, что к ней приближается ее смерть, но не могла перебороть свою сущность.

– Зар-раза, – выругался Геор, выпуская кинжал из рук: лезвие со всего маха вошло в пол и накрепко там застряло.

А потом он шагнул к баньши, подхватил съежившуюся в комок тварюшку, стиснул, прижал к себе. И вот тогда крик полоснул его по ушам, ударил наотмашь по лицу, точно плеть. Геору показалось, что он ослеп и оглох. Из глаз выбило слезы, из носа хлестала кровь – он ощутил на губах ее солоноватый вкус. Он ничего не видел, не слышал ничего, кроме разрывающего душу, жуткого, чудовищного воя.

– Тихо, тихо... – говорил он.

Надеялся, что говорит, потому что не слышал, конечно, собственного голоса и не чувствовал губ: они онемели. Нельзя терять сознание! Не смей! Геор запрокинул голову, со всего маха ударился о стену: не смей отключаться!

– Тихо, все хорошо... Все хорошо...

Слышит ли она его? Или все бесполезно?

– Ты не одна... Я тебя не отдам... Тихо, тихо... Алена... Алена, ты слышишь меня? Я не отдам тебя. Тебе нечего бояться...

Тонкие руки судорожно обхватили его шею. Баньши уткнулась лицом в его плечо, худенькое тело сотрясали спазмы, когда тварюшка пыталась подавить крик. Но вот он стал тише, а потом и оборвался, точно отрезали. Геору сначала почудилось, что у него разорвались

барабанные перепонки – такая навалилась оглушительная тишина. Откашлялся, чтобы проверить: нет, слышит. Как сквозь слой ваты или даже, пожалуй, как сквозь стеклянный купол, но слышит.

Посадил баньши на кресло, а она все продолжала цепляться за Геора, пока тот осторожно не снял ее пальцы. Запахнул халатик на ее груди, тварюшка и не заметила, как тот раскрылся. Снял безнадежно испорченную рубашку – еще одну, зар-раза – залитую кровью из носа, кинул под ноги. Нарочито медленно опустился на постель и только тогда провалился в беспамятство.

Проснулся от вкусного запаха: по воздуху плыл аромат... блинчиков. Шипела сковорода, закипал чайник. Под окном играли в футбол мальчишки: «Пасуй мне, пасуй мне!» Чуть слышно дребезжало стекло в оконной раме – давно пора заменить на пластиковые.

Жив. И даже слуха не лишился. Но, вероятно, бредит...

Геор поднялся, осмотрелся – кресло пустовало, только лежала на подлокотнике корешком вверх раскрытая книга. Кто же так оставляет – переплет портится! А еще филолог!

Зашел в ванную комнату, оперся руками на раковину, хмуро осмотрел в зеркале свою осунувшуюся небритую физиономию со следами крови на подбородке. Красавчик, чё! Потянулся за гелем для бритья и обнаружил, что руки трясутся. Отлично! Проклятие, контузия криком баньши! Что дальше?

С горем пополам побрился, стянул брюки, носки, кинул в машинку. И только теперь увидел, что на змеевике сушатся вещи: цветастый свитерок, леггинсы, крохотный треугольник кружевного белья. И тут же обнаружилась его рубашка, та самая, залитая кровью из носа, отстиранная и уже почти высохшая. Неужели на руках стирала? Бестолковая...

После душа по привычке потянулся к крючку, на котором оставлял халат, но рука повисла в воздухе: теперь у него и халата нет, его облюбовала одна мелкая плаксивая нечисть! Обернул вокруг талии полотенце, так и вышел.

Алена приплясывала около сковородки, сунув в рот пальцы: обожглась. Услышала движение, быстро обернулась, серые глаза широко раскрылись, когда она увидела полуобнаженного охотника.

Геор чувствовал, что с мокрых волос срываются капли, текут по груди. Сердито встряхнулся, как кот, взъерошил волосы – брызги полетели во все стороны. Пара капель упала на раскаленную сковороду, зашкварчала.

На тарелке кособочилась стопочка толстых блинов, на столе валялись стаканчики из-под йогурта и яичная скорлупа. Удивительно, Геор не думал, что из того мизера продуктов, что хранились в его холодильнике, можно приготовить что-то путное. И мука... У него, оказывается, есть мука?

– Что это? – угрюмо поинтересовался он.

Тварюшка моргнула.

– Завтрак... – голос звучал растерянно.

Геор вспомнил все, что наговорил ей ночью. «Я тебя не отдам, тебе нечего бояться...» И называл Аленой. Докатился... Молча налил себе кофе, скатал блин трубочкой и сунул в рот – конечно, обжегся и, конечно, не подал вида. Блин был горячий, сладкий и неожиданно очень вкусный.

Он отодвинул второй стул, молча приглашая баньши сесть. Та присела на краешек, покусывая губы. Трусила, бестолковка...

– Вкусно, – сказал Геор. – Ты и попробовать не можешь...

Алена робко улыбнулась, плеснула из графина в пустую чашку воды на доньшко.

– Вот, я могу водички попить за компанию.

Она сделала маленький глоток и замерла, глядя на свои руки, судорожно вцепившиеся в чашку.

– И что... теперь?

– Теперь? – Геор хмыкнул. – Не будем загадывать далеко. Есть этот день, и мы его проживем, а что потом – увидим. Какой у тебя размер обуви?

Баньши открыла было рот, чтобы ответить: уж что-что, а размер обуви знает любая девушка, но вместо этого озадаченно нахмурилась.

– Не помню... Так странно! Спроси ты меня, о чем книга Куприна, перескажу без запинок. Или о том, как отмечала последний день рождения, или кличку моего пуделя. Его зовут Бенджи, кстати. А какие-то детали стерлись из памяти, такие незначительные маленькие детали...

Губы тварюшки задрожали, и Георг сжал ее прохладную руку: только еще одного приступа не хватало!

– Все хорошо! Это пустяки! Алена, посмотри на меня! Это ерунда! Есть и другие способы узнать размер обуви, было бы из-за чего переживать.

Когда он называл ее Аленой, лицо баньши светлело. Как ей хочется быть человеком, надо же...

Георг вышел и вернулся с листом бумаги и огрызком карандаша, деловито опустил на корточки рядом с тварюшкой, поставил ее босую ногу на расстеленный на колене лист бумаги. Снова удивился, какие у нее маленькие пальцы, да и ножка совсем небольшая, не больше его ладони. Георг начал обводить ее ступню карандашом, тварюшка хихикнула.

– Щекотно.

– Ты чувствуешь?

– Ага...

Чувствует... И те, кому он перерезал горло, те тоже, значит...

– Все, готово! – проворчал охотник, спихивая ее ногу. – Мне пора, и так задержался.

На лавочке у подъезда, кутаясь в платки, расположились соседки. «Рано вы сегодня что-то», – усмехнулся про себя Георг.

Дом, где он жил, был не новым, но надежным, толстостенным, кирпичным. Стоял здесь уже тогда, когда самого Георга еще не было на свете. Каждый раз, выходя из подъезда, охотник удивлялся: неужели эти кособокие приземистые лавочки, посеревшие от времени, поставили здесь специально для того, чтобы пожилым женщинам было чем заняться вечерами? Ничем иным появление скамеек он себе объяснить не мог.

Женщины проводили молчаливого соседа угрюмыми взглядами. У них было много причин для недовольства: во-первых, он был мужчиной, а во-вторых, не вырос в этом дворе, они не помнили его катающимся на велосипеде, бегающим за голубями, задирающим других мальчишек, а значит, он был и останется чужаком.

– Доброе утро.

– Здрас-с-с-сьте, – прошипели соседки вслед, точно змеи, и тут же вернулись к обсуждению более важных новостей: – Так вот, я и говорю, какие-то выбросы в атмосфере! Вчера ночью! Сначала Светочку на скорой увезли, а потом и Игоря Ивановича.

Георг, успевший уже отойти на несколько шагов, после этих слов возвратился.

– Что случилось?

Спросил холодно, без тени дружелюбия. Женщины, готовые было проигнорировать его появление, переглянулись и притихли. Отвечать взялась бойкая старушка, сморщенная, сухонькая, но еще полная жизненной силы, как профессионально отметил про себя Георг.

– Да вот рассуждаем: ночью то ли выбросы в атмосферу были, то ли вышку испытывали! Я говорю – выбросы.

– А я, – включилась ее круглолицая товарка, – вышку испытывали! Такой вой стоял! Неудивительно, что Светочку нашу на скорой увезли! Еще вчера она с нами о выборах говорила, а сегодня...

Женщины заохали, сухонькая вынула из кармана платок и вытерла покрасневшие уголки глаз.

– Живы? – резко бросил Георг.

Это все, что ему нужно было знать.

– Живы, живы, – закивали головами соседки. – Гипертонический криз! А вы, молодой человек, может быть, жалобу напишете? Вы в этом лучше разбираетесь...

Георг не стал дослушивать, женские голоса еще какое-то время пытались догнать его, потом обиженно стихли. Все, теперь он навечно предан остракизму, но на данный момент это его волновало меньше всего.

«Живы, – думал Георг. – Все живы. Она никого не убила...»

А пока она никого не убила, он не станет убивать ее.

– Пей!

Анатолий выставил перед Георгием ряд флаконов с разноцветными составами, охотник знал только некоторые из них: антив, бессонник, террон...

– Что за гремучая смесь? – улыбнулся Георг.

Алхимик не улыбнулся в ответ, он вообще был серьезен и сосредоточен этим утром. Сначала долго изучал распечатку результатов анализов, потом рассматривал ауру Георга сквозь плазменные линзы: алхимики не подвергались трансмутации, а потому и ауры видеть не умели, но для этого у них существовала куча приспособлений, изготовленных в цехах мастеров-оружейников.

– Непосредственной опасности твоему здоровью я не вижу, – сказал он наконец. – Проклятие как будто даже уменьшилось по сравнению со вчерашним днем, но мы не знаем, как оно действует: активно ли оно или нужен толчок для того, чтобы сработало, и каких последствий можно ожидать...

– Даже примерно? Какие вообще проклятия существуют?

– О, масса... Иссущающие, например. Но не похоже, чтобы это было иссущающее. Твое больше из разряда «внезапной гибели». Это когда проклятый начинает притягивать к себе неприятности и несчастные случаи, пока один такой не приведет к смерти.

Мастер-алхимик, похоже, оседлал любимого конька, так воодушевленно он принялся развивать тему проклятий, но натолкнулся на пристальный взгляд Георга и стушевался.

– Да... Вот так... Пока не знаем, как тебя от него избавиться, но работаем над этим. Вероятно, процедура трансмутации сможет помочь, но это не точно... Поэтому пей: тебе надо быть готовым ко всему. Кстати, как самочувствие? Ломота в теле? Озноб? Блуждающие боли?

После бурной ночи Георг чувствовал и ломоту, и озноб, вот только причиной тому было вовсе не проклятие. А основной его головной болью отныне стала баньши Алена, считающая себя человеком.

Не тратя слов, он откупорил один за другим пузырьки со снадобьями и, морщась, выпил. О проклятии, пока оно себя никак не проявляло, решил просто не думать – ни к чему еще этим забивать голову.

В отделе сегодня собралось много охотников. Выдавались такие относительно спокойные дни, когда нечисть вела себя тише воды, ниже травы. «У них сегодня выходной, – шутил в таких случаях Глеб. – Или национальный праздник: день солидарности нечисти!»

Тем лучше: можно наконец разобраться с отчетами, которых накопилось уже немало. За соседним компьютером работал Витек – сосредоточенно стучал по клавиатуре двумя пальцами, щурился на экран, вчитываясь в строчки.

– Георг, слушай, как пишется «баньши», с мягким знаком? Я подзабыл.

– С мягким. А ты на баньши отчет пишешь? На ту, что пару дней назад поймал? – Георг старался ничем не выдать своего интереса, так, просто вежливый разговор двух охотников, профессиональное любопытство.

– Ага... – Витька кивнул, не отрывая взгляда от экрана. – Бегала по парку, вопила.

Все-таки парк в городе самое опасное, гиблое место. Слишком большой и запущенный, раздолье не только для созданий ночи, но и для маньяков. По статистике, которую вел отдел аналитики, именно там чаще всего находили человеческие жертвы, и не всегда их гибель была делом рук нечисти.

– Ты с ней говорил?

– С кем? С нечистью? – охотник хохотнул. – Конечно, обсудили погоду и природу!

Геор ухмыльнулся, показывая, что шутку оценил. На самом деле стало муторно на душе. Против воли представлялось, как Витек заворачивает в сеть девчонку в цветастом свитерке, оглушенную знаком «Застынь».

– Почему на месте не убил?

Пальцы Витька замерли на клавиатуре.

– Разрядка была из отдела дознавателей, им требовалось для исследований несколько экземпляров нечисти. Эту, кажется, Снегирев забрал, почти сразу и ликвидировал.

– Ты знаешь, что Петр...

– Что Петр? – Витек обернулся и пристально всмотрелся в лицо Геора. – Да что с тобой сегодня?

Геор и сам чувствовал, что разговор выходит за рамки обычного рабочего трепа. Нет, ни к чему напарнику знать про Снегирева и его извращения, пусть это пока останется козырем в рукаве.

– Ничего, – усмехнулся Геор. – На проклятие вчера нарвался, голова тяжелая... Не обращай внимания.

Витек понимающе хмыкнул и вернулся к отчету, а Геор кликнул на виджет «Поиск» и опомнился только тогда, когда приложение развернулось на весь экран, открыв страницу предыдущего запроса.

Алена Озерцова, улыбаясь, смотрела на Геора с экрана. Прижимала ладонью темно-каштановые пряди, подхваченные ветром: фотография была сделана на улице. Теперь у ее волос пепельный цвет. Пепельные локоны, почти седые... Что пережила эта несчастная девочка? Как она умерла?

«Вечером 16 августа отправилась гулять с собакой и больше на связь не выходила» – сухая фраза ориентировки. Что скрывается за ней? Знала ли ты своего убийцу? Или все произошло внезапно? Как теперь живет собака без любимой хозяйки? Пудель по кличке Бенджи...

Геор не хотел смотреть адрес, но все равно посмотрел: улица Краснознаменная, 25. А ведь это совсем неподалеку от печально известного парка, где недавно сам Геор прикончил чмура, а Витек изловил баньши. Значит ли это, что Алена именно там и выгуливала собаку и там же погибла?

– Ты куда? – удивился Витька. – Разнарядку получил?

– Да, по электронке сбросили...

Не объяснять же охотнику, что он собрался навестить родителей Алены. Он и себе не смог бы ответить себе на вопрос зачем. Он ничем не сможет их ободрить, лишь напомнит о боли, которая за год, возможно, чуть сгладилась, утихла.

В кармане лежало удостоверение с красными корочками: каждый охотник являлся еще и детективом, даже был проведен по документам в полицейском участке – все официально, комар носа не подточит. Лига заботилась о том, чтобы у ее сотрудников не возникало проблем с законом, ведь иногда по долгу службы приходилось задавать неудобные вопросы, врывать в чужие жизни, беречь незажившие раны.

Дверь квартиры в обычном панельном доме открыла молодая еще женщина. Сколько сейчас матери Алены – сорок? Едва ли больше. В том, что это ее мать, Георг не сомневался ни на секунду. Такой же овал лица, форма глаз... Женщина близоруко прищурилась на незваного гостя, Георг немедленно раскрыл удостоверение, отдал в руки, давая возможность изучить фотографию.

– Следователь Воронцов? Чем обязана... – она вдруг вздрогнула и так же, как недавно Алена, беззащитно подняла лицо. – Это... по поводу Аленьки? Вы... нашли?..

Не договорила, сжав у груди руки.

«Я нашел, – хотел сказать Георг. – Только это больше не ваша дочь... Но она в безопасности, не волнуйтесь».

– Нет, к сожалению, пока никаких следов, – вслух произнес он. – Но мне бы хотелось еще раз с вами побеседовать. Может быть, вы вспомнили что-то за это время? Какие-то новые сведения?

Хозяйка квартиры отступила, пропуская «следователя».

– Я уже рассказала все, что знала, – растерянно проговорила она. – Много раз... Но вы заходите, заходите... Давайте чаю! Я как раз заварила!

На кухне пахло выпечкой, и Геор испытал острейшее чувство дежавю. Хозяйка подвинула к нему пузатую красную чашку в белый горшок, выложила на блюдо булочки.

Цокая коготками по паркету, на кухню ворвался маленький абрикосовый пудель, ткнулся мокрым носом в ладонь гостя, Геор потрепал его за мягкие уши.

– Фу, Бенджи! Фу! Извините, он такой бесцеремонный...

Пудель виновато потупился, но из кухни не ушел, надеясь, что хозяйка разжалобится и угостит бедную собаку кусочком булочки.

В квартире было уютно и чисто. Есть такие квартиры, куда заходишь и сразу чувствуешь себя как дома. Здесь умели любить и заботиться, да только в светлую ауру год назад ворвалось горе, черной паутиной заткало стены и окна, повисло невидимыми темными кружевами на мебели, на отмытых до блеска стеклах.

Мама Алены налила чаю и себе, вот только не притронулась к напитку, да и Геор лишь пригубил и поставил чашку на блюдце. Вынул из внутреннего кармана заранее приготовленный блокнот, чтобы было чем занять руки.

– Может быть, ваша дочь с кем-то встречалась, переписывалась в соцсетях?

Женщина вздохнула. Наверное, ей не раз и не два приходилось повторять одно и то же, но, с другой стороны – Геор это почувствовал, – она рада была поговорить о дочери, поэтому он слушал, не перебивая, надеясь выловить крупицу полезных сведений. Записей не вел: натренированная память никогда не подводила, к тому же Геор всегда мог получить доступ к материалам дела...

– Алена была очень хорошей, доброй девочкой... – начала женщина.

Услышь Геор такой рассказ о ком-то другом, засомневался бы, что все так безоблачно. Чтобы юная девушка думала только об учебе! Ни с кем не встречалась и даже не переписывалась. Но в случае с Аленой почему-то хотелось этому верить.

– Хотя, может быть, я слишком давила, многое не разрешала. Очень боялась за нее... Все думала, что соломки подстелю, а вот как получилось...

Хозяйка дома отвернулась, пряча слезы, а потом и вовсе вышла из кухни. Вернулась с фотографией в руках.

«Нет! – хотел крикнуть Георг. – Не показывай!»

Женщина словно почувствовала, не отдала в руки, а положила фотографию дочери на стол. Смеющаяся Алена с растрепанными волосами обнимала абрикосового пуделя.

– Знаете, незадолго до исчезновения Алена просила отпустить ее в ночной клуб с подругами. Обещала, что будет осторожной, говорила, что возьмет такси. Я ведь понимаю, девочкам в ее возрасте все это интересно... Я не отпустила. А она так и не побывала... и не побывает уже.

– Переписку с подругами, конечно, изучили?

– Да, ноутбук Алены забирали ваши коллеги, но никаких зацепок не нашли. Нам его вернули пару месяцев назад...

– А я его снова заберу, – перебил Георг.

Решение пришло мгновенно, по наитию. Хотя он и не сомневался в профессионализме следователей, но, может быть, какие-то личные записи, фотографии помогут освежить память Алены?

Хозяйка не стала возражать, принесла тонкий красный Asus.

– Вы ведь сообщите мне, если появятся какие-то новости?

Ничего не оставалось, как кивнуть. Скорее всего, не будет никаких новостей и дело пропавшей Алены Озерцовой так и останется нераскрытым, но он промолчал: нельзя лишать родителей последней хрупкой надежды.

По дороге домой завернул в супермаркет, нырнул в первый попавшийся отдел женской одежды. Какое-то время бродил по рядам, совершенно потерявшись среди ярких вещичек. Аж взмок. Решил, что легче с десятком жмыхов сразиться. На помощь ошалевшему покупателю пришла сотрудница. Георг как раз держал в руках футболку с принтом-котенком и чувствовал себя полным идиотом.

– Вы для своей девушки подбираете? Какой размер?

– Какой...

Если б знать!

– Ну вот, взгляните на меня. Такая же? Полнее?

Геор, подумав, расставил ладони на расстояние двадцати сантиметров друг от друга. Продавщица посмотрела и хихикнула:

– Ну это вряд ли! Давайте я вам подберу, чек не выбрасывайте, если что – поменяете.

На руку Геора, согнутую в локте, быстро накидала ворох вещей. Джинсы, кофточки, платья... Надо же еще белье. Зар-раза! Нет, это потом, в следующий раз, сама выберет.

В «Евросети» приобрел недорогой телефон – пусть будет на связи, так ему самому спокойнее. Под конец в обувном нушел туфли-лодочки. Долго примеривался, вынув из кармана смятый лист бумаги с криво обведенной карандашом ступней Алены.

На выходе в газетном киоске захватил не глядя несколько книг в мягкой обложке. Кажется, детективы, ну ничего, пойдет.

«Я сошел с ума, – обреченно думал Геор. – К мозгоправам все-таки надо будет заглянуть. Потом. Когда все закончится...»

Когда все закончится? И чем может закончиться эта дикая, невозможная история?

Геор уже подходил к дому, когда в спину ударил свет фар. Узкая подъездная дорога была безлюдна, и лихач за рулем решил, видно, что может не сбавлять скорость. Куда-то торопился. Не иначе как на тот свет. Геор отошел на обочину: нужно уступать дорогу дуракам, но разогнавшийся автомобиль вместо того, чтобы свернуть к дому, неожиданно вильнул за ним. Он приближался стремительно, слепя глаза. Геор бездумно отметил про себя, что это белая мазда, разглядел и перекошенное лицо водителя. Столкновение было бы неизбежно... окажись на месте Геора обычный человек. Выручила реакция охотника: Геор действовал на инстинктах, доверяя тренированному телу. Грохочущее железом чудовище промчалось в сантиметре от него, обдав горячим воздухом.

Геор аккуратно опустил пакеты с покупками – выбрал островок земли посуше. Медленно приблизился к машине, разминая плечи. Надо научить этого идиота хорошим манерам. Ладно, сейчас на его пути оказался лицензированный охотник за нечистью, но в следующий раз это может быть ребенок. Водитель затаился – в салоне ни движения, ни звука. Струхнул, бывает.

Геор деликатно постучал в окно, кашлянул: надо, мол, поговорить. Водительское окно приспустилось на несколько сантиметров, в щель высунулся бледный нос. Геор включил телефон и осветил лихача фонариком. Тот, признаться, вовсе не выглядел ухарем – тщедушный и явно перепуганный человек.

– И-извините, – пробормотал он. – Я сам не могу понять, как это получилось. Машину повело. Думал, тормоза отказали... С вами все в порядке?

На лице мужчины выступили бисеринки пота. Нет, он явно не притворялся, сам был в ужасе от произошедшего. Испуганно и виновато щурился от света фонаря.

– Если надо, я и компенсацию готов...

– Все в порядке! – рявкнул Геор.

Поспешил к дому, по пути подхватив пакеты. Так вот как это работает! Проклятие внезапной гибели... Ну спасибо, леший, удружил! Расплатился сполна за собственную смерть!

Алена предупредила, что не смогла вычистить все, а оставшиеся нити за день, видно, разрослись и перешагнули критическую массу. Теперь каждую минуту придется быть начеку.

Геор ворвался в квартиру, его охватило нездоровое возбуждение из-за адреналина, выплеснувшегося в кровь. Алена услышала, как повернулся ключ в замке, выглянула в коридор, робко улыбнулась, словно спрашивала: «Можно?»

– Аленка, одевайся! – он обрушил на нее пакеты. – Мы идем гулять!

Алена замерла в недоумении, тонкие брови сложились домиком. Все еще не понимая, что происходит, заглянула в один из пакетов, осторожно вытащила на свет божий топ из прозрачной ткани.

– Ой... – сказала она. – Куда гулять?

– В ночной клуб!

Девушка Алена мечтала побывать в ночном клубе, но не сложилось. Так пусть побывает хотя бы теперь. Кто знает, сколько времени продлится эта ее после-жизнь?

Она моргнула, не понимая, постояла еще в дверях комнаты, прижимая к груди раздувшиеся пакеты, потом прошептала:

– Хорошо, я сейчас.

Геор зашел на кухню. На столе дожидались холодные блины, и охотник с удовольствием с ними расправился, завернув все, что осталось, в один толстый блинный рулет.

Алена подошла со спины неслышно, неощутимо. Он почувствовал ее лишь тогда, когда тонкая рука опустилась на плечо. Чутье охотника больше не протестовало, не предупреждало об опасности, определив баньши в разряд «своих». Геор дернулся было, но сообразил, что она снова убирает проклятие, чистит ауру.

Потом Алена схватила чашку с водой, жадно отпила глоток. Геор обернулся и посмотрел на ее бледное лицо. Слишком бледное... Но в остальном маленькая нечисть была хороша, и даже тени под глазами нисколько не портили ее, лишь придавали загадочности. Алена выбрала из вороха вещей пуловер цвета морской волны и темные укороченные брюки, не скрывающие косточку на узких лодыжках, туфли-лодочки делали маленькую ножку еще более аккуратной.

Но почему она такая белая? Ах да, проклятие отвратительно на вкус... Геор едва сдержался, чтобы не хлопнуть себя ладонью по лбу: ну идиот! Она же голодная! На одном проклятии далеко не уедешь. Может быть, она решила, что в ночной клуб он ее ведет на охоту, вот и согласилась без раздумий?

– Так, – сказал он сурово, – в клубе не смей пить жизненную силу других людей, поняла? Я замечу, и тогда...

Баньши растерянно облизнула губы, но кивнула. Совсем запуталась девчонка, ничего понять не может. Геор взял ее за запястье.

– Но ты можешь забрать немного моей жизненной силы.

Алена шарахнулась, но он мягко удержал, кивнул: можно. Она недоверчиво смотрела ему в глаза, будто пыталась разгадать – что это, испытание? И какой ответ верный? Геор положил ее ладонь к себе на плечо и вторую пристроил туда же.

– Давай, давай, – поторопил он тварюшку. – Или до утра тут будем стоять?

Испуг на ее лице сменился радостью. Второй раз упрашивать не пришлось. Баньши откинула голову, прикрыла глаза, по лицу разлился нежный румянец. Геор нравилось видеть ее такой, обычно у девушек такие лица, когда...

Он откашлялся, тряхнул головой, выбрасывая из головы странные мысли. Прислушался к себе: ощутит ли он потерю сил? И что

почувствует – слабость, головокружение? Не почувствовал ничего, разве что сухость во рту.

– Готова? – хрипло спросил он.

Тварюшка кивнула. Георг хотел было сказать, что в одном из пакетов, помимо вещей, приготовлен другой сюрприз – ее собственный ноутбук, но решил, что это дело подождет до утра: слишком многое пришлось бы объяснять.

– Идем!

Перед выходом Георг приспособил кинжал в неприметные ножны, спрятанные под штаниной: когда над головой нависло проклятие, как дамоклов меч, безоружным, пожалуй, выходить не стоит.

Такси домчало их до «Инферно» за несколько минут. В клубе в это время было еще малоллюдно, они пришли слишком рано. Георг усадил Алену за столик, подошел к бару и заказал два коктейля «Айсберг»: едва ли баньши выпьет больше глотка, но пусть он у нее будет.

Вернулся, неся в руках два высоких стакана с прозрачной голубой жидкостью. Непонятно, чего здесь было больше – самого напитка или кубиков льда. Поставил перед Аленой, она поболтала трубочкой в стакане, наверх устремились пузырьки газа. Отпила глоток, зажмурилась.

– Холодно.

– Вкусно?

Она растерянно улыбнулась, ответила не сразу.

– Я не чувствую вкуса... теперь, лишь тепло и холод. Но это приятно, – она помолчала. – Спасибо...

На танцполе энергично двигались девушки. Георг всегда удивлялся их сосредоточенным лицам, они будто выполняли ответственную и серьезную работу, лишь иногда, вероятно, вспомнив, что пришли отдыхать, принимались шуметь, прыгать и смеяться. Георг только сейчас заметил, что Алена вообще-то одета не для клуба – слишком простенько и мило, такая девочка-студентка.

– Пойдешь танцевать? – грубовато спросил он.

Ситуация была нелепой до комичности: вывел нечисть прогуляться в свет. Вот тебе коктейль, вкуса которого ты не ощутишь, а на людей и смотреть не смей, хотя они-то как раз лучшие закуски на этом вечере. Правда, Алена сейчас сыта и не представляет опасности. Хотелось в это верить!

– Нет, знаешь, я лучше посмотрю, – ответила она на вопрос. – Никогда не умела двигаться так...

Геор пожал плечами: мол, твое дело. Он свой бокал уже осушил: чудом избежав несчастного случая, Геор хотел забыться. Не до состояния нестояния, конечно, так, чуть-чуть. Алена купала трубочку в коктейле, ловила пузырьки, мечтательно оглядывалась, подпевала и иногда тихо улыбалась. Казалось, она вполне счастлива, по крайней мере довольна. Геор откинулся на спинку дивана, расслабился. Жаль, что в клубах теперь не ставят медленные композиции. Геор, правда, плохо представлял, как их танцевать, сам-то пробовал лишь однажды, в детстве, в пионерском лагере. До сих пор вспоминал со смешанным чувством стыда и ностальгии, как едва касался талии партнерши – Таньки, грозы мальчишек. Но во время танца Танька притихла, ладошки ее, лежащие на плечах Геора, вспотели...

– Я сейчас.

Он поднялся и отправился к пульту диджея. Несколько банкнот перекевали из кармана Геора в ладонь паренька в дредах, тот кивнул. Над залом поплыли первые такты «Just One Last Dance», танцпол почти сразу опустел, только в центре неуклюже топталась парочка.

Геор наклонился к Алене, предложил руку.

– Только один последний танец, – сказал он.

– Что? – Девчонка вскинула недоверчивые серые глаза, как умела делать она одна, и Геору в такие моменты чудилось, что баньши похожа на пугливую дикую серну: одно неосторожное движение, и она убежит.

– Название песни, – усмехнулся он.

Ее маленькая ладонь утонула в его пятерне.

– Только я ведь совсем не умею...

– Не танцевала раньше? Даже в школе?

Баньши наморщила лоб, вспоминая о чем-то.

– Мне кажется, незадолго до смерти. Но я не уверена.

Надо же, скромная первокурсница Алена, оказывается, танцевала с кем-то медленный танец? Или думает, что танцевала... Неважно. Геор осторожно сжал ее узкие пальцы, повел за собой. Голова Алены едва доставала до его плеча, она потянулась, пытаясь закинуть руки на шею охотника, но даже поднявшись на цыпочки, не смогла этого сделать. Руки соскользнули, а Алена запрокинула лицо, негромко рассмеялась: вот, мол, неловко вышло. В итоге танцевали странно: Геор положил свои ладони поверх ее рук, прижал их к груди, чтобы не

сползли. С места они почти не сходили – шаг в сторону, шаг назад, покачивались в такт музыке, впрочем, Геор мог говорить только за Алёну, сам он музыку слышал плохо, не чувствовал ее. До этого момента он и не сомневался, что танцевать не придется. Но пусть, это для тварюшки. Последний танец, может и потерпеть. Ну что у нее еще будет? Ни семьи, ни детей... Глупая девчонка, зачем тебя понесло в этот парк? Выгуляла собачку! Нет теперь у Бенджи хозяйки, хотя он и вернулся... Бенджи вернулся!

– Ты чего застыл?

– Бенджи вернулся, – произнес вслух Геор последнюю, ошеломившую его, мысль.

– Да? – Алёна обрадовалась. – Точно? Какой молодчина! А откуда ты знаешь?

Может быть, самое время рассказать ей о ноутбуке и о том, что он навестил родителей Алёны? Но снова включилась быстрая музыка, ударила по барабанным перепонкам, Геору не хотелось перекрикивать грохот, успеет – расскажет все, когда придут домой.

Геор проводил ее к столу, сам отошел к бару за очередным коктейлем, а возвратясь, заметил, что Алёна напряженно смотрит в противоположную сторону зала. Увидела Геора и тут же перевела взгляд на стакан с «Айсбергом», где уже растаял весь лед и пузырьки газа выветрились.

– Хочешь? – она протянула ему почти полный стакан.

Геор хмыкнул и поменял свой коктейль на ее.

– Холодный, – объяснил он. – Как ты любишь.

Поймал ее улыбку. Тварюшка... Зачем ты умерла, бестолочь...

– Что там? – спросил он, указав подбородком в направлении Алёнкиного взгляда.

Она промолчала, сосредоточенно выуживая из голубоватой жидкости кусочек льда, тогда Геор обернулся и взгляделся в лица посетителей. Девушки, пестрые и яркие, как фантики. Немногочисленные мужчины как-то даже терялись на их фоне. Потому, видно, Геор не сразу заметил рядом с ослепительной рыжеволосой спутницей нечисть. Сомнений быть не могло; он проверил зрением охотника, потом подключил чутье: ни человеческой

ауры, ни жизненной силы. Чернявый парнишка вертелся рядом с девушкой, отпивая ее силу по крошке, точно дорогое вино, которое неприлично употребить залпом, сначала надо пригубить, чтобы почувствовать букет. Прилипала! Тут, в клубе! Тварь.

– Подожди здесь! – бросил Геор.

Поднялся, машинально переходя в боевой режим: сердце забилось, как метроном, взбугрились под рубашкой мышцы. Самому себе он напомнил барса, подкрадывающегося к добыче. Главное – не упустить. Прилипалы слабы, но хитры и шустры, точно мыши, не успеешь глазом моргнуть, как забьется в какую-нибудь нору, и не выковырнешь. И что обидно – наверняка у него при себе лицензия на питание. Помашет ею перед носом Геора и продолжит дегустацию рыженькой красотки. Та утром будет долго удивляться обрушившемуся на нее похмелью.

Прилипала, который со стороны выглядел как смазливый паренек, развлекал рыжую разговорами, а сам ненароком то поправлял ей локон, то дотрагивался кончиками пальцев до запястья. Паскуда.

– Предъявите лицензию!

Геору все-таки удалось застать нечисть врасплох. Тот дернулся от неожиданности, и охотник испытал мимолетное торжество, почти такое же, как когда лезвие меча обрушивалось на голову очередной твари: попался!

– Какую лицензию? – тот попытался включить дурачка, а может, правда не сразу разобрал, кто перед ним.

Геор отвернул уголок воротника, где, скрытый от посторонних глаз, был закреплен небольшой значок с летящей совой – символом Лиги. Обычный человек видел лишь силуэт птицы, а нечисть он ослеплял, заставляя отпрянуть и зажмуриться: значок был изготовлен из чистого серебра.

– Лицензию, – повторил он.

Прилипала рассеянно улыбнулся, поставил полный бокал, из которого не отпил и капли, на стойку, опустил руку в карман и вдруг бросился бежать. Такого Геор не предполагал и на мгновение растерялся, но тут же ощутил азарт охоты и – чего сам от себя не ожидал – обрадовался возможности размять мускулы. Надо же, нечисть третьего класса – и так глупо попался! Просрочил лицензию

или просто решил, что как-нибудь извернется. Теперь у охотника есть полное право его уничтожить!

Тварь, на свою беду, рванула не к выходу, а в сторону уборных, в тупик. Все, деться ему некуда, попался, гаденьш.

Геор неторопливо вошел в мужской туалет, где заперта оказалась лишь одна кабинка и чутье охотника буквально вопило, указывая на нечисть. Геор наклонился, вынимая кинжал. Прилипала истаёт быстро, в них темной энергии всего ничего, выветривается за час, надо будет только закрыть его в кабинке, чтобы не испугать посетителей. Подождать, что ли, пока сам выйдет? Так он там до утра просидит.

Охотник тактично постучал костяшками пальцев, сказал почти миролюбиво:

– Дверь вынесу на счет три. Один, два...

Дверь распахнулась, и прилипала – вот отчаянный! – обрушился на Геора, метя кулаками в голову. Даже будь он человеком, у него не было бы шансов побороть охотника: слишком subtilный и смазливый, девчонки таких любят, а вот как бойцы они никуда не годятся. Но боролся неистово, Геор даже испытал к твари что-то вроде уважения. Скрутил, правда, быстро – ни к чему церемониться. Потацил к раковине, чтобы было куда слить кровь из перерезанной глотки. Тот выл, упирался, пытался что-то сказать, но из-за врезавшегося в горло воротника футболки издавал только хрипы. Геор сунул нечисть мордой в умывальник, перехватил кинжал поудобнее.

– Не надо! – истошно завопил женский голос.

В уборную ворвалась рыжуля, та самая, которую он спас из лап нечисти. Увидев кинжал в руке Геора и своего поверженного спутника, девушка некрасиво разрыдалась. Некрасиво и искренне.

– Не надо... – губы незнакомки тряслись. – Отпустите Илью...

В приоткрытую дверь заглянула Алена, замерла на пороге и снова посмотрела так, будто это он над ней занес лезвие. Рука Геора дрогнула, он выругался, выпуская прилипалу из хватки. Тот отшатнулся, но вместо того, чтобы попытаться сбежать, бросился к рыжule, обнял, а та, дурочка, вцепилась в него, завывала.

– Вы не понимаете, – устало начал Геор. – Он не тот, за кого себя выдает. Он даже не человек...

– Я знаю! – крикнула девушка. – Знаю! И что? Он мне все рассказал!

– Он нечисть! – Георг все еще не верил, что прилипла действительно выложил спутнице все, как на духу. – Он жрет вашу жизненную силу.

– Я сама ему разрешаю!

Ничего себе новости! Георг зашипел сквозь зубы, растеряв аргументы. Взгляд, скользнув, невольно зацепился за лицо Алены. Очень бледное и очень спокойное. «Ты мне тоже разрешил», – будто бы говорила она.

Глядя со стороны на двоих мужчин и двух девушек, мирно беседующих за столом, никто бы и подумать не мог, что несколько минут назад один из парней готов был отправить другого на тот свет.

Впрочем, рыжая девчонка и ее темноволосый спутник едва ли радовались вынужденному соседству, они бы предпочли остаться наедине, но Геор не собирался уходить, не разузнав все как следует: мало ли чем прилипала задурил голову своей спутнице.

– Итак, – начал он, помедлил, вспоминая имя, – Тая, правильно? Я должен удостовериться, что с вами все в порядке и вы понимаете, что делаете.

Тая вздохнула. После того как Илья остался цел и невредим, она немного взбодрилась, но все еще чувствовала себя неуютно рядом с охотником, словно присутствовала на допросе. Геор в двух словах рассказал, какую организацию представляет, а теперь требовал объяснений от нее.

– Ну и что, что он такой, – сбивчиво говорила Таисия. – Он хороший, добрый, заботливый. Он все рассказал честно... Я сначала думала, что он с ума сошел или я с ума сошла – так ведь только в фильмах бывает. Ну, знаете?

Геор поморщился. Он слышал, конечно, о саге про вампиров, завоевавшей все девичьи сердца. Тысячи глупышек проливали слезы над историей любви человека и нечисти, так что Тая, видно, и рада была ощутить себя героиней роковой страсти. С другой стороны, какое ему дело до чьих-то странных привязанностей, если это никому не грозит гибелью. Кажется, эти двое нашли друг друга – он ей романтику с налетом мрачной тайны, она ему жизненную силу.

Тая все говорила, а Геор почти не слушал, думая о своем. Краем уха уловил, что Алена спрашивает у Ильи про Полоза: «Ты не знаешь, как его отыскать? И кто он вообще?» Слов Ильи не разобрал, потому что рыжуля схватила его за руку, ладонь ее была горяча, щеки лихорадочно блестели.

– Прошу, отпустите нас... Клянусь, мы больше никому не причиним беспокойства! А лицензию он завтра же получит, да,

Илюша?

Прилипала кивнул.

– Я всего-то на пару дней просрочил, как раз собирался за новой... Кто же мог знать, что все так обернется.

Геор перевел хмурый взгляд с Ильи на Таю. Фыркнул. Сладкая парочка, так их разэтак.

– Чтобы завтра был в Лиге!

Оба закивали головами, как болванчики. Геор поднялся, предложил руку Алене, и та не глядя, доверчиво, вложила в его ладонь тонкие прохладные пальцы. Охотник только сейчас увидел, как внимательно смотрит на нее прилипала. Потом Илья перевел взгляд на Геора.

– Я рад, – сказал он, – что баньши понизили класс опасности, иначе тебе пришлось бы уничтожить ее на месте, правда?

В спокойном голосе прилипалы – надо же, почувствовал себя в безопасности и тут же разговорился – Геор у почудился скрытый намек. А что если этот красавчик доложит завтра мастерам-аналитикам о том, что один из охотников прогуливается по городу в сопровождении смертельно опасной нечисти? Может быть, это не так, но подстраховаться не мешает. Геор наклонился к самому лицу Ильи, сказал негромко, но весомо, будто пропечатывая каждое слово:

– Ты. Ничего. Не видел.

– Конечно, – ответил тот бесстрастно и взгляда не опустил.

Геор решил, что им надо прогуляться пару кварталов и лишь потом вызвать такси. Свежий воздух полезен Алене...

Да кого он обманывает! Геор самому необходимо было проветрить голову. Его ломало и корежило изнутри. От того, что выпустил тварь живой. От того, что вынужден врать и изворачиваться. Когда он успел все так запутать в своей простой, в общем-то, жизни?

Алена шла рядом и молчала, видно, чувствовала, что с охотником творится неладное, но в душу не лезла. Молодец девочка.

«Что же, день прожит. Завтра наступит еще один день, которой тоже надо прожить...» Вот так, незачем заглядывать в будущее. Есть этот день, есть эта ночь, а потом – посмотрим. Он улыбнулся, и притихшая Аленька сразу расцвела в ответ.

Подъезд встретил темнотой: перегорела лампочка на первом этаже. Обругав коммунальщиков последними словами, Геор пошел

вперед, протянув баньши руку. Забыл о том, что Алена прекрасно видит в темноте, а она не напомнила. Сам Геор тоже отлично ориентировался на слух и на ощупь, выручало охотничье чутье. Правда, в том, что произошло дальше, даже инстинкт охотника за нечистью не помог. Разве можно было предугадать, что крепкая ступенька, выдерживающая за день не один десяток ног, вдруг раскрошится под его шагами? А она раскрошилась, будто только и ждала этого момента. Мелкие камешки и песок побежали вниз по ступеням, перила выскользнули из-под руки, вывернулись, точно живые – Геор ухватил воздух. И в следующую секунду понял, что падает навзничь, головой назад. Сейчас приложится об каменный угол, мало не покажется. Отличный несчастный случай! Спасибо, леший, век не забуду!

В последнее мгновение Алена дернула его за руку, пытаясь замедлить падение. Конечно, хрупкой девчонке не под силу было удержать такого верзилу – они сорвались уже вдвоем, но слабого толчка было достаточно, чтобы тело вспомнило, чему его учили. Геор сгруппировался в воздухе, кинул Аленку к себе на грудь, спрятал в коконе рук. Ударился спиной, так что дух вышибло вон, в ребрах и позвоночнике хрустнуло. Проехался по лестнице и разжал объятия, только остановившись на площадке между этажами. Аленка скатилась верхом на Георе, точно в лодочке. Сползла с его груди, присела рядом на корточки, испуганно затормошила.

– Ты живой? Ты как?

– Нормально, – буркнул он.

Поднялся с трудом: казалось, что ломит каждую косточку. Алена, сосредоточенно закусив губу, отряхивала его от пыли.

– Перестань! – резко бросил он, снедаемый стыдом: он ей что, дитя малое? – Сама-то как, не ушиблась?

Баньши пожала плечом, промолчала. А ведь Геор знал, что ни синяки, ни ссадины ей, нечисти, почти не грозят, и кости срастутся почти сразу. От нечисти существует только одно верное средство – голову с плеч... И Алена знала, что падение ей не опасно. Видно, их двоих устраивала эта игра: «я обычная девушка». Геор притворился,

чтобы сделать ей приятное, а Алена никак не могла смириться с тем, что ее человеческая жизнь осталась позади и больше не вернется.

В квартире он с трудом стащил куртку, потом рубашку. Изловчился, посмотрел на себя в зеркало: на спине наливались синяки, но вроде бы ничего не сломано. Алена вертелась рядом, чистила проклятие, думала, что Геор не заметит.

– Да хватит, – махнул он рукой. – До завтра подождет. Не помру до утра.

Специально говорил грубовато, делая вид, что проклятие его не заботит, а сам думал: «Что дальше? Поскользнусь в душе? Взорвется газ? Обрушится потолок? Зар-раза!»

– До завтра подождет, – согласилась Алена, морщась: хоть и привыкла к горечи черноты, разливающейся в ауре Геора, но все равно было неприятно.

Охотник понял, что устал. Слишком много происшествий для одного дня. Абрикосовый Бенджи, улыбающаяся девушка с каштановыми волосами на фотоснимке, мытарства по магазину, прилипла Илья и рыдающая Тая и, наконец, падение в темноту – события закрутились в памяти, как в калейдоскопе. И еще ноутбук... Нет, это уже утром.

– Я спать!

Голова кружилась. То ли от выпитого, то ли таки ушиб и не заметил. Он оглядывался и никак не мог взять в толк, как это все случилось с ним. Его маленькая холостяцкая квартирка стала вдруг еще теснее: в центре комнаты грудой свалены пакеты с покупками, халат – его, заметьте, халат – теперь не висел на крючке, дожидаясь хозяина, а был небрежно перекинут через спинку кресла – Алена торопилась, переодеваясь, так и оставила. На подлокотнике раскрытая книга. Прежде ни одна девушка не входила в его жизнь так тесно, так близко, как маленькая сероглазая нечисть.

Алена не замечала его смятения, да и не смотрела на Геора в тот момент. Она разувалась, пристраивая свои новенькие балетки на подставку для обуви. Рядом с берцами Геора они казались туфельками Золушки.

Прошлепала мимо босыми ногами, заправляя за ухо выбившуюся пепельную прядь. Потянулась устало – так по-человечески, так по-женски уютно. Геор не сводил с нее глаз, подмечая все, словно видел

впервые. И ее трогательную косточку на узких лодыжках, и ее пушистые волосы, и тонкие белые пальцы. Вспомнил, как держал эти пальцы, прижимая ладонью к своей груди. Она была такая хрупкая, тонкая, неуловимая. Казалось, отвернись – и сероглазая девушка обратится в дым. И все же она была здесь, рядом. Ходила по квартире, тихонько напевая: «Just one... last dance...» Подхватила халат, скользнула в ванную.

Геор сделал шаг навстречу, и они столкнулись в дверях. Алена подняла задумчивый взгляд, она явно размышляла о чем-то своем, пытаясь обойти заступившего ей дорогу охотника, а он не сдвинулся с места.

Надо что-то делать! Алена ворвалась в его жизнь совсем недавно, но вот уже трещины бегут по устоявшемуся миру, еще немного, и он разобьется вдребезги.

– Алена... – хрипло сказал он.

Ее губы шевельнулись беззвучно: «Да?» Но в глазах не было ни страха, ни сомнения. Она больше не боялась. Да что ему, в конце концов, доверие какой-то нечисти? Ее вообще нет! Не существует! Пропадет, истаёт, если он прямо сейчас...

Геор схватил ее за плечи. Наклонился. И поцеловал.

Губы Аленки оказались мягкими, прохладными, будто девчонка вернулась домой с мороза, да она и пахла свежестью первого снега, а еще отчего-то распускающимися почками вербы. Человеческие девушки так не пахнут, Георг почувствовал это сразу, но это не оттолкнуло, наоборот. Он вжал в себя хрупкое тело, положил ладонь ей на затылок – то ли удержать, то ли ощутить реальность происходящего. Он не желал ни о чем думать, потому что стоит только на секунду позволить разуму взять верх над чувствами, как очарование этого невозможного, немислимого мгновения тут же растает.

Алена замерла в его объятиях, но не попыталась отстраниться, а потом осторожно ответила на поцелуй. Подняла руки, и ее пальцы легко коснулись его волос, будто бы она тоже желала удостовериться, что Георг существует на самом деле.

И почему-то именно эта податливость, эта робкая нежность отшвырнула охотника от баньши. В груди тяжело заворчалось сомнение: «Она не человек, она смертельно опасная нечисть! Что я творю!» Душу захлестнуло стыдом и чуть ли не отвращением к самому себе.

Алена, не понимая, что происходит, смотрела на Георга широко раскрытыми глазами. Прикусила влажную губу. Влажную, готовую к поцелуям... Что же, попроси он большего, тварюшка, глядишь, и не откажется. Что угодно, чтобы сохранить жизнь, правда, баньши?

Георг, не вполне понимая, что делает, взял ее лицо в ладони, сжал так, что Алена ойкнула. Наклонился, всматриваясь в серые дымчатые глаза. Если бы только можно было забраться в эту маленькую головку, проникнуть в мысли, понять, что она чувствует на самом деле. Есть ли там душа, или хорошенькое личико – маска, а внутри только инстинкт выживания и поиска пищи? Притворство, мимикрия...

Он оттолкнул ее и вышел за дверь. Невозможно сейчас находиться рядом. Надо освежить голову, прийти в себя. Долго бродил по темным улицам, вдыхая студеной воздух ранней весны. Ночная прохлада приятно обволокла тело – выскочил-то он без рубашки. Впрочем, никто не видел охотника: редкие прохожие замечали лишь тень,

мелькавшую под фонарями – то ли порыв ветра качнул деревья, то ли кот перебежал дорогу.

Вернулся под утро. Уставший, разбитый, зато в голове прояснилось. До выхода на службу оставалась пара часов, ложиться спать нет смысла. Ничего, хлебнет бессонника – на зелье можно продержаться еще сутки.

Алена читала. При появлении Геора подняла голову, отложила книгу, но не произнесла ни слова. И не улыбнулась несмело, как обычно. Охотник сам не понял, что его так царапнуло, когда он взглянул на ее спокойное, отстраненное лицо.

Сжав челюсти, он начал вытряхивать на пол содержимое пакетов, ища ноутбук. Алена бесстрастно наблюдала, но, когда на груди одежды вывалился красный Asus, спокойствие ей изменило.

– Откуда? – воскликнула она. – Как?..

Всхлипнула, но тут же прижала ладонь ко рту, изо всех сил пытаюсь успокоиться, и это ей удалось. Геор положил ноутбук ей на колени, присел рядом на корточки и рассказал, как побывал в гостях у матери Алены, выдав себя за следователя. Хорошо, что она не спросила: «Зачем?», иначе бы ему нечего было ответить. Баньши спросила о другом:

– Как они? Сильно горюют? Как думаешь, мне нельзя как-то...

– Нет! – отрезал Геор, догадавшись, о чем хочет попросить тварюшка. – Даже думать об этом забудь. Они хорошо держатся. А ты умерла. Поверь, знание о том, что их единственная дочь превратилась в нечисть, облегчения им не принесет.

– Да... – она кивнула, опуская голову. – Да...

Тонкие пальцы бездумно гладили крышку ноутбука, будто бы она не до конца представляла, что делать с этим предметом. Еще одна особенность, отличающая нечисть, – создания ночи не в ладу с гаджетами. Даже Алена, которая при жизни легко обращалась с техническими устройствами, сейчас растерялась.

– И помню... – пробормотала она. – И не помню...

– Я помогу.

Геор открыл ноут, нажал кнопку «пуск», дождался загрузки, опасаясь, что потребуется пароль, но нет, обошлось. На рабочем столе появились обои с Бенджи в щенячьем возрасте и несколько иконок – папка с курсовиком, папка с фотографиями, какая-то игра. Мигнув,

развернулась стартовая страница Хрома. Алена разглядывала собственный ноут рассеянно и немного удивленно, как разглядывают давно утерянную и внезапно найденную любимую игрушку.

– Попробуй зайти в почту? – предложил Георг.

Алена провела кончиками пальцев по клавиатуре, так осторожно, будто боялась обжечься, и тут же убрала руки.

– Нет, нет... Я и пароли не помню. Совсем.

Георг забрал у нее девайс, попробовал сам, но не смог зайти ни в соцсети, ни в почту: система требовала паролей, которых он не знал, а Алена не помнила. Да не станет она даже пытаться – Георг понял это по глазам. Тварюшка боялась ноута, ощущала иррациональный страх, как любая нечисть. Охотник вздохнул, вспомнив про телефон, отыскал его в куче вещей.

– Сможешь ответить, если я позвоню?

Алена задумалась, потом все же кивнула.

– Я... постараюсь.

Вот и все, ничем ноутбук им не поможет. Алена его в руки не возьмет, она заметно успокоилась, когда ноут перекочевал на колени Георга.

– Хочешь, посмотрим фотографии?

Баньши покачала головой.

– Слишком... больно.

Георг едва сдержался, чтобы не прижать к себе хрупкую, испуганную девчонку. Сказал подчеркнуто безразлично:

– Подумал, что это могло пролить свет на твою гибель...

И тут же сам себя отругал. Детектив доморощенный! Чем это ей поможет? Жизнь не вернет... Но Алена вдруг встрепенулась.

– Да, да! Я хочу!

У нее даже щеки порозовели. Георг мысленно выматерился: ну не идиот? Вся сущность баньши, само ее возвращение в мир связано с поиском убийцы. Баньши одержимы этим поиском. А он вот так походя дал ей надежду, скорее всего неосуществимую. Если следствие за год не нашло никаких зацепок, что сделает он – обычный охотник за нечистью?

– Ладно, – угрюмо произнес он. – Давай я посмотрю фотографии. Если что-то покажется подозрительным, спрошу у тебя.

На фотографиях не обнаружилось ничего странного – студенческая жизнь, подружки, смешливые рожицы на селфи, Бенджи, какие-то птички-цветочки. Иногда Геор все-таки задавал вопросы, и Алена честно старалась ответить, морща лоб, но часто помнила слишком мало, путалась в именах и датах.

– Это... Наташа. Нет, Катя. Катя, моя однокурсница. Мы хотели как-то пойти в ночной клуб, мама не пустила.

Баньши не могла сказать, с кем близко дружила, с кем переписывалась. Геор через свой телефон нашел ее профиль ВКонтакте, но и там не обнаружилось ничего интересного. Аленка постила на стену смешные картинки, забавных зверят, цитаты из книг. Последними в ее ленте были сообщения от друзей: «Аленка, найдись!», «Аленушка, мы с тобой». Горящие свечи, оплывающие воском. Плачущие смайлики.

Студентка-первокурсница, молоденькая девочка, такая же, как тысячи других. Даже парня не успела себя завести... Видно, Аленка стала случайной жертвой. С убийцей ее не связывает ни единой ниточки, а значит, отыскать его практически невозможно.

Геор уже хотел было закрыть бесполезный ноутбук, но Алена вдруг тронула его за руку.

– Подожди... – она нахмурилась, силясь вспомнить что-то. – Мне кажется, что я переписывалась с кем-то... Не в соцсети, а через какую-то программу на компьютере. Я вдруг увидела такой значок...

– Какой?

– Паук в паутине. Но сейчас на экране я его не вижу. Непонятно...

Алена не замечала, как пристально смотрит на нее Геор, как изменилось его лицо. Она разглядывала иконки, пытаясь отыскать нужную. Но она ее не найдет...

Геор, сжав челюсти, нажал на клавиатуре несколько клавиш одновременно, и тогда на рабочем столе всплыл значок: черный паук в центре разноцветной паутины. Программа «Тарантул» была создана мастерами-аналитиками для тайной связи между сотрудниками Лиги, ее нельзя было обнаружить.

Каким образом на ноутбуке студентки оказалась программа Лиги? Кто ее установил? Да как, проклятие, это вообще возможно?

– С кем ты переписывалась? – глухо спросил Георг.

Алена, чувствуя неладное, испуганно помотала головой.

– Я не знаю. Я не помню. Честное слово.

Охотник нажал на иконку, и та развернулась в стандартное окошко мессенджера. Вот только все предыдущие диалоги были скрыты: программа требовала пароль.

– Я не помню, – жалобно прошептала Аленка.

Опасливо дотронулась до клавиатуры, набрала в поле для пароля «Бенджи». «Неверный пароль», – невозмутимо сообщила программа.

– Зар-раза! – выругался Георг.

Алена пробовала еще несколько раз, но все оказалось бесполезно. Георг взглянул на часы: пора идти на службу.

– Я заберу ноут с собой. Ты не против?

– Нет.

Алена в последний раз погладила крышку и закрыла почти без сожаления. Георг уже накинул куртку и стоял в дверях, когда вспомнил, что баньши спрашивала о Полозе у прилипалы.

– Он что-то рассказал тебе? Кто этот Полоз? Как его найти?

Алена не отвела взгляд, но что-то неуловимо изменилось в ее лице.

– Он не знает, – тихо ответила она.

– И все?

– И все...

«Врет, – устало думал Георг, спуская по лестнице. – Или нет? Чего-то боится? Мести Полоза?»

Прилипала точно рассказал больше, но Алена не стала делиться с ним информацией. Не доверяет? Хотя с чего бы доверять... Он охотник, враг нечисти. Георг горько усмехнулся, сам не понимая, почему так пусто сделалось на душе.

Из головы все не шел поцелуй. Прохладные губы, свежесть распускающихся листьев... Кто бы мог подумать, что нечисть пахнет чем-то природным, лесным. Прежде-то он с нечистью не целовался...

В прошлый раз охотники успели быстрее, чем это случилось. А ведь тогда бы и первый поцелуй стал для Георга... Чем? Травмой на всю жизнь? Вот только едва ли бы он дожил даже до вечера.

Он вдруг ощутил запах клубники. Ну, привет, давно тебя не было! Запах клубники после того дня долго преследовал его, заставляя сердце колотиться, а легкие судорожно набирать воздух. Потом сгладились, забылось. Возможно, мозгоправы в Лиге все-таки знают свое дело. Запах возвращался в последние годы лишь иногда, на пике опасности, в моменты, когда его жизнь висела на волоске. И вот теперь снова...

...Тринадцатилетний Георг подготовился к встрече. Нарвал цветов на газоне перед домом, не беда, что чахлые голубые соцветия терялись на фоне лопушистых листьев и сорняков. Помыл клубнику и честно пытался очистить ее от хвостиков, но так и оставил. Зато сахаром посыпал. Хорошо, что мама не видела приготовлений, иначе заподозрила бы неладное. Кого ждет в гости сын? Нет, родителям знать совершенно не обязательно. Поэтому Георг открутился от поездки на дачу, сославшись на головную боль. Мама долго трогала его лоб, сосредоточенно хмурясь.

– Ну вот, неужели подцепил какую-то заразу в этом своем лагере?

– Оставь парня, – сказал отец и незаметно за плечом матери подмигнул сыну. – Пусть отдыхает.

А Георг и правда подцепил заразу. Заразу звали Танькой. Та самая Танька – гроза и сорвиголова, гоняющая мальчишек. Ее действительно опасались, да она и была на голову выше низкорослых сверстников – всех, кроме Георга. Она на него тоже как-то налетела, сжав кулаки, но он лишь посмотрел, даже не поднял руки, чтобы защититься, а она вдруг притихла, покраснела и отступила. Потом был медленный танец, и вспотевшие ладони...

И в тот день Георг пригласил Таньку-заразу в гости. Не Таньку уже – Ташу...

Он зашел в отдел алхимиков за порцией бессонника, но оказалось, что здесь его уже ждут Анатолий, пара лаборантов и, как ни удивительно, Стас. Заставили снять рубашку, усадили на стул. Тьфу, пропасть!

– Где это ты так приложился? – нахмурился Анатолий, разглядывая синяки на спине Георга, к утру налившиеся лиловым.

– Поскользнулся, – хмуро ответил тот. – Может, обойдемся сегодня без этого всего?

Георг обвел жестом стол, где уже стояли склянки со снадобьями, плазменную установку, позволяющую видеть ауру, и прочие хитрые механизмы, названия которых он даже не знал.

– Давайте я выпью все, что мне полагается, и пойду.

– Сиди! – прикрикнул Стас. – Проклятие – это не шутки.

Впрочем, Анатолий остался доволен осмотром.

– Проклятие держится на прежнем уровне, не растет. Мы сдерживаем его зельями.

«Ага, – мысленно хмыкнул Георг. – Ага два раза!»

Стас воодушевился. Георг хорошо изучил начальника отдела за годы работы и знал, что торжествующая ухмылочка на его лице появлялась в основном тогда, когда он придумывал для сотрудников особо заковыристые задания.

– Значит, сможет съездить в командировку?

Георг напрягся, но молчал, ожидая развития событий.

– Да, вполне. Выдадим ему с собой запас зелий на несколько дней. А на следующей неделе, как вернется, проведем трансмутацию. Я просмотрел записи за несколько лет – процедура часто приводит к очищению ауры от проклятия.

Начальник отдела подмигнул Георгу:

– Слышал? В командировку надо съездить на пару дней. Не смотри волком, Воронцов, это, считай, не командировка, а уик-энд. Свежий воздух, природа.

Георг молчал, сузив глаза. Только поездок ему сейчас и не хватало.

– А то, что придется работать в выходные – хотя какая эта работа, сплошное удовольствие – оплатим в тройном размере.

Охотник скептически усмехнулся. Сплошное удовольствие, говоришь, ну-ну! Однако, похоже, было не отвертеться.

– Что делать надо, начальник?

– Помнишь житника, которого ты обезвредил? Отдел аналитиков, похоже, установил, с какого поля та солома, а значит, и полевка, по всей видимости, там. Поле у села Черновка, засеяно озимой рожью. Тебе только разведать надо, сам в борьбу не вступай. Выедем втроем на неделе, размажем ее «Поворотом». Так что дуй туда и действуй по обстоятельствам. Не геройствуй только!

Стас скривился, разглядывая синяки на спине Георга, а тот бесстрастно начал натягивать рубашку на голые плечи, стараясь ничем не выдать душевного раздрая. Как же не вовремя эта поездка! Зелья они ему выдадут! Не объяснять же, что снадобья эти ему сейчас как мертвому припарка. Впрочем, бессонника хлебнуть не помешает.

Геор один за другим раскупорил пузырьки, опрокинул в рот. Забрал со стола холщовый мешочек, стеклянно звякнувший в руке. Мозг работал на повышенных оборотах, пытаясь найти выход, но выхода не было.

– Больше некому поехать? – буркнул он.

Стас развел руками.

– Вообще-то твоя недоделка, тебе и ехать. Кто житника устранял и даже не поинтересовался, откуда у ребенка взялась соломенная кукла? Сейчас и отправляйся, как раз к вечеру доберешься. Да ладно тебе, Гоша, это не командировка, а подарок. Выспишься, деревенской сметанки поешь.

Да, деревенской сметанки... А Аленка в это время будет от голода погибать.

В отделе обнаружился Витек, корпел над документами. Протянул руку для рукопожатия и тут же вернулся к бумагам.

– Слышал, тебя в Черновку отправляют. Завидую! Я бы и сам съездил...

«И съезди!» – хотел предложить Геор, но не успел.

– Да только дел накопилось, никак не разгребу! – закончил мысль Витек.

– А что, Стас уже всем сообщил о моей поездке?

Витек молчал пару секунд.

– Да нет, просто случайно услышал.

Перед уходом Геор завернул в отдел к мастерам-аналитикам и прямой наводкой отправился к Степе. Из-за давней вражды охотников и аналитиков – хотя никто из них точно не мог сказать, чего не поделили между собой мастера, – с просьбами следовало подходить с оглядкой, не абы к кому. Степа был сух и педантичен, а иногда въедлив до зубовного скрежета, но для дела, с которым собирался обратиться к нему Геор, это было скорее достоинством, чем недостатком. К тому же мастер-аналитик был нелюбопытен и не задавал лишних вопросов.

Геор поставил перед ним на стол красный ноутбук. Степа на мгновение отвел взгляд от экрана, где на карте мигали алым, зеленым и желтым маячки на нечисть.

– Что это?

– На ноутбуке гражданского лица обнаружилась программа «Тарантул». – Удобно, что со Степой не надо вдаваться в

подробности. – Можешь узнать, кто из наших ее установил?

Степа закатил глаза, за мимикой немногословного мастера-аналитика легко читалось: «Охотники, кто же еще! Стоило спрашивать!»

– Программа стандартная, – вслух сказал он, – так что имя я тебе не назову.

– А пароль для входа подобрать сможешь?

Степа посмотрел в упор.

– Быстро не обещаю, у меня и своих дел полно.

– Я в долгу не останусь.

– Ой, иди уже, – отмахнулся мастер-аналитик. – От вас, охотников, снега зимой не допросишься. Сделаю, что смогу.

Осталось последнее дело. Геор вынул из кармана телефон. Вчера он забил в память новый контакт, долго думал, как назвать. Тварюшка? Баньши?

На экране высветилось «Алена», раздались длинные гудки. Один, другой, третий... Геор ясно представлял себе, как тварюшка стоит в нерешительности у призывно звонящего смартфона, как протягивает руку, а потом отдергивает ее. «Ответь же, ответь!» – мысленно приказывал он.

– Да? – раздался в трубке далекий испуганный голос. – Это ты?

– Это я! Алена...

– Что?

Он уже тысячи вариантов прокрутил у себя в голове до того, как набрал номер. Накормить Алену как следует и пусть ждет. А если будет мало? Баньши насытится, если полностью выпьет человека, а так это капли для нее. Ничего, пусть поголодает? Геор вспомнил бледное личико с кругами под глазами и откинул эту идею...

Оставить ключи, чтобы Аленка могла выйти?.. И он тут же покрылся испариной от ужаса. Ты что, охотник, последних мозгов лишился – выпустить нечисть на охоту?

Значит, при всей абсурдности замысла, это был единственный выход.

– Алена, в шкафу на нижней полке стоит черный рюкзак. Выбери вещи, которые возьмешь с собой. Джинсы, пару футболок, много не бери. Будь готова, я приду через несколько минут. Мы едем в деревню...

Геор сам поразился, как нелепо прозвучало сказанное. Он готов был к возражениям, к вопросам, но в ответ услышал только тихое:

– Хорошо.

«Ничего, – думал он. – Даже неплохо – выходные на природе. Алена воздухом подышит... Я разведу лежбище полевки. Что может случиться?»

Алена ждала его полностью собранная. Оделась, как и просил Георг, просто: свитерок, джинсы, ветровка, балетки. Георг покачал головой: эх, надо было купить кроссовки, но теперь уже поздно. Ладно, погода вроде стоит сухая, на выходные хватит и такой обуви.

У ног банши лежал черный рюкзак, почти пустой. Охотник добавил несколько своих вещей, в том числе холщовый мешочек с зельями. В ножнах под брюками закрепил кинжал. Полную экипировку он оставил в Лиге. Одному ему с полевкой все равно не справиться, а так и искушения не будет. У него задача – разведать и вернуться.

– Идем.

Алена шла рядом, стараясь не отставать. Впрочем, бежать ей не пришлось: Георг подстраивался под ее маленькие шаги. Она молчала всю дорогу, лишь когда сели в электричку, решила спросить:

– Зачем нам в деревню?

Скрывать не было смысла, поэтому Георг рассказал в двух словах о командировке, о полевке и о том, что им придется пробыть в Черновке все выходные. Ничего не стал говорить о том, что не смог Алену оставить в квартире погибать от голода, но она, кажется, поняла и так. Придвинулась, прижалась боком к Георгу, а он снова подумал, какая же она худенькая и хрупкая.

– Голодная? – спросил хрипло.

– Я... потерплю.

– Вот еще, глупости, – Георг специально говорил грубо. – Как раз время есть.

И улыбнулся собственному невольному каламбуру, и Алена тоже поняла шутку, хихикнула.

– Я немножко...

Устроилась щекой на его плече, вздохнула. Нечисть могла поглощать жизненную силу и на расстоянии, но прикосновения все упрощали. Георг почувствовал сонливость, будто действие бессонника внезапно ослабло. Вагон электрички мерно раскачивался, скрипел, нагоняя дрему. Ехать еще три часа, почему бы не отдохнуть...

Когда открыл глаза, рывком подняв голову, по громкой связи объявляли станцию «Березняки». Березняки, вот как! Осталось ехать меньше получаса. Ничего себе его вырубил... Где Алена?!

Он дико осмотрелся и увидел, что девчонка сидит напротив и, оперев голову на ладонь, задумчиво глядит в окно. За окном плыли поля, перелески, проселочные дороги... У закрытого шлагбаума сидел в телеге, запряженной лошадью, мужичок в телогрейке. Выезжая из города, Геор каждый раз удивлялся тому, что в деревушках мало что изменилось с прошлого века, и потому особенно забавно было видеть бревенчатые избенки, серенькие, покосившиеся от старости, однако с антеннами для приема спутникового телевидения.

Вышли на следующей станции. На платформе не оказалось ни вокзала, ни будочки, вообще никаких строений. За платформой начиналась грунтовая дорога, которая терялась между деревьями и предположительно вела в Черновку. Геор поправил лямки рюкзака и кивнул Алене, пропуская перед собой. Алена устремилась было вперед, но с каждым шагом шла все медленнее, оглядывалась с радостным удивлением, а то и наклонялась, чтобы рассмотреть какой-нибудь невзрачный первоцвет.

– Сфотографируй, пожалуйста!

Геор сжимал челюсти и фотографировал. Девчонка же еще совсем, ладно, не торопятся, до вечера далеко... Потом и сам незаметно увлекся и, чувствуя себя следопытом, указывал спутнице то на следы в примятой траве, то на усики земляники. Углядел маленький дубок, проросший из желудя, и пока настраивал камеру, ища удачный ракурс, Алена пустилась в охоту за капустницей. Последние дни выдались теплыми, и за городом появились первые бабочки, еще сонные и растерянные.

Геор с улыбкой наблюдал, как Алена крадется к ней, выставив ладонь.

– Иди ко мне, маленькая, иди...

Ага, уже летит, бежит сломя голову! Сейчас увидит тень, вспорхнет – и одно воспоминание останется. Но бабочка вдруг, удивительное дело, послушно, будто действительно услышала зов, взмахнула крылышками и приземлилась на ладонь Алены.

– Ой! – воскликнула та.

Да и Георг был изумлен не меньше. Это что, получается, вся нечисть так умеет? У них с природой какая-то особая связь? Или это только случайность?

Баньши подула на капустницу, отправляя в полет. Отряхнула ладони от пылицы, посмотрела на солнце.

– Мы идем или нет? – спросила деловито.

Черновка, как Георг и предполагал, оказалась совсем небольшой деревушкой, устроенной как все остальные, подобные ей. В центре площадь с домом культуры и зданием администрации, несколько пятиэтажных домов. Заасфальтирован был только этот пятачок да еще дорога, ведущая к автобусной остановке. На площади по утрам устраивали торговлю, но в это время ряды пустовали: торговцы разошлись, осталась лишь женщина, продающая пирожки. Она с любопытством разглядывала новые лица.

– Куда мы сейчас? – шепотом спросила Алена.

– В администрацию. Обычно там есть наготове пара комнат, где можно переночевать...

– И как ты объяснишь? Они знают про Лигу?

– Какая Лига, – усмехнулся Георг, доставая из нагрудного кармана четверо сложенный лист. – Я сотрудник сельскохозяйственного НИИ, пишу диссертацию о почвах!

Женщина с пирожками старательно делала вид, что не подслушивает, но тут не выдержала.

– Молодые люди! Молодые люди! Я краем уха ваш разговор зацепила, извиняйте... Так вам комната нужна? Я сдаю как раз! Недорого и уютно. Заселят вас в клоповник какой, потом не жалуйтесь! А у меня и молочко свое, и сметанка. Девчулю откормим, а то бледненькая какая, одни глаза!

Георг подозрительно прищурился, пытаясь почувствовать неладное. Но нет, обычная тетка, с притухшей жизненной силой. Посмотрел на Алену, та пожала плечами: мол, мне все равно, можно и у нее остановиться. Георг посмотрел еще более выразительно, тогда только тварюшка сообразила, прикусила губу, покачала головой: нет, я ее не трону.

– Это как выдохшийся квас пить после вина... – обиженно пробормотала она.

– Я, значит, вино? – усмехнулся Георг.

Алена улыбнулась:

– Лучше!

Женщина быстро сложила пирожки в корзинку, укрыла газетой и повела за собой. Асфальтовая дорога скоро закончилась, по бокам потянулись приземистые частные домики, огородики за изгородями.

Георг оглядывался, стараясь запомнить все: пригодится. Наметанный взгляд охотника подмечал странное: из домов выходили люди и провожали приезжих долгими взглядами. Но Георг объяснил это тем, что гости посещали Черновку нечасто, а людям всегда свойственно любопытство.

– Располагайтесь!

«Недорогая и уютная» комната больше напоминала чулан, пахнувший сыростью. Единственное крошечное окошко под потолком едва пропускало свет. Кровать тоже была единственная, правда, широкая, пышная, с горкой подушек и венчающей их кружевной салфеткой.

– Вы предлагаете нам с коллегой ночевать на одной кровати? – хмуро поинтересовался Георг.

Хозяйка удивленно всплеснула руками.

– Ой, а я думала... А и ладно! Сейчас я матрасик принесу!

Сказано – сделано. С чердака явился тощий тюфяк, плюхнулся блином на пол. Алена потянула Георга за рукав.

– Ты зачем? – прошептала она едва слышно. – Я ведь не сплю.

Георг, признаться, совершенно об этом забыл.

– Нечего!.. – проворчал он мрачно, но объяснять не стал.

До вечера оставалось время, поэтому Георг решил побродить по округе, разведать, в какой стороне поле, засеянное озимой рожью. Судя по карте, которую отдел аналитиков перед отъездом скинул ему на телефон, до поля путь не самый близкий, а с Аленой не меньше часа придется добираться. Бросать ее одну в незнакомом доме охотник не решался и даже сам не понимал, за кого волнуется больше – за дородную хозяйку или за худенькую тварюшку.

Торговка пирожками окликнула гостей, когда те были уже у порога.

– А давайте-ка молочка! Вот молочка вам налила!

Георг сдержанно поблагодарил и утянул за собой Алену, которая, смущаясь напором хозяйки, уже собиралась пригубить молока.

Пахло нагретой солнцем травой, молодыми листьями. Пахло и навозом, куда без этого. Но когда вышли за околицу, воздух сделался чист и свеж, точно ручей. Пошли не торопясь. Георг так давно не проводил время на природе, что в эту секунду был почти рад бесполезной, казалось бы, командировке. Сорвал травинку, сунул в рот, ощутил на языке горьковатый сок. Краем глаза заметил, что на балетки Алены налипли комья грязи: земля за городом оказалась жирная, влажная. Алена молчала, не возмущалась, а впрочем, будто и не замечала неудобства. Вздохнув про себя, Георг подумал, что на ночь надо будет почистить ей обувь, а потом все же прикупить кроссовки, вся весна впереди.

По обе стороны от грунтовой дороги чернели вспаханные поля, и лишь вдалеке изумрудной зеленью горели озимые всходы. Рожь уже подросла, поднялась. Если полевка действительно здесь, то обнаружить ее будет легко по лежкам – пятнам побуревших, высохших стеблей. Но дело подождет до завтра.

Вернулись в сумерках. Хозяйка ушла в свою комнату, оставив для постояльцев на столе пироги, укрытые полотенцем, и молоко в кувшине. Георг сжевал несколько пирогов с картошкой.

– Одно плохо, – пожаловался он Алене. – Мяса нет!

Вместо молока запил водой – деревянная кадушка с плавающим поверху ковшом стояла тут же, на скамейке. Геор с детства не выносил молока.

Запах плесени в комнате к вечеру усилился, по полу тянуло холодом. Геор с неудовольствием посмотрел на босые ноги Алены, но потом вспомнил, что сероглазая девчонка рядом с ним – нечисть и простуда ей не грозит. Самое страшное, что с ней могло произойти, уже произошло. Разозлился на себя за странные мысли, разметал подушки и прямо в брюках рухнул поверх одеяла, собранного из лоскутков.

Он бодрствовал уже больше суток и потому провалился в сон, едва прилег. Открыл глаза в кромешной темноте – сквозь забытие он слышал шаги, скрип половиц, но чутье охотника молчало, а значит, и Геор не стал раздумывать над тем, с чего бы хозяйке приспичило бродить ночью у двери гостевой спальни.

Приподнялся на локте, отыскивая взглядом баньши. Тварюшка лежала на тонком матрасике, поджав ноги и обхватив колени.

– Немножко холодно, – объяснила она, заметив, что Геор на нее смотрит. – Я когда в парке очнулась... Ну, тогда... Тоже было очень холодно, а я босая. Но я ходила и бегала, на месте не стояла – сразу легче становилось. А тут не попрыгаешь ведь, и книги нет, чтобы отвлечься... Я тебя разбудила?

Раньше охотник никогда не задумывался, что нечисть чувствует тепло и холод, прикосновения и боль... Признаться, он бы отлично и дальше жил без этого знания, но теперь забыть об этом уже не получалось.

Геор встал, сдернул с кровати одеяло, завернул в него Алenu и поднял на руки. Баньши казалась невесомой, будто перышко, он почти не ощущал ее вес. Бурча под нос что-то о тварюшках, которые не могут по-человечески сказать о том, что на полу им неуютно, плюхнул на кровать и притиснул поближе к стене, лег рядом, повернувшись спиной.

– Зачем ты... это все? – тихо спросила она, когда охотник уже снова начал соскальзывать в сон.

– Да фиг знает, – честно сознался тот.

Когда проснулся окончательно, за тусклым пыльным оконцем уже посветлело, хотя в комнатухе сохранялась полутьма, нагоняющая

дремоту. Геор потянулся за телефоном, уверенный, что еще раннее утро, и тут же вскочил на ноги: часы на дисплее сообщали о том, что уже одиннадцатый час.

Алены рядом не было. Он метнулся в соседнюю комнату, взгляд его, должно быть, показался хозяйке безумным, потому что она, увидев постояльца, отпрянула. Выскочил в прихожую – у двери стояли его заляпанные грязью берцы, а балетки исчезли.

– Где Алена? – рявкнул он, возвращаясь в зал.

Женщина взвизгнула и отступила, оставив между собой и Геором стол как преграду. Глаза ее бегали.

– А что? Что случилось-то? Покушайте пирожков! И молочка... Почему молочко не пьете-то? Парное, сладкое...

Геор несколько секунд боролся с искушением отшвырнуть стол и крепко взять хозяйку за плечи. Какие пирожки! Какое – проклятье! – молочко!

– Где Алена? – голос, казалось бы, спокойный, не предвещал ничего хорошего.

Женщина прижала к груди руку.

– Да какой вы нервный... Подружка ваша... Ой, извиняйте, коллега, прогуляться пошла. Встала рано, маялась, маялась, а я и говорю – идите на улицу, чего дома сидеть.

Геор выругался и принялся торопливо натягивать ботинки. С одной стороны, он был уверен в Алене: она не станет пить жизненную силу жителей Черновки. А с другой... Нечисть – она и есть нечисть...

– Куда пошла? – рыкнул от порога.

– Ой, да не знаю... У нас тут достопримечательностей-то не особо. Может, к старому колодцу.

Дорогу к колодцу ему указал соседский мальчишка, с интересом посверкивающий глазами из-за сетки-рабицы, огораживающей участок. Ну как указал – махнул рукой и добавил: «А потом налево». Геор еще долго чувствовал затылком его взгляд.

То, что колодец именно тот, что нужен, Геор понял издалека. Ожидал увидеть разохшуюся развалину, но колодец выглядел так, словно сошел со страниц сказки, – сложенный из золотистых бревен, с добротной крышей, крытой глиняной черепицей. На бортике стояло

жестяное ведро, а из ведерка, наклонившись, пила Алена. Сделала глоток, другой, распрямилась, отвела со лба волосы тыльной стороной ладони. Ее лицо казалось свежим и нежным, на щеках проступил румянец.

Рядом с Аленой стояла другая девушка. Несмотря на прохладную весеннюю погоду, незнакомка нарядилась в яркий сарафан – по желтому полю синие цветы. На шее висело ожерелье из алых бусин, издалика напоминающих ягоды шиповника. Распущенные волосы лились пшеничной волной.

Она что-то негромко сказала Алене, и та, подумав, медленно покачала головой. Тогда девушка рассмеялась в ответ, сверкнув белыми зубами. Отыскала взглядом Геора, насмешливо кивнула и, гордо вздернув подборок, пошла прочь.

Надо бы на всякий случай узнать, как у красотки обстоят дела с жизненной энергией... Но охотник опомнился слишком поздно: незнакомка зашла за колодец, и вода, разделившая их, сделала проверку невозможной.

Когда Георг приблизился к колодцу, девушка уже скрылась из виду. Алена молчала, а Георг злился, хотя причины для этого не было. Прогулялась девчонка, ничего дурного не сделала, не возле него ведь ей было сидеть, сон караулить.

– В следующий раз предупреди, если захочешь прогуляться, – проворчал он.

– А можно? – обрадовалась Алена.

При появлении Георга она опустила взгляд, а теперь воспрянула духом. Георг подумал и покачал головой.

– Лучше не надо.

Часть Георга считала, что не случится беды, если Алена подышит свежим воздухом, но охотник за нечистью с этим был категорически не согласен. Баньши должна оставаться на глазах.

– С кем разговаривала? – спросил он уже вполне миролюбиво.

Алена пожала плечом, глядя куда-то вбок. Видно, обижалась, что не разрешил выходить одной.

– Живет здесь, – ответила она неопределенно.

Георг не стал настаивать, он чувствовал себя немного виноватым за то, что так строг с тварюшкой. Да и не до праздных разговоров сейчас, почти полдня прошло, а еще до места час добираться, не говоря уже о том, что на поиск лёжек может уйти уйма времени.

На поле пришли, когда солнце стояло уже высоко над головой, припекало почти по-летнему. Георг расстегнул воротник, закатал рукава рубашки. Алена выскользнула из балеток, встала босыми ногами на теплую землю, зажмурилась от удовольствия, точно котенок.

– Идем, – грубовато окликнул ее Георг.

Повсюду, насколько хватало глаз, расстилалось зеленое море ржи, под порывами ветерка оно покрывалось рябью, атласные листочки сияли. Непросто будет отыскать здесь лёжки полевки, а ведь важно еще найти самую недавнюю.

Георг вынул кинжал. Едва ли нечисть в открытую сунется, скорее всего, она затаилась сейчас, но пусть оружие будет под рукой. Аленка покосилась на серебро, невольно отошла и побрела за Георгом на

расстоянии нескольких шагов. Сегодня тварюшка была как никогда задумчива, за бабочками не гонялась и листочками не любовалась. Но раз уж волей случая оказалась рядом, то пусть помогает.

– Алена, мы ищем места на поле, такие небольшие круги, где всходы ниже, или завяли, или даже высохли.

Они пошли параллельно, в паре метров друг от друга. Георг рассчитал, что таким способом они исследуют все поле и, может быть, если повезет, обнаружат лежки уже сегодня.

Он шел не торопясь, вглядываясь в каждый росток. Иногда, когда что-то казалось подозрительным, присаживался на корточки, крошил землю в ладони, пропуская крупинки сквозь пальцы, пытаясь уловить мельчайшие отголоски темной энергии.

Первую лежку нашла Алена. Встала как вкопанная и не двигалась, пока Георг, уже ушедший далеко вперед, не заметил и не вернулся.

Лежка полевки выглядела в точности как на иллюстрации в классификаторе: поникшие и пожелтевшие всходы росли на небольшом участке, диаметром около полутора метров. Георг положил руку на почву – в ладонь толкнулся отголосок силы древней, смертельно опасной нечисти.

«Полёвка. Нечисть первого класса. Выглядит как прелестная юная девушка. Изначально не имеет плоти, ее тело – это земля и растения, покрытые иллюзией настолько мощной, что любой, кто дотронулся до полёвки, поклянется в её «человечности». Питается как жизненной энергией, так и живой плотью. Темная энергия может переходить в солому, взятую с поля, рождая житника. Псевдоразумна».

О встрече с полевкой любил рассказывать Старый Дон, в молодости он столкнулся с одной из этих тварей, едва выжил, а потому изучил все, что было известно об этом виде нечисти.

Полёвка жила на поле, но могла ненадолго отдаляться от места своего обиталища, однако покидала его не больше чем на несколько часов, а потом ее с неодолимой силой влекло назад.

Казалось бы, она не опасна для человека до тех пор, пока тот не зайдет на поле, но нет. Коварная нечисть умела подчинять себе людей. Чаще всего мужчин, но и женщины попадали под очарование твари. Задурманенные люди приводили на поле жертв для полевки. Сначала полевка выпивала жизненную энергию несчастных, а затем утягивала

тело под землю, где от него в конце концов оставались лишь обглоданные добела кости...

– Лежка старая, – с неудовольствием признал Геор. – Пустует несколько дней.

Действительно, ростки ржи уже распрямлялись, снова налились соком, сквозь почву пробивались травинки, а по комьям земли бесстрашно карабкались муравья. Не то. Придется искать дальше.

До того как солнце стало клониться к горизонту, обошли бóльшую часть поля. Геор, махнув рукой на приличия, – да кто его здесь вообще видит – снял рубашку и закрутил вокруг головы на манер чалмы, пот катился по спине, кожу щипало от пыльцы. Аленка будто и вовсе не устала, только сняла ветровку и обвязала вокруг пояса. За это время нашли еще несколько старых лежек, и как ни хотелось Георю покончить с делом сегодня, видно, придется возвращаться завтра с утра: в сумерках бродить бесполезно.

Он почти прошел мимо: так вымотался, что бездумно скользнул взглядом по поникшим стебелькам ржи, и вдруг застыл, точно наткнулся на стену. Лежка была совсем новая, возможно, появилась только сегодня, потому и ростки не успели побуреть. Но над землей поднималось видимое лишь взгляду охотника темное марево. Здесь! Геор стиснул рукоятку кинжала, а потом заметил, как обеспокоенно смотрит на него Алена.

– Не волнуйся, я с ней сейчас сражаться не буду. Запру, и вернемся с парнями на следующей неделе, прикончим.

– Как запрешь? – прошептала она.

– А так!

Геор со всего размаха по рукоять всадил серебряный кинжал в центр облюбованного нечистью участка.

– Теперь не сможет выйти.

Геор впервые за долгий день расслабился, повел плечами, чувствуя, как ноют мышцы: оказывается, все это время он был в напряжении. Теперь можно и отдохнуть! Вытерся рубашкой, все равно в рюкзаке есть запасная.

Алена робко стояла поодаль. Пепельная коса растрепалась, так и хотелось провести по волосам, пригладить, приласкать, как котенка.

Личико стало еще бледнее, чем всегда. Обычная девчонка подрумянилась бы на весеннем солнышке, покраснелась от ветра... Смотрела Алена настороженно.

– Не бойся, не бойся.

Геор поднял ладони, показывая, что кинжала у него больше нет, а значит, и опасаться тварюшке нечего.

– Ну что ты?

Захотелось затормозить ее, вернуть на бледное личико тихую, нежную улыбку. Схватить в охапку, расшевелить, защекотать. Нет, вряд ли она щекотки боится. Подуть теплым воздухом на макушку. Интересно, волосы Аленки тоже пахнут лесом и листьями?..

– Устала?

Какая она молчаливая сегодня. Может быть, нельзя баньши целый день на солнце? Может, голодная?

– Ну пойдем уже, Аленушка.

Осторожно взял за руку – какая у нее тонкая, узкая ладошка – повел за собой.

На столе стоял ужин – пирожки, вареная картошка и яйца. Геор стало неловко за свою несдержанность: на месте хозяйки он бы таким нервным постояльцам и воды не предложил, она же снова накрыла стол.

Кстати о воде. Кадушка оказалась пуста, а пить после дня, проведенного на солнце, хотелось невероятно. Правда, на столе снова ожидал запотевший кувшин с молоком, прохладный, видно, вынутый из подпола. Геор не любил молока, но пироги застревали в горле, да и картошка, и яйца были, как назло, суховаты. Он решил, что позже сам сходит за водой, а пока опорожнит кувшин. Так и сытнее.

Геор уже приступил к трапезе, а Алена задержалась на крыльце: отскребала подошвы балеток о ступеньку. Молоко действительно было вкусным, невероятно сладким, будто в нем растворили сахар. Но кто бы стал заниматься такой ерундой? Одним махом он проглотил половину кувшина.

Ударилась о стену распахнувшаяся дверь, а следом раздался испуганный голос тварюшки:

– Не пей! Нет!

«Почему?» – хотел спросить Геор, но речь вдруг отказала. Язык сделался неповоротливым, голова отяжелела. Охотник покачнулся,

оперся руками о стол. Комната плыла, уходила из-под ног. Последнее, что он увидел, огромные серые глаза баньши – испуганные и виноватые.

– Тащи, тяни! Здоровый какой бугай! – раздавались незнакомые мужские голоса.

Что бы там ни подмешали в молоко, этого вещества было недостаточно, чтобы полностью вырубить Геора. Он был обездвижен, но все еще находился в сознании, слышал все, что происходит вокруг. И это было еще хуже, потому что он никак не мог повлиять на события.

Он чувствовал, как его перекатали на ткань, расстеленную на полу, как потом подняли, взявшись за углы.

– А девчонка-то что? – суетливо бормотала хозяйка. – Напоить?

Геор заскрипел зубами. Алена! Ее голоса он не слышал. Перепугалась, наверное, и ведь не догадается, не решится кричать. А вопль баньши сейчас именно то, что нужно!

– Сама пойдет, – пропыхтел над ухом житель деревни, один из тех, кто тащил Геора. – Куда денется! Руки только свяжите!

Геор замотал головой, пытаясь стряхнуть с себя дурман, но это привело лишь к тому, что его схватили за волосы, запрокинули голову и влили в рот оставшееся молоко. Сладкая дрянь потекла по лицу, залила рубашку, но все-таки и в горло попало довольно, чтобы на время погрузить Геора в тяжелую дрему.

Он очнулся в телеге. Разглядел сквозь щелки глаз дощатые борта. Телега подпрыгивала на камнях и ухабах, и Геора подбрасывало после каждого толчка.

Он с трудом приподнял голову, с тревогой осмотрелся и увидел Алену, съежившуюся комочком в углу. «Кричи! – хотел сказать он. – Кричи, девочка!» Но с губ сорвался только нечленораздельный стон. Алена вздрогнула и погладила его по руке.

Телега катилась медленно, так, чтобы жители деревни, шедшие следом, не отставали. Многие несли в руках факелы, на лицах застыло торжественное выражение, будто на похоронах. Геора накрыло чувство нереальности происходящего. Хотя он знал, конечно, сразу понял, во что они вляпались. Полевка, видно, появилась не только что, может быть, не первый год обитает в этих местах, вот и подчинила всех от

мала до велика. А они с Аленой теперь предназначены в жертву. Вот так просто. Просто и невероятно глупо. Как он, охотник с лицензией, оказался так недалёковиден! Как просмотрел явные признаки! Да теперь уже поздно сетовать, надо думать, как выбираться.

Ехали долго, но вот телега перестала трястись, пошла мягко: колеса утонули в ржаных всходах.

– Сюда, сюда, – подсказывала дорогу хозяйка дома.

Знал бы раньше, запихал бы пирожки ей в глотку!

– Точно сюда? – засомневался возница.

– Да-да! Я ее вчера у колодца встретила, она верное место указала.

У колодца! Геор выгнулся дугой, пытаясь заставить ослабевшие мышцы работать. Зар-раза! Полевка! Ушла из-под носа!

– Девчонку зачем-то просила привести...

Алена сжалась при этих словах, исподлобья глянула на Геора.

– Это-то ладно, – оборвал кто-то из толпы. – Девчонку на корм пустит, что тут думать. А что насчет водички? Зарядит на этот год? Пора уже огород поливать. Чем быстрее начнем, тем лучше урожай народится.

– Точно, – подтвердил чей-то недовольный голос. – В прошлом году вон задержались и что – против ведра огурчиков с куста, как в позапрошлом году, только по трети ведра набиралось. Пора уже приступать!

Беседа текла вполне мирно, и казалось, что жители обсуждают самые обычные хозяйственные дела: огороды, огурчики... Никого, похоже, не смущало то, что ради хорошего урожая пришлось заключить сделку с нечистью. Они ей каждую весну новую жертву, она им плодородие.

– Ты бы, Егор, не возмущался, – вновь выступила хозяйка, – еще скажи спасибо, что этих к нам внезапно занесло, сами пожаловали, даже и трудиться не пришлось. В прошлом-то году Сережка с Костей из Березовки какого-то мужичка приволокли. Потом еще полиция приезжала...

– Ох и брыкался! – хохотнул кто-то, видно, тот самый Сережка. – Пришлось мешок на голову напялить, так и везли, сердешного... Сейчас, поди, и косточек не найти.

«Найдем, – угрюмо подумал Геор. – Все косточки найдем!»

Он не допускал даже мысли о том, что будет похоронен рядом с безымянным мужичком.

– Приехали! – гаркнул возница, осаживая лошадь.

Телега дернулась и остановилась, перекосившись набок. Геора тут же уцепили за ноги, потянули, обдирая кожу о доски. Чьи-то грубые руки выдернули Аленку, схватив под мышки, она только пискнула. Геор сжал челюсти. Аленушка, девочка, ну вспомни, кто ты! Кричи, бестолковка, кричи!

Его кинули на землю. Геор узнал место, сегодня он уже бывал здесь – свежая лёжка полевки, над землей плотно стояло темное марево, заметное лишь взгляду охотника. Нечисть здесь, неподалеку, крепко запертая в земле серебряным кинжалом. Вот только жители об этом не знают! Геор усмехнулся: долго им придется ждать свою хозяйку!

– Руки и ноги свяжите ему как следует! – распорядился кто-то. – А то как до дела доходит, откуда только силы берутся! Уж на что мужичонка прошлогодний лядащий был, и тот чуть не убег!

Запястья и щиколотки Геора стянули пластиковыми браслетами, да так крепко, что перекрыли доступ крови – пальцы мгновенно онемели. Но о самочувствии жертв никто, конечно, заботиться не собирался. Алену посадили рядом, ее руки тоже были связаны.

На несколько минут воцарилась тишина. Геор лежал, уткнувшись в землю щекой, и почти не видел, что происходит вокруг, замечал только силуэты, тени в отсветах факелов. Люди ждали, переминаясь с ноги на ногу.

– Что-то долженько она, – пробормотал возница. – Эй, хозяйюшка, мы тебе вкусенького привезли!

Геор едва не расхохотался, представив удивление жителей, когда полевка так и не выйдет на зов. Интересно, что будут делать дальше? Почешут в затылках да отправятся по домам? Лишь бы не решили самовольно прикопать «вкусенькое».

Плохой новостью стало то, что расходиться они, похоже, не собирались. Но была и хорошая: Геор почувствовал, как действие снотворного, или что там подсыпали в молоко, отпускает. Если бы не браслеты, сумел бы подняться на ноги. Речь тоже вернулась.

Он дождался момента, когда жители соберутся в кучку, обсуждая, что делать дальше с пленниками – оставить на поле или возвратиться с ними в деревню, чтобы следующей ночью попробовать повторить жертвоприношение, – и тихо позвал баньши.

– Алена! – она дернулась, услышав голос. – Ш-ш-ш, не смотри на меня... Аленушка, кричи, я разрешаю.

– А ты?..

Не договорила, но Геор понял.

– Я выдержу. Как только разбегутся, развяжешь меня.

– Ты сможешь стоять?

– Да. И сражаться, если придется.

– Хорошо, – кажется, она вздохнула с облегчением. – Держись.

Поднялась во весь рост, набрала воздуха, запрокинула голову... Геору показалось, что его огрели по затылку мешком, полным камней. Из носа, как и в прошлый раз, хлынула кровь. Он изо всех сил стиснул зубы, чтобы не заорать в голос. Зар-раза!

Бегства жителей он не увидел: перед глазами метались вспышки света, а потом навалилась тьма. Пришел в себя не сразу. Сначала прояснилось зрение – Геор разглядел перед самым носом серый комок земли, на вершине которого пробивалась хилая былинка. Потом вернулся слух – ветер шевелил посевы. Был еще звук шагов – кто-то легкий осторожно брел по колосьям ржи, они шуршали, приминаясь под ногами.

– Алена?

Геор усилием воли приподнял тяжелую голову. В темном небе сиял круг полной луны, тускло освещая поле. Никого.

Потом он увидел ее. Аленка стояла в центре лежки. Постояла, постояла и начала стягивать с себя свитерок. Она дрожала то ли от холода, то ли от страха.

– Алена! Что происходит?

Она не оглянулась, лишь закусил губу. Наклонилась, и тогда он понял, зачем баньши сняла одежду: иначе ей было не удержать в руках серебряный кинжал. Но он жег даже сквозь ткань, Алена морщилась и шипела от боли, пока несла его. Прошла несколько шагов, уронила на землю. Вроде и недалеко от Геора, но не дотянуться.

– Она просто хочет поговорить, – жалобно произнесла тварюшка.

Чутье охотника сработало быстрее, чем Геор успел осмыслить происходящее. Сердце заколотилось в груди, разгоняя кровь, волоски встали дыбом, мышцы окаменели. Он готов был драться, вот только оставался беспомощным, связанный по рукам и ногам.

Темная энергия сгустилась, а потом из зеленых ростков, как из омота, показалась сначала голова, затем плечи, а после встала во весь рост прекрасная девушка. Высокая, статная, с волной пшеничных волос до пояса. Конечно, Геор тут же узнал в ней незнакомку, встреченную у колодца. Она смотрела на охотника без тени испуга, так, как смотрят на незваного гостя: с толикой презрения и высокомерия.

Медленно, будто плыла над землей, приблизилась, опустилась на колени, наклонилась над Геором. Бусы на ее шее действительно оказались высушенными ягодами шиповника, они закачались перед самым носом поверженного охотника. На лице полевки появилась улыбка. Так улыбались бы, возможно, кошки, умей они улыбаться, когда к ним в когти попадала хитрая и ловкая мышка.

– Здравствуй, здравствуй, – мелодично протянула она.

Геор понял, что не может отвести взгляд, – любовался прелестной чертовкой. Понял, зажмурился и ударился головой о землю, избавляясь от морока.

– Разве я не нравлюсь тебе? – пропела полевка.

Ласковые пальцы погладили охотника по щеке, их прикосновение напоминало нежное касание листочков, когда ветвь, подхваченная ветром, проводила по коже.

– Пошла пр-рочь! – прорычал Геор.

Выгнулся, пытаясь разорвать путы, но пластик не поддавался. Между тем пальцы уже теряли чувствительность. «Алена, Алена, что же ты натворила!»

– Ты хотела поговорить! – крикнула баньши, голос звучал испуганно.

Полевка рассмеялась, будто ручеек зазвенел.

– Я помню, помню, не бойся, маленькая. Ничего с твоим охотником не случится... Если он меня не вынудит.

Она снова провела ладонью по лицу Геора, по щекам, лбу и губам... мыслить ясно становилось все труднее.

– Посмотри на меня, милый. Посмотри на меня...

Ее голос соблазнял, томил, заставлял все естество Геора рваться наружу к этому чистому, чарующему зову. Не в силах сопротивляться, он открыл глаза.

– У меня к тебе предложение, охотник. Ты оставишь меня в покое, уедешь, расскажешь, что уничтожил полевку. А я затаюсь на время, на год или больше. Мои любимые слуги помогут мне перебраться на другое поле.

Полевка прилегла на землю рядом с Геором и теперь неотрывно смотрела на него. Ее синие глубокие глаза заглядывали, казалось, прямо в душу. «Да, да, – вязко текли мысли охотника. – Это хорошо. Это правильно. Уехать...»

– За это я сниму с тебя проклятие. Больше никто не сможет. Это очень нехорошее проклятие. Оно растет в тебе, пускает корни, прошивает насквозь. Еще немного, и будет слишком поздно.

Проклятие. Геора будто окатило холодной волной. Так вот, значит, как. Сделка. С нечистью. Он скосил глаза на Аленку, которая стояла, прижимая к груди скомканный свитерок. Ну что, благодетельница, довольна? Считаешь, что нашла выход? А что, все верно, если одной нечисти сохранил жизнь, то зачем останавливаться на достигнутом?

– А что потом? – процедил он. – Через год, через два? Ты вернешься и снова потребуешь человеческих жертв?

Полевка лукаво улыбнулась.

– Одна жертва в год. Разве это много? Зато скольких людей я сделаю счастливыми!

Нечисть запустила в волосы Геора пальцы, заставляя того покрыться мурашками.

– И тебя сделаю счастливым... – голос ее журчал, как вода, проникал в самую душу, затапливал потихоньку, погружал в оцепенение. – Согласен? Согласен?

Согласен... Согласен... Шепот мешался с шорохом ветра в ростках ржи. «Да... Да... Согласен...» Одна человеческая жизнь в обмен на другую. Разве это плохо? Разве неправильно? Проклятие

будет снято, Георг вздохнет спокойно. Это ведь так просто – ответить «Да».

– Нет, – глухо сказал охотник. – Нет, никогда, тварь.

Полевка отпрянула и зашипела, зубы ее на мгновение сделались острыми, как иглы. Но самообладание почти сразу вернулось к ней, и нечисть рассмеялась звонко и радостно.

– Что же, нет так нет.

Нечисть провела обеими ладонями по груди Георга, по бедрам, по ногам, он дергался, пытаясь их стряхнуть, но не тут-то было. Потом она цепко обхватила лодыжки охотника, и показалось, что пальцы ее сделаны из гибких, но крепких прутьев. Поволокла за собой с недюжинной силой. Едва ступни Георга пересекли границу лежки, как земля расступилась, властно обволакивая его ноги, – полевка потащила новую жертву в свою нору. И вот уже Георг провалился по колени и опускался все ниже – почва будто превратилась в вязкое болото. Он рычал, иступленно пытаясь разорвать путы.

– Нет! – закричала за спиной Алена. – Нет, ты обещала помочь! Отпусти его!

– Я отпущу тебя. Избавлю от его власти. Уходи. Ты свободна.

Алена ничего не ответила. Вот так... А на что он, собственно, надеялся? Баньши – не человек... Уходи, маленькая тварюшка... Уходи и постарайся остаться в живых...

Когда пластиковый браслет, стягивающий запястья, лопнул, Георг не сразу понял, что произошло. И тут в руку ткнулась рукоять кинжала. Алена с искаженным от боли лицом упала рядом на колени: она схватилась за серебро и, конечно, обожглась, кожа на ладони покрылась язвами.

Кинжал! У него теперь есть кинжал, и руки свободны!

– Отойди! – рявкнул он на Алену.

Перерезать путы на лодыжках было делом одной секунды. Охотник поднялся во весь свой немаленький рост и сразу стал на голову выше полевки. Георг ожидал, что нечисть постарается спрятаться, нырнет в нору, тем более что она стояла в центре лежки, тогда он снова запрет ее, как и хотел сделать с самого начала. Но полевка повела себя иначе, видно, решила, что терять ей нечего.

Она как-то изломалась, лицо посерело, теряя привлекательные черты, зубы заострились, а пальцы удлиннились, стали когтями. Платье – синие цветы на желтом фоне – разлезлось, превращаясь в пятнистую шкуру, полосы повисли патлами. Метаморфоза произошла в мгновение ока, и полевка тут же кинулась на охотника, впиваясь в незащищенное тело когтями и зубами, брызги крови оросили зеленые побеги ржи.

Только в фантастических фильмах схватка между героем и чудовищем могла длиться долгие минуты. Каждый опытный охотник знает, что на самом деле все решают первые секунды. Натренированное тело действовало на рефлексах.

Она повисла на нем, вцепившись зубами в плечо, и била ногами, драла когтями, как разъяренная кошка, и так же выла. Не обращая внимания на боль, Георг схватил тварь за горло, отдирая от себя, отводя на расстояние вытянутой руки, бросил со всего маха о землю, стараясь выкинуть за пределы лежки.

Боковым зрением увидел Алену: она не сводила с него огромных серых глаз и медленно, шаг за шагом, отступала. Но это потом. Это подождет.

Георг прижал полевку своим весом, надавил острием кинжала на горло, а она распласталась под ним, вернув себе девичий облик. Прекрасное лицо исказилось от страха.

– Пощады... – прохрипела она. – Милосердия... Можно ли винить ураган, что он забирает жизни? Можно ли проклинать воду, что она жестока? Твоей власти нет над стихией... И я как стихия... Ветер, вода, земля... Без нас этот мир...

Георг не дал ей договорить.

Подождал, пока тело перестанет биться в конвульсиях, тяжело поднялся, оттер кинжал от следов черной крови пучком травы. Заметил баньши, которая смотрела на его руки, зажимая рот обеими ладонями.

– Алена?

Она помотала головой, точно пыталась стряхнуть наваждение.

– Аленушка?

Она развернулась и побежала по полю прочь. Георг догнал ее почти сразу, упал вместе с ней в мягкие всходы. Алена вырывалась, била по груди маленькими кулачками, попадая по свежим царапинам,

заставляя Геора шипеть сквозь зубы от боли, а потом обмякла в его объятиях.

– Все хорошо, хорошо... Все... Уже все... Не бойся... Я убил нечисть...

– Я тоже... – всхлипнула Алена. – Ведь и я...

У Геора волосы зашевелились на голове: она права. Но все-таки это совсем другое.

– Ты не нечисть, – горячо прошептал он. – Нет, ты не нечисть. Ты живая. Алена. Аленушка...

Геор прижался горячими губами к ее прохладному гладкому лбу. Аленка затихла, только дрожала и тихонько вздыхала.

– Надо уходить, – сказал Геор, когда баньши немного успокоилась. – Сможешь перевязать мне плечо?

Царапины, оставленные когтями, тоже кровоточили, но царапины – ерунда, куда сильнее беспокоила рана на плече. Острые зубы полевки вырвали кусок плоти, кровь текла не переставая, и уже немного лихорадило. Одно хорошо – полевка не ядовита, а значит, антидот не понадобится. В любом случае мешочек с зельями остался в деревне, как и рюкзак с одеждой. Возвращаться нельзя: если жители изначально и были зачарованы нечистью, те времена давно прошли. Сейчас они действовали по доброй воле, поставив собственную выгоду выше человеческой жизни. Но это уже дело мастеров-аналитиков, пусть решают, как поступить с жителями деревни, какие заклятия к ним применять, а Геор свою работу выполнил.

Он рвал рубашку на лоскуты, а Алена, хмурясь, перебинтовывала рану. Хмурилась от того, что кровь проступала сквозь новые и новые слои ткани.

– Больно?

– Ничего.

«Кровью не истеку, и ладно», – мысленно добавил он. Задерживаться нельзя: жители могут вернуться. Придется пешком идти в сторону ближайшей станции и уже там попытаться утром сесть на электричку. Геор мрачно хмыкнул, когда представил, в каком виде они ввалятся в вагон – полуголый мужик с пропитанной кровью повязкой и растрепанная девица. Как бы полицию не вызвали... Хотя, возможно, это лучший вариант.

Через лесок срезали дорогу к железнодорожным путям и пошли вдоль них, стараясь держаться вблизи деревьев. Рана на плече пульсировала, но в целом Геор чувствовал себя сносно: трансмутация, превратившая его в охотника, помогала и здесь. Другой бы на его месте давно свалился от болевого шока и потери крови. Алена, шедшая впереди, переживала, беспокойно оглядывалась, предупреждала о ямах и кочках: она в темноте видела гораздо лучше охотника.

Под утро пошел дождь. Когда первые прохладные капли коснулись кожи Геора, он почувствовал облегчение. Дождь бодрил и придавал сил, но потом вдруг усилился, превратился в настоящий ливень, и даже кроны деревьев не могли удержать потоков воды. Поднялся неистовый ветер, стволы скрипели и стонали, совсем как живые, листья, оторвавшись от ветвей, сыпались на головы вперемешку с кусочками коры. Нужно было где-то укрыться. Алена первая увидела небольшой сарайчик у путей, сколоченный из грубых досок, – довольно шаткое сооружение, но выбирать не приходилось. Дверь оказалась закрыта на висячий замок, но Геор просто вышиб ее вместе с петлями – трухлявое дерево поддалось с одного удара.

Неизвестно, кто и зачем поставил здесь лачугу. Может быть, смотрители или охотники. Внутри обнаружился стол, лавки, на полу валялись тюфяки, укрытые грубыми, зато сухими одеялами. Несколько дней стояла теплая погода, и они не успели напиться сыростью.

Геор накинул на плечи Алены одеяло, в другое укутался сам. Обнял девчонку за худенькие плечики, притянул к себе.

– Устала?

Всю дорогу Аленка была молчалива, но ничего другого он и не ждал: такие переживания... Она подняла личико, показавшееся осунувшимся и бледным, лишь глаза будто сделались еще больше. Покачала головой.

– Замерзла? Голодная?

Она уткнулась лицом в его грудь. Голодная. Маленькая...

– Сейчас, сейчас, подожди... Давай приляжем, а то, боюсь, грохнусь на пол.

Геор старался говорить бодро, главное, не показать ей, как ему тошно.

– Нет, я не буду тебя пить! – запротестовала Алена. – Тебе и так плохо!

Попыталась отстраниться, но Геор видел по глазам, уже научился понимать, что она очень и очень голодна, не ела ведь почти двое суток.

– Один глоточек, – примирительно сказал он и широко улыбнулся: вот, мол, смотри, свеж и полон сил.

– Один глоточек... – прошептала она.

Они легли на тюфяки, набитые соломой. Дождь стучал по крыше, по стенам, он звучал уже не угрожающе, а спокойно, умиротворенно,

обволакивал и усыплял. Пахло сырым деревом, лесом, и от Аленки пахло лесом, молодыми листьями.

Геор зарылся лицом в ее волосы, а Алена устроилась на его здоровом плече, обняла худенькой рукой. Она взяла совсем немного его силы, но Геор, измотанному после бессонной ночи, потерявшему много крови, хватило и этого, чтобы провалиться в беспамятство.

Когда он очнулся, дождь все так же миролюбиво шуршал по крыше. Аленка обнимала его, уткнувшись носом в шею.

– Сколько времени прошло? – хрипло спросил Геор.

– Не знаю... Ты долго спал.

Наверное, уже наступило утро, пора выдвигаться дальше, но так не хотелось выходить под холодный дождь. В скромном их убежище было уютно и тихо, вот бы провести так вечность. Только они вдвоем. А все противоречия сложного и неправильного мира, в котором охотники должны убивать нечисть, а нечисть вынуждена убивать людей, пусть останутся за стенами этого дома.

– Аленька...

Так называла Алену ее мама. Баньши вздрогнула, подняла личико. Тогда он притянул ее к себе, нашел прохладные губы, пахнущие древесным соком. Пальцы утонули в спутанных волосах.

«Я только хочу ее согреть...» – думал Геор.

Его заполняла нежность. Никогда прежде он не ощущал ничего подобного тому, что чувствовал сейчас к этой хрупкой девочке. Он будет очень осторожным... Лишь бы не поранить, не навредить...

Он будто в забытьи видел, какая белая у нее кожа, тонкая, почти прозрачная... Холмики груди... Аленка закрылась, но потом, вздохнув, опустила руки... Доверчиво подалась навстречу, открываясь поцелуям. И в какой-то момент вся одежда стала казаться лишней, мешая прижаться к Алене каждой клеточкой кожи, присвоить ее себе.

Она вздохнула в его объятиях совсем по-человечески и, как любая другая девчонка, обхватила руками за шею. А Геор каждую секунду боялся, что сделает больно, слишком уязвимой казалась Аленка, и, чудилось, стоит ему сжать ее чуть сильнее, она растает в его руках, станет дымкой.

В первые минуты близости она цеплялась за него, как если бы могла утонуть, а Георг был плотом, удерживающим ее на поверхности, тихонько стонала, и охотнику хотелось верить, что от неги, но потом он испугался, что терзает ее, такую нежную. Замер, покрывая поцелуями лицо и плечи.

– Все хорошо? Сладко?

Она несколько раз кивнула: «да, да», откинулась, давая налюбоваться собой. Закусив губу, выгнулась навстречу, щеки порозовели, как если бы Георг делился с ней сейчас жизненной энергией. А может, он и делился, сам того не ведая, а Алена, не зная того, получала силу, купаясь в потоке нежности и любви.

Любви? Георга будто молния прошила, разрывая в локуты душу, потому что это было правдой. Невозможной, неправильной и страшной правдой, но именно в эту секунду он понял наверняка, что любит Алёну. Любит ту, кого должен был не раздумывая уничтожить в первый же день...

– Я люблю тебя, – сказал он и сам удивился, впервые услышав произнесенные вслух слова.

– Я люблю тебя, – эхом отозвалась Алёнка и потерлась щекой о его щеку.

У Геора наступила странная жизнь.

После возвращения из Черновки Стас отправил его домой отлеживаться.

– И раньше четверга не вздумай явиться! – напутствовал он. – Что-то в последнее время неприятности к тебе так и липнут, Воронцов, скоро живого места не останется.

– Проклятие, – лаконично пояснил Геор.

В прежние времена он бы вышел на службу на следующий же день, даже рискуя нарваться на выговор, но сейчас был рад небольшому отпуску. По дороге домой накопил вкусного: красной икры, вина, конфет, и лишь когда вывалил деликатесы на стол и заметил растерянное лицо Алены, вспомнил, что она ничего этого не ест. Улыбнулся, погладил по плечам.

– Ты говорила, что я вкуснее вина? – хитро вывернулся он. – Так что продолжим дегустацию.

Налил себе вина, но и Аленке плеснул на доньшко, сдвинул оба бокала.

– За нас.

Потом смотрели телевизор: Геор впервые за долгое время вспомнил, что он у него есть. Сотни каналов сбивали с толку, Геор щелкал пультом, но они никак не могли выбрать что-то одно.

– Комедию? – спрашивал он, и оба честно пытались вникнуть в хитросплетения сюжета, пока Аленка не махала рукой: давай что-то другое.

В итоге Геор завис на передаче «Между молотом и наковальной», заинтересовавшись изготовлением мечей и ножей. Эх, надо было податься в мастера-оружейники! Может, еще не поздно? Аленка прикорнула, устроив голову у него на коленях, а он гладил и перебирал пушистые пряди.

– Хочешь, переключим? – спохватился он.

– Нет, нет, мне хорошо... так...

Он задремал, облокотившись на стену. Когда открыл глаза, передача на канале уже закончилась, и теперь шла какая-то муть про

кладоискателей. Часы в углу экрана показывали начало первого ночи.

Один день жизни, новой невозможной жизни, прошел. «Что же дальше? Что потом? Это не может продолжаться вечно...» – взметнулись мысли, но Геор разозлился на себя и прогнал их прочь. Они просто проживут следующий день, и еще один, а потом еще... Охотник нащупал и тихонько сжал хрупкое запястье. Никому тебя не отдам!

Аленка от прикосновения пошевелилась, потянулась и хотела было встать, чтобы уйти на кресло, но Геор удержал ее, укутывая в объятия.

– Останься со мной.

– Останусь, – прошептала она.

Геор услышал сквозь дрему, как она вздохнула, тут же очнулся, нашел губами ее губы.

– Что ты? Что? Тебе грустно?

Было темно, и Геор не видел выражения глаз Алены. Она ответила совсем тихо, так что он скорее догадался, чем услышал:

– Наверное, надо тебе знать... Я кое-что вспомнила... Когда я бежала от своего убийцы... Когда была еще жива... Он догнал меня, Геор, и... Я упала на траву...

Алена не смогла договорить, но все и так было понятно. Геора скрутило волной ярости, попадись ему сейчас убийца – разорвал бы голыми руками и заставил бы жрать собственную печеньку.

– Все хорошо, – успокоил он Алену, потому что она замерла, почувствовав, как напряглись его мышцы. – Тебя никто больше не обидит.

Охотник уснул, обнимая баньши, вдыхая запах леса и дождя. Теперь для него она всегда пахла дождем...

Потом наступил следующий день. И было утро, когда они ласкали друг друга. И запах какао на кухне. Потом они дурачились – танцевали на постели, включив музыкальный канал, а когда устали, Геор устроил голову на коленях Алены, и она вслух читала ему книгу.

– Лучше любого фильма, – улыбнулся он, засыпая.

Позже Алена со смехом спрашивала: «Почему лучше? Потому что спать не мешает?»

Вечером выбрались прогуляться. Весь день шел дождь, пахло землей, асфальтом и мокрой травой. Геора пронзила дрожь, и он

покрепче прижал к себе хрупкую Аленку, будто испугался, что она растает.

– Я смогу потом гулять одна? – спросила она. – Ты ведь не всегда будешь рядом.

Этот вопрос действительно волновал ее – Алена даже остановилась, взяла Геора за руку и подняла глаза.

– Решим позже. Зачем сейчас об этом говорить? На работу мне только послезавтра. Да и зачем тебе на улицу? Я всегда принесу все, что нужно...

Алена понурившись побрела вперед, но Геор догнал, схватил в охапку, подул на макушку.

– Не грусти, одуванчик...

– Что еще за одуванчик? – удивилась она.

– Ты такая же пушистая.

И еще один счастливый день подошел к концу. Рана на плече почти затянулась благодаря измененному трансмутацией метаболизму и зельям мастеров-алхимиков. Проклятие тоже почти не давало о себе знать: Алена не позволяла ему разрастаться, чистила ауру.

Правда, коварное проклятие исподтишка подкидывало мелкие неприятности. Один раз Геор поскользнулся на оставленной кем-то обертке от шоколадки и грохнулся на бордюр. Чуть правее – и расшиб бы голову. В другой раз в душевой кабинке внезапно хлынул кипяток, а дверь заклинило, но Геор вынес ее и не успел сильно обвариться. Аленка потом мазала его сметаной, пока он, смеясь, не отобрал баночку.

– Моя очередь!

Она хохотала, увертывалась, но в конце концов оказалась загнана в угол.

– Попалась! – удовлетворенно сказал охотник, чувствуя, как покалывает мышцы от азарта и желания, намазал Аленке сметаной губы и облизал их.

– А что потом? – тихонько спросила баньши, когда они, разомлевшие, лежали в объятиях друг друга. – Ведь так не будет всегда... Если кто-то узнает, что ты меня прячешь...

– Никто не узнает! – отрезал Геор.

Поднялся и ушел в душ. Он злился на себя за то, что, как страус, прятал голову в песок. И хотя установка «Надо просто прожить еще один день» работала, Геор понимал, что их маленький рай слишком уязвим и непрочен...

«Больше никто не причинит ей вреда!» – упрямо думал охотник.

Разве мог он представить, что этим *кем-то* может стать он сам...

Каждое событие того дня, когда всё пошло наперекосяк, по отдельности не было роковым, но все вместе они привели к катастрофе. Хотя с утра ничто ее не предвещало.

Геор торопился утром на службу и забыл на тумбочке у входа ключи. Расслабился, с кем не бывает. Он все не мог расстаться с Аленкой после трех счастливых и безоблачных дней и в коридоре, прощаясь, целовал ее губы и волосы.

Вспомнил о ключах уже на половине дороги, но махнул рукой. Алена знает, что выходить ей опасно, поэтому, конечно, останется дома.

Стас, едва увидев Геора, тут же направил его в отдел алхимиков. Геор закрипел зубами, но делать нечего – опять будут изучать ауру и вместо утреннего кофе потчевать зельями. Оказалось, все намного хуже, чем ожидал охотник.

Вместо Анатолия его встретил парнишка-стажер, сунул под нос журнал.

– Охотник Воронцов? – дождался кивка и ткнул пальцем в строку, где уже была записана фамилия Геора. – Распишитесь. У вас сегодня плановая трансмутация. Вы не ели с утра?

Трансмутация! Зар-раза! Геор совсем про нее забыл, вылетела из головы! Поморщился, представив, как, вернувшись домой, весь вечер пролежит пластом. Не хочется, чтобы Аленка видела его слабость...

– Не ел, – мрачно признался он.

С болезненной процедурой действительно тянуть не стоит, чем быстрее разделается, тем лучше, а позавтракать он на самом деле не успел: не до того было. Он невольно вспомнил порозовевшие щеки Аленушки и улыбнулся. Алхимик взглянул странно – никак не мог взять в толк, с чего бы это охотник так радуется грядущей неприятной манипуляции.

– Проходите в десятую операционную, раздевайтесь. Мастер-алхимик Ромашов сейчас подойдет.

– Сколько у меня времени? Мне надо отойти, вернусь минут через десять-пятнадцать.

Стажер пожал плечами, мол, под вашу ответственность. А Георг вспомнил о мастере-аналитике Степане. Что если он сумел разблокировать программу на ноутбуке Алены? Лучше поговорить сейчас, после трансмутации будет не до того.

Степа, увидев Геора, кивнул, будто давно его ждал. Действительно, ноут Аленки стоял включенным на его столе, поэтому он только развернул его экраном к охотнику. Георг разглядел знакомый интерфейс «Гарантула».

– Взломал? – обрадовался он, пытаясь вчитаться в строчки.

Ничего еще не успел прочитать, удивился только тому, что переписка такая короткая, когда Степа огорошил его:

– Взломал, но не обрадую тебя. Что бы ты здесь ни пытался найти, скорее всего, не найдешь. Кто-то подчистил записи. Все, что я смог вытащить из памяти... Собственно, вот...

Переписку вели двое. У Аленки на аватарке стоял черный котенок, а переписывалась она с неизвестным, чей настоящий облик скрывался за аватаркой с барсом. От диалога остались только выдернутые из контекста предложения без начала и конца. У Геора сделалось кисло на душе: и здесь никакой зацепки.

Но хуже разочарования оказалось странное чувство, когда он читал строчки, которые Аленка присылала своему собеседнику. Он представлял себе темноволосую девушку, что держала ноутбук на коленях, безбоязненно касаясь клавиатуры и улыбаясь во весь рот.

«...конечно, ты ведь такой сильный... Что же работа у тебя такая загадочная, признавайся, нехороший ты человек. Шпиён?»

Геора коробило от этих веселых интонаций, хотя он и понимал, что студентка Алена была обычной юной девочкой, в ее жизни не случилось еще ничего страшного. Почему бы и не пошутить, не подурачиться, подначивая собеседника?

Сохранился только один фрагмент текста, где реплики шли по порядку.

– Много будешь знать, быстро состаришься. – Смеющиеся рожицы. – Надеюсь на скорую встречу, таракашка. Может быть, приду не один.

– Не один? —смайлик с удивленными глазами.

– С коллегой. Ненадолго. У нас там кое-какие дела...

– И опять так загадочно! – смайлик с большими глазами теперь открыл еще и рот. – Значит, завтра? Раз у вас дела, то и я ненадолго. Выйду выгулять Бенджи, а то мама что-то подозревает...

– Какая беспокойная мама у маленькой таракашки. Бывай. Увидимся.

Это была последняя запись. Геор посмотрел на число – 15 августа. На следующий день, 16 августа, Алена погибла.

«Таракашка», – мысленно повторил Геор, и его передернуло. Аленка, ну как ты могла общаться с этим придурком? Бедная моя девочка...

– Больше ничего? – хрипло спросил он.

Степа развел руками.

– Если хочешь, я еще поковыряюсь, но вряд ли нарою что-нибудь.

– Попробуй еще. – Не так-то легко было признать, что единственная ниточка вела в пустоту.

Операционную уже подготовили для трансмутации. Анатолий присоединил системы к флаконам, не хватало только Геора. Под пристальными взглядами мастера-алхимика и стажера охотник разделся, улегся на прохладную липнущую к телу клеенку. После самой первой процедуры, когда молодой подмастерье с трудом сдерживал ужас, миновало два года. Страх не осталось, была только досада, что заново придется пережить головную боль, когда перед глазами все плывет, судороги в мышцах и слабость – неизменные побочные эффекты трансмутации.

Зато сразу после нее обострялось чутье охотника, и Анатолий, видно, надеялся, что получится избавиться и от проклятия.

– Я в этот раз добавил чуть больше антива, – объяснял он, между делом протирая участки кожи спиртом, а следом уверенно и ловко вставляя иглы. – Еще включил болтушку собственного изобретения. Может, потрясет немного.

Он продемонстрировал Геору небольшой флакон с темно-красной жидкостью, тот безразлично кивнул: в зельях он все равно ничего не понимал. Вряд ли мастер-алхимик хочет его убить, и на том спасибо.

Зелья уже начали поступать в кровь охотника и он, как всегда, почувствовал сонливость. Следом, он знал, придет жар, потом озноб.

Под конец процедуры его станет трясти так, что придется вкалывать средство, расслабляющее мышцы. Трансмутация длилась всего пару часов, но Георю иногда казалось, что вечность.

«Сегодня увижусь с Аленкой пораньше!» – думал он, и эта мысль успокаивала и придавала сил.

– Эй! – Георг очнулся от того, что Анатолий похлопал его по щекам. – Все, Гоша. Все. Молодцом. Я уже проклятие глянул... Пока непонятно. Вроде и нет, а вроде и осталась небольшая червоточина. Или глаз у меня уже замылился. Завтра повнимательнее посмотрим. Отлежись немного и ступай домой.

Георг открыл глаза и, как это обычно бывает после трансмутации, увидел мир куда более объемным и ярким, чем два часа назад. Аура Анатолия горела радужным пузырем, до слуха Геора доносились мельчайшие звуки, и тут же развернулось в полную силу чутье, а мышцы мгновенно напряглись, среагировав на нечисть, хотя отголосок темной энергии был слабым, остаточным и доносился из подвала мастеров-дознавателей.

У дверей Георг по привычке полез в карман за ключами, когда вспомнил, что оставил их дома. Нажал на кнопку звонка. Это было непривычно – даже не то, что он позвонил в собственную квартиру, а то, что там его кто-то ждет. Улыбнулся, представив глаза Аленки: вот удивится, наверное. Обрадуется.

Дверь никто не открыл. Георг подумал было, что звонок неисправен, ведь им давно не пользовались. Нажал еще раз, прижав ухо к двери, и услышал, как внутри квартиры переливается птичья трель. Подергал ручку – заперто.

Все еще не веря, что Аленка могла уйти без разрешения, громко постучал и подождал несколько минут. Может быть, она в душе. Тишина.

Георг сел на корточки, прислонившись к стене: ноги не держали. Перед глазами вспыхивали и гасли алые пятна. Как же херово после этой дряни!

И вдруг взметнулось чутье охотника, ударило по нервам. Георга как пружиной подбросило вверх, руки сами собой сжались в кулаки. «Нечисть, приближается нечисть!» В носшибанул запах клубники. Проклятие! Георг едва удержался, чтобы его не вывернуло наизнанку. Никогда воображаемый запах не был еще таким ярким!

А потом на площадку третьего этажа шагнула Аленка. Шла, напевала, позвякивая ключами. Ветровка нараспашку, коса распушилась от ветра. Она несла пластиковый контейнер с клубникой, аккуратно держала в руке, чтобы не помять или не рассыпать. В такое время года клубника редкость, но в любом супермаркете можно найти ее даже сейчас.

От Аленки пахло нечистью. И клубникой. Нестерпимо, тошно. А она увидела Геора и улыбнулась, заправила локон за ухо.

– Что это? — охотник указал подбородком на контейнер.

– Купила для тебя, — весело сказала она, еще не разглядев ярости Геора.

– Зачем? — процедил он сквозь зубы.

Алена что-то почувствовала, вскинула взгляд, торопливо начала объяснять:

– Помнишь, ты уснул в сарайчике у путей? Во сне ты шептал, что чувствуешь запах клубники. Вот я и подумала... Порадовать... Деньги взяла на столике, извини. Вот сдача.

Аленка залезла в карман куртки, выгребла смятые бумажки, протянула на ладони. Да не в деньгах было дело, и даже не в клубнике. Она вышла из дома без спроса. Неужели не понимает, как это опасно?

«Нечисть! — вопило чутье. — Убить нечисть!»

Баньши заметила что-то такое в лице Геора и застыла на секунду, замерла. Доверчивый взгляд сделался испуганным. Отступила на шаг, потом еще.

– Почему ты вышла из дома? — рявкнул охотник. — Как ты посмела подвергать опасности...

Себя. Он хотел сказать «себя».

– Людей... — закончил Геор и сам растерялся.

– Я... — беззвучно прошептала Алена.

– Что — ты? Такая хорошая несмотря на то, что баньши? Это хотела сказать?

Геор услышал свой голос словно со стороны. Неужели это он произносит такие злобные, несправедливые слова? Дать бы себе по морде!

Алена зажала ладонью рот, задавливая в себе слезы, только заморгала часто-часто. И вдруг распрямилась, сделалась будто даже на несколько сантиметров выше, хотя, конечно, все равно девчонка

совсем по сравнению с рослым и широкоплечим охотником. Однако смотрела смело.

– Да, ты прав, я баньши, – сказала она тихо. – Не человек. И я знала, что рано или поздно ты об этом вспомнишь и обвинишь меня в том, что я не в силах изменить. Так спроси себя, охотник, кого ты любил? Девушку, которой я когда-то была и которой уже не стану. Или... нечисть...

Клубника алыми брызгами рассыпалась по полу. Следом со звоном упали ключи. Будто цветные фантики, усеяли пол бумажные деньги. А Аленка уже бежала вниз по ступеням, легкая, стремительная, будто лань. Только мелькнула на площадке второго этажа пушистая пепельная коса.

– Алена! – взревел Геор.

Сердце пронзило осознание невозполнимой утраты. Это было страшнее, чем умереть самому. Страшнее, чем бороться с десятком чудовищ.

– Алена!

Он бросился вниз по лестнице. Ноги заплетались, а сознание мутилось: Геор еще не отошел после процедуры. Грохнула дверь подъезда – охотник едва слышал звук сквозь туман в голове. На пару секунд он, кажется, потерял сознание. Пришел в себя на заплеванном полу, поднялся, хватаясь за перила, и бросился из подъезда вон.

– Алена! Аленушка!

Двор был пуст, только соседки, сидящие на лавочке, с неудовольствием смили буйного жильца острыми взглядами.

– Здесь... девушка... – проговорил он, задыхаясь.

Ему вяло указали направление. Геор оббегал все близлежащие дворы, заглянул во все подъезды. Бесполезно – Алена как в воду канула. Он немного отдохнул, присев на бортик песочницы: ноги уже просто отказывались идти. Мамашки мгновенно расхватили детей, косясь на здоровяка с диким взглядом: то ли обкурился, то ли напился, но Геор не обратил внимания. Все его мысли были об Аленке. Куда она, глупая? Без денег, в одной курточке! Маленькая бестолковка...

Геор едва не застонал, вспомнив, как доверие в ее взгляде сменяется страхом. Он никогда не сделал бы ей больно, не ударил, но

ведь она не забыла, конечно, не забыла, как он приставлял нож к ее горлу. Как накрутил на руку ее волосы, заставив выгнуться от боли... Такую хрупкую и нежную... Родную девочку...

Превозмогая тошноту и слабость, Георг побрел в парк. Может быть, она решила укрыться там, где впервые пришла в себя? Бродил среди деревьев до темноты, пугая своим видом прохожих. Прислушивался к чутью: если Аленка здесь, оно подскажет, он ощутит присутствие баньши. «Спроси себя, кого ты любил? – снова слышал он ее голос. – Я не человек... не человек...»

– Тебя, – тихо ответил он в пустоту. – Я любил тебя, моя девочка.

В потемневшем парке пахло травой и дождем. Георгу хотелось выть.

Он бы пробыл там до утра, но вдруг подумал, что Аленка могла вернуться домой. И Георг так ясно представил, как она сидит на полу, обняв колени, как тогда, в первый раз...

– Алена!

На площадке никого. На полу несколько раздавленных ягод. Деньги, конечно, уже собрали, зато ключи заботливо повесили на кривой гвоздик, по какой-то неведомой надобности забитый в голую стену.

Георг вошел в пустую квартиру. Он до последнего, вопреки логике, надеялся, что Аленка встретит его в кресле с книгой в руках. Никто его не ждал.

Георг открыл шкаф и начал разбирать Аленкины вещи. Некоторые из них по-прежнему лежали в пакете. Освободил полку, смахнув на пол свои футболки и толстовки, и аккуратно сложил тоненькие кофточки, невесомые юбки. Свитер, в котором Аленка поехала в Черновку, лежал комочком в углу. Георг встряхнул его, собираясь отнести в стиральную машинку, но на него едва ощутимо пахнуло ароматом леса и молодых листьев. На Георга нахлынула слабость. Он присел на край дивана, сжимая свитерок в руках.

«Я найду тебя, – подумал он. – Не знаю как, но найду...»

Сразу стало как-то легче: дав себе обещание, Георг уже не отступал.

То, что после процедуры трансмутации он был вымотан до крайности, тоже пошло на пользу, иначе бы он не уснул до утра, теперь же просто вырубился.

Ему снился запах клубники.

Тринадцатилетний Георг ждал Ташу и таскал ягоды с тарелки одну за другой. «Да остановись уже! – увещевал он себя. – Иначе угощать будет нечем!» Но ароматная и сладкая клубника сама просилась в рот. Он представил, как будут пахнуть губы Татьянки, когда она попробует душистых ягодок. Потом представил, какими окажутся на вкус эти губы... Залился краской по самые уши и отодвинул от себя блюдо.

Звонок в дверь застал Геора врасплох, он едва успел натянуть майку на загорелое тело. На пороге стояла Танька, и за те пару недель, что они не виделись, она, кажется, еще подросла на несколько сантиметров, почти сравнялась с ним ростом.

– Ну ты и дылда, – усмехнулся Геор.

Татьянка качнула головой с упругим гладким пучком на затылке и растянула губы в улыбке.

– Дылда.

В лагере Танька-гроза никогда не лезла за словом в карман, теперь же вошла и притихла. Как пай-девочка, присела на стул, пошевелила указательным пальцем клубничину.

– Ешь, ешь, – радушно предложил хозяин. – Это тебе. И это...

Он, смущаясь, указал на букет, делая вид, что не понимает, как тот вырос посреди стола. Наверное, сам собой.

Таша клубнику так и не попробовала и даже от лимонада отказалась.

– Ты не зажарилась разве, пока шла? – удивился Геор. – Я сегодня пью, как верблюды!

Гостья была молчалива и задумчива, не огрызалась, как обычно, и не подкалывала. Но, удивительно, такая Таня нравилась Геору даже больше. Зато она сосредоточенно слушала, склонив голову набок, внимая каждому слову.

– Родители на дачу поехали, а я притворился, что заболел. А твои как, нормально тебя отпустили?

– Отпустили... – эхом повторила она и, будто спохватившись, улыбнулась.

Впрочем, Геору так льстил интерес со стороны прежде язвительной Таньки, что он не обращал внимания на странности.

– Все-таки принесу лимонада, – сказал он, вставая.

Увидел краем глаза, что и Таня поднялась, пошла следом. «Куда это она? Со мной собралась?» – мимолетно удивился он и со стыдом вспомнил, что в раковине гора немытой посуды, а на столе разделочная доска с крошками хлеба: делал себе бутерброд, да так и оставил.

– Может, бутерброд хочешь?

Не стал оборачиваться. Зачем, ведь перед ним на стене зеркало. Он увидел себя – угловатого подростка с отросшей челкой... Но вместо Тани увидел нечто черное, чужеродное, с вытянутым серым

лицом и провалами глаз. Это было настолько дико и нереально, что Георг остолбенел, чувствуя, как ноги и руки наливаются предательской слабостью.

– Таша... – прошептал он.

Существо раззявило в улыбке беззубый рот и медленно-медленно подняло руку с тремя длинными пальцами, на каждом из которых было четыре сустава, и положило эту жуткую конечность Георгу на плечо. Почему-то именно эти пальцы, которые Георг рассмотрел очень ясно и четко, так же как видел свои обезумевшие глаза и мгновенно слипшуюся от пота челку, убедили его, что все реально.

А еще голос.

– Та... ш-ша...

Георг только теперь понял, что жуткая гостья все это время просто повторяла за ним слова.

И тогда Георг закричал. Да что там... завизжал, как девчонка. Даже спустя двенадцать лет при одном воспоминании об этом на скулах Георга выступали багровые пятна от стыда.

То, что случилось дальше, он помнил плохо. Раздался треск вышибаемой двери, в комнату вошли двое мужчин – обнаженные по пояс, с наручнями, с мечами в руках. Их лица были суровы, а зрачки странно сужены, так что сами глаза казались почти нечеловеческими.

– В сторону! – приказал один из них.

Другой занес меч. Когда Георг отвернулся от зеркала, то вновь увидел Татьянку такой, какой он ее знал. Это случилось за секунду до того, как острое лезвие меча отрубило ей голову.

– Та-а-аня! – заорал он во всю мощь легких.

– Тихо, пацан, – сказал один из мужчин. – Это не Таня. И даже не человек. Это Безликий...

Тогда Георг еще не знал, кто такие охотники. Не знал, что жизнь ему спас сам Владимир Маковцев – будущий руководитель городского отделения Лиги.

Охотники между тем переглянулись, будто беззвучно договариваясь о чем-то. Маковцев кивнул.

– Мы охотники за нечистью. Лига мастеров. Приходи, как вырастешь, если не испугаешься.

– Не испугаюсь, – непослушными губами произнес Георг.

Пока тело безликого паковали в черный пакет, он стоял не шевелясь, словно прирос к полу.

– А Таня? – наконец тихо спросил он. – Где?

Маковцев вздохнул.

– Уже, боюсь, нигде. Сожрал он твою подружку. И тебя бы сожрал, если бы мы не успели...

Георг открыл глаза. В воздухе висел сладкий до тошноты запах клубники. Наверное, никогда ему от него не избавиться...

Когда он был подростком, то думал, что этот запах вызван страхом. Конечно, он перепугался тогда до смерти, а мир навсегда перестал быть безопасным местом.

Но потом, после бесед с мозгоправами, а как бы ни огрызнулся Георг на молоденьких психологинь, дело свои они знали, он понял, что запах клубники связан с чувством вины. Он, мужчина, ладно, тогда еще мальчик, но это дела не меняет, не защитил Таню, не спас... Он и потом струсил – хотел прийти к Таниным родителям, как-то поддержать, но так и не смог заставить себя.

Двенадцать лет прошло. Немало. Но не так уж и много. Вполне возможно, что родители Тани по-прежнему живут в своем доме.

Георг взглянул на часы: семь утра. Как раз успеет до начала службы. Он не знал, что он им скажет... Что когда-то дружил с их дочерью и вспоминает до сих пор? Наверное, это неважно. Главное, что сумеет наконец признать: он сожалеет о том, что все так произошло.

Маленький частный дом на окраине города почти не изменился, только крышу покрыли веселой зеленой черепицей да выкрасили забор в такой же жизнерадостный цвет. За воротами заливалась лаем коротконогая псина, грозный двортерьер. Рвалась, натягивала цепь, оповещающая хозяев о незваном госте лучше любого звонка.

– Тихо, Майка, тихо! – прикрикнул девичий голос.

На крыльцо вышла высокая девушка, взгляделась в незнакомца, поставив ладошку козырьком, прикрывая лицо от солнца.

– Гоша? – спросила она удивленно.

– Таня? – хрипло выдавил тот.

Геор с трудом уместил ноги под низеньким столом. Таня молчаливо делала чай. Геор хотел было отказаться, но потом подумал, что Тане нужно просто занять руки: они едва заметно дрожали. Да ему самому не мешаете собраться с мыслями.

– У меня полчаса до работы, – сдержанно сказала хозяйка дома.

– Кем работаешь? – Геор решил, что лучше начать разговор с нейтральных тем, чем сразу огорошить подругу детства вопросом «Почему ты жива?»

Таня поставила перед Геором нарядную кружку с котиками, а он подумал, что в последнее время только и делает, что чаевничает. Сама хозяйка села напротив, напряженно глядя на гостя.

– Учительницей начальных классов.

Геор едва не поперхнулся горячим напитком.

– Ты?

Он представил, как Татьяна гоняется за малолетними нарушителями спокойствия с линейкой. Она, видно, угадала его мысли, усмехнулась:

– Нет, подзатыльники я им не раздаю. – В глазах, однако, вспыхнули прежние хулиганские искорки. – Только тумачи. Шутка, шутка!

Конечно, Таня далеко ушла от той девочки-сорвиголовы: Геор видел перед собой женственную строгую девушку.

– А ты где работаешь? – задала она встречный вопрос.

Будто бы двум людям, увидевшимся после двенадцати лет разлуки, и поговорить больше не о чем. Геор поднял глаза от кружки и уперся в направленный на него пристальный взгляд. И он вдруг понял: подруга детства смущена не меньше него. «Почему ты жив?» – читалось на ее лице.

– Так, – сказал он, отставляя чай. – Надо поговорить! Таня, ты помнишь день, когда ты должна была прийти ко мне в гости?..

– Еще бы не помнить, – ответила она прежде, чем он договорил, побледнела и стиснула руки. – Это был самый странный день в моей жизни...

«И в моей!» – хотел сказать Геор, но побоялся перебить, только кивнул: мол, говори.

– Ты решишь, что я сошла с ума... – вздохнула Таня.

– Поверь, нет.

– Ладно... Я к тебе почти дошла тогда, во всяком случае зашла в подъезд. После пекла на улице показалось, что в подъезде очень холодно, почти морозно, я даже мурашками покрылась. Глаза после солнечного света с трудом привыкали к темноте. Дверь в подвал была открыта, и из нее тянуло сыростью и будто болотом.

Таня потерла плечи, словно до сих пор чувствовала озноб.

– Я, правда, на это внимания почти не обратила, больше думала о том, чтобы не подкачать на первом свидании. Что будет, если кавалер захочет меня поцеловать? Разрешить? Или в глаз дать?

Оба рассмеялись. Геор почему-то не сомневался, что получил бы в глаз. Отсмеявшись, Таня снова сделалась серьезной, даже мрачной.

– Мне показалось, будто из темного угла рядом с подвалом отделилась тень и пошла за мной. Это я потом уже поняла, что так и было, а тогда заметила краем глаза и не придала значения. Где-то на втором этаже услышала шаги за спиной. Не сразу услышала, случайно. Они сливались со звуком моих собственных шагов, будто кто-то ступал след в след, но я споткнулась о ступеньку и остановилась, а шаги продолжились.

Таня поежилась, взяла чашку Геора и одним махом ее осушила.

– Но я не испугалась, с чего бы. Мало ли кто поднимается по лестнице. Я просто посторонилась, чтобы пропустить жильца, а когда оглянулась...

Хозяйка дома беспомощно посмотрела на Геора, не решаясь продолжать. Прежде она никогда не рассказывала эту историю, а иногда даже предпочитала думать, что все случившееся ей приснилось.

– Ты увидела саму себя, – закончил за нее охотник. – Безликие именно так и поступают – копируют жертв.

«Безликий. Нечисть первого класса. Своего облика не имеют, принимают облик жертвы прежде, чем уничтожить, а после некоторое время носят личину убитого. Истинный вид проявляется в зеркале. Исследования расходятся во мнениях, к какому подклассу отнести нечисть, неразумных или псевдоразумных, так как безликий,

вероятно, может лишь копировать человеческую речь и манеру поведения».

– Безликие... – тихо повторила Татьяна, точно пробовала слово на вкус. – Как страшно... Да, наверное, это и был безликий. Я заорала, оно тоже, причем моим же голосом, будто издевалось. Протянуло руки. Мои руки.

Таню передернуло. Георг, желая подбодрить, накрыл ее ладонь своей.

– Оно бы меня сожрало, – грустно призналась Таня. – Я это нутром почувствовала. Знаешь, такой иррациональный ужас, предсмертный... Фух...

«И все-таки ты жива!» – хотел сказать Георг, однако промолчал.

– И тут я услышала шаги, кто-то спускался сверху. Так неторопливо, будто не слышал, как я ору, надрываюсь. Это был мужчина. Тогда я подумала, что он намного старше меня, теперь понимаю, что еще довольно молодой, ну точно не больше тридцати. А старым он мне показался из-за волос: он был полностью седой. Подошел, остановился, покачал головой, глядя на этого... как ты его назвал?

– Безликого.

– Да. Знаешь, как качают головой, если ребенок что-то натворил, книгу порвал или разрисовал фломастерами стену. Пожурил, но любя. Потом говорит мне: «Иди, девочка». А это существо послушно стояло, будто мужчина имел над ним какую-то власть. У меня от облегчения ноги едва не подкосились, потому что я поняла, что, похоже, останусь в живых. Я так обрадовалась, что про тебя, честно, даже не вспомнила. Поплелась вниз, боялась, что в обморок упаду. Хотела бы бежать не оглядываясь, но ноги не шли. Поэтому я еще кусочек разговора услышала. Мужчина сказал: «А ты иди вместо нее... Они его не получают». Он так это сказал... Сразу было ясно, что ничего хорошего можно не ждать. Вместо нее – это к тебе, значит. Все это время я думала, что ты мертв, Гоша.

Таня вскинула голову и еще раз внимательно, пристально вгляделась в лицо Георга.

– Так кем, говоришь, ты работаешь?.. – тихо спросила она.

Таня только сейчас, видно, сообразила, что Георг не удивился ее рассказу, наоборот, воспринял как должное, да еще и название чудовища подсказал – «безликий».

– Нет, не говори! – перебила, не дав и рта раскрыть, помотала головой. – Нет-нет! Знаешь, мне ведь пора уже, а то опоздаю!

И с видимым облегчением следила за тем, как Георг обувался в прихожей, только у самого порога сказала на прощание:

– У меня как камень с плеч, Гоша. Я ведь тебя мысленно похоронила. Винула себя – не предупредила, сбежала... Я теперь, наверное, совсем по-другому жить начну, а то какая-то несуразная сейчас у меня жизнь.

Георг не произнес этого вслух, но и сам чувствовал похожее: он будто освободился от огромной тяжести, и сразу стало легче дышать. Столько лет он считал ее мертвой, винил себя! Подумать только! Георг вышел за калитку и рассмеялся, запрокинув лицо, жмурясь от солнечного света.

Лишь одно не давало покоя: кем был тот странный седой человек и что означала его фраза «Они его не получают»? Кого «его»? Тринадцатилетнего Георга. Да кому сдался этот шкет. И кто «они»? Может быть, Таня что-то перепутала, забыла, надумала. Один из жильцов подъезда просто спугнул безликого, а она вообразила не пойми что...

Первым делом Геор заявился в отдел аналитиков. Степа, заметив приближающегося охотника, соорудил кислую мину.

– Ничего нового! – сообщил он, всем видом показывая, что ему сейчас не до Геора.

А тот вместо предисловия выставил перед мастером-аналитиком два флакона с бессонником. Зелья выдавали только охотникам, сотрудникам же, чей метаболизм не был изменен трансмутацией, доступ к снадобьям был закрыт. Поэтому очень часто именно бутылочки с разноцветными составами становились платой за услуги. У бессонника, например, оказался интересный побочный эффект: если распить такой флакон на двоих с девушкой, то любовников ждала незабываемая ночь.

Степа оглянулся и торопливо спрятал бессонник в ящик стола, вопросительно приподнял бровь.

– Если сработает маячок на баньши, – тихо сказал Геор, – дай мне первому знать, договорились?

Мастер-аналитик, обычно бесстрастный, впервые удивился:

– Зачем они вам сдались всем? Ты, Петр, еще кто-то из ваших, не помню. И всем баньши подавай.

Геор и сам опешил от таких новостей, но вида не подал. Поставил на стол еще один флакон.

– Мне первому! – угрюмо сказал он.

Новости не радовали. Еще можно понять, зачем разыскивает баньши Петр – чтобы подчистить следы. У Геора свело челюсти от одной мысли о том, что палач сделал бы с Аленкой, попади она ему в руки. На мгновение подумалось, что мастеру-дознавателю не справиться с охотником и не лучше ли тогда решить этот вопрос раз и навсегда... Но он тут же задавил в себе это желание.

Геор знал, что рано или поздно служба в Лиге меняет личность. Охотники в какой-то момент могли перейти черту. Они уже не различали, кто перед ними: человек ли, нечисть. Убийство становилось привычным делом, и очень велико было искушение решить любую

проблему самым простым способом. Потому и приходилось так часто беседовать с психологами: те пытались вовремя отследить перемены.

Но тот, другой, кто интересовался баньши... Кто-то из своих, как сказал Степан... Не перешел ли черту он? Последний разговор Алены с «Барсом» прямо говорил о том, что именно с ним она должна была увидеться в парке перед гибелью. Конечно, это ничего не доказывает, и все же...

«А вот тебя я придушу, тварь», – мрачно подумал Геор. Рано или поздно, может быть, через год или через два, правда всплывет, и тогда убийце несдобровать. Делалось тошно от мысли, что это может оказаться кто-то, кто прикрывал спину, подставлял плечо. Однако, если на его совести гибель невинной девушки, он ответит, кем бы он ни был.

Как назло, с утра Геора не ожидало ни одной разрядки.

– Ты чего такой дерганый? – усмехнулся Глеб, пожимая руку. – А! Ты же после трансмутации. Не терпится какую-нибудь нечисть порубать на куски?

В первые дни после трансмутации действительно будто бы возникал зуд во всем теле: «Найди нечисть! Убей нечисть!» Но Геора сейчас была нервная энергия не только из-за этого...

Он, охотник с лицензией, собирался совершить если не предательство, то... «Нет, именно предательство! – одернул себя Геор. – Называй вещи своими именами!»

Он поклялся себе найти Алену любым способом и заранее знал, какова окажется цена. «Что же ты делаешь со мной, Аленушка?» И вновь перед внутренним взглядом встала пушистая коса, бледное личико с большими, как у олененка, глазами. Где она сейчас? Как провела эту ночь?

У Геора была тонкая ниточка, которая могла привести его к Алене, а могла оборваться. Полоз. Возможно, прилипала Илья все же рассказал, как его отыскать, и Алена отправилась к нему, потому что больше пойти ей было некуда. Значит, и Геор должен найти Полоза! Самый быстрый путь – спросить у создания ночи. Поэтому охотник ждал сегодня разрядки как манны небесной, а ее все не было...

Геор некоторое время нервно играл в сапера на компьютере. Взорвавшись десятый раз подряд после первых же ходов, решил: все,

хватит. Впервые в жизни пожалел о том, что не курит, – занять бы хоть на время руки и голову!

Он вышел к автомату за кофе, вынимая картонный стаканчик, дернул так, что горячий напиток, расплескавшись, ожег пальцы.

– Пр-роклятие!

Но неожиданно это небольшое происшествие повернуло мысли Геора в другом направлении: чем слоняться без дела, можно попытаться разыскать какую-то информацию в архиве. Архив Лиги располагался в подвале, рядом с отделом дознавателей. У охотников самый низкий уровень допуска к документам, однако иногда достаточно маленькой зацепки.

Записи в архиве хранились в основном в рукописном виде, лишь часть была оцифрована. Геор сам не проверял, но ходили слухи, что архивные помещения тянутся глубоко под землей, заполненные свитками и древними книгами, и некоторые из них написаны не только на телячьей коже. Трудлюбивые скрыты, издавна работающие на Лигу, стерегут это богатство как зеницу ока.

Комната, куда попал Геор, приложив жетон к входной двери, оказалась пуста, если не считать выключенного компьютера, который так надсадно загудел, когда Геор нажал кнопку пуска, что стало ясно: обычные служащие вроде него пользовались архивом редко.

Интерфейс был устроен просто – строка поиска в центре белого экрана. Геор пожал плечами и ввел: «Полоз». Экран моргнул и незамедлительно выдал: «Секретная информация. Для доступа подпишите разрешение у руководителя центра и обратитесь к мастеру-архивариусу». Чего и следовало ожидать! Геор не мог придумать ни одной причины, по которой Владимир Маковцев выписал бы ему – рядовому охотнику – подобное разрешение.

Интересно, а помнит ли Маковцев о том, что когда-то именно с его подачи Геор стал охотником? Вряд ли, ведь из двадцати спасенных от нечисти мальчишек в Лигу потом приходили один-два, да и те отсеивались на суровом отборе.

В Лиге существовало негласное правило: если охотник спасает ребенка и видит в нем потенциал, он может не стирать ему память и рассказать о Лиге. Если тот действительно заинтересуется и не

струсит, то найдет способ отыскать тайную организацию. Как и сам Георг пригласил Сережку, после того как тот помог уничтожить житника.

Все это было делом случая, стечением обстоятельств. Потому Георг не придавал значения словам Тани. Да кому бы понадобился тринадцатилетний пацан, не появившись в его квартире безликий? Он хмыкнул: прямо теория заговора – один направляет нечисть, чтобы убить, другие вовремя успевают на выручку. Бред...

Скрипнула, отворяясь, дверь, и Георг от неожиданности едва не подскочил до потолка. Крошечный скрит, сжимавший охапку бумаг, шарахнулся в сторону, роняя исписанные листы, втиснулся в угол, сверкнул темными испуганными глазками. Георг хотел было уйти, все равно больше ничего узнать не получится, но остановился на пороге, озаренный идеей. Скрит ведь тоже нечисть! А что если...

Он наклонился над маленькой тварью, заставив того присесть.

– Ты что-то знаешь о Полозе?

Скрит съежился, качая головой. Ничего не скажет... Не хватать же его за горло, в конце концов. Или?.. Скрит осел под мрачным взглядом Георга, закрылся руками. Тьфу, пропасть!

– Тень-на-свету, – пробормотал скрит, боязливо поглядывая на охотника сквозь растопыренные пальцы. – Свет-в-тени. Одно и то же, как ни взгляни...

Интересно, а среди нечисти попадают психи? Хотя Георгу с некоторых пор казалось, что весь мир вокруг него сходит с ума. Или это он сходит с ума?

Плюнув, Георг оставил перепуганную тварь в покое и вернулся к себе. На столе ожидала распечатанная на бланке разрядка – как раз вовремя! Охотник схватил листок, да так неаккуратно, что обрезался краем. На пальце выступила капелька крови.

– Проклятие!

И замер, оглушенный. Кипяток, а теперь порез: именно проклятие возвращалось к нему. Медленно и неотвратно. Успеть бы найти Аленку! Но не для того, чтобы попросить помощи, а чтобы сказать, что любит.

Задание казалось ерундовым, но Геор с некоторых пор не верил простым заданиям. На зеленом листке, обозначающем уровень пониженной опасности, напечатана была всего пара строк: «Проверить. Родители убеждены, что их ребенок – подменыш». Ниже следовал адрес.

Ребенок. Что же ему так везет-то, как утопленнику? Почему все дети и прекрасные беззащитные девы достаются именно ему?

С подменышами он еще дела не имел, но приятного мало: если в семье действительно поселился чужак, скорее всего настоящего ребенка уже нет в живых. И все же «проверить» не означало «уничтожить» – все еще может обойтись.

Родители, судя по всему, сами вышли на Лигу, следовательно, можно действовать в открытую и лишь потом стереть воспоминания.

Геор хотел отправиться на встречу в гражданской одежде, но, памятуя о случае с житником, в последнюю минуту все же облачился в полную экипировку: наручни, наплечник, ремни-обереги, меч. Неудивительно, что бледная заплаканная женщина, открывшая дверь, вскрикнув, попыталась захлопнуть ее перед носом охотника. Геор придержал рукой.

– Я из Лиги.

– Ох... Проходите!

Она суетливо двинулась вперед по коридору, боязливо косилась на охотника и на меч за его плечом. Привела в гостиную, где уже ожидал осунувшийся молчаливый муж.

– Из Лиги... – шепотом пояснила она супругу, который ошалело рассматривал необычного гостя, а громко сказала: – Может, чайку?

– Нет! – отрезал Геор, а то еще немного, и у него на чай выработается такой же условный рефлекс, как на запах клубники. – Где сейчас ребенок?

Хозяева переглянулись, женщина опустила голову.

– Катюша... сейчас в своей спальне.

– Хорошо. Расскажите о ваших подозрениях.

Хотелось верить, что нервные родители, начитавшись желтой прессы или насмотревшись канала РЕН ТВ, увидели то, чего нет. Георг знал признаки подменышей, а потому сразу определит, не напрасны ли опасения.

– Она необычно себя ведет в последнее время... Все началось пару недель назад. Мы решили, что волнуется из-за ВПР. И кто только придумал писать контрольные работы в третьем классе! Моя девочка перестала спать и есть...

– Совсем?

Георг сузил глаза, уже готовясь к худшему, правая рука невольно сжалась в кулак, еще немного – и сожмется на оголовье меча.

– Да, вот знаете... Иногда проснусь ночью, зайду к ней в комнату, а она сидит на кровати, поджав ножки, расчесывает кукле волосы и тихонько напевает. Говорю ей: «Катенька, спи», а она: «Не хочу, мамочка...» А днем как ни в чем не бывало – сна ни в одном глазу, только какая-то скучненькая ходит.

Георг сжал челюсти. Похоже, все-таки подменыш.

– Потом несколько ночей подряд спит, и веселенькая, ласковая, совсем обычная. Я даже установила камеру в комнате – спит себе, обняв мишку.

Георг почувствовал, как отпускает окаменевшие мышцы. Ох уж эти мнительные мамашки! Если девочка спит хоть иногда, она не может быть нечистойю.

– То не ест и не пьет. День, два... Я вся изволнуюсь, самое вкусненькое покупаю. Глоточек выпьет, говорит: «Спасибо, мамочка, я не голодная». А потом вдруг сметает все подряд, куда только помещается в нее! И хлеб, который раньше в рот не брала, и овощи...

Георг хмурился: картина была нетипичная, странная. Он бы заподозрил у девочки скорее психологическое расстройство, но он по этой части не дока. Охотник может только определить, нечисть перед ним или нет, а дальше пусть сами разбираются. Или он разберется...

– Я должен с ней поговорить.

Чутье не обманет, и если место девочки Кати заняло создание ночи, тогда... А что тогда, Георг? Он тряхнул головой, прогоняя сомнения. Вот тогда и будет думать!

Родители неуверенно переглянулись: им не нравилась экипировка Георга. И если в детской сейчас обычный ребенок, незнакомый

мужчина с ремнями вокруг голого торса перепугает ее до смерти. Играя желваками на скулах, Геор сдернул с дивана плед и накинул на плечи. Оголовье меча торчало из складок плюшевой ткани, ну да и фиг с ним.

– Пойдемте со мной, я покажу.

Женщина остановилась у плотно закрытых дверей комнаты, нервно тиская одной рукой другую.

– Я так долго вас искала... Вашу... организацию... Все смеялись, крутили пальцем у виска.

Несчастливая, похоже, и сама до сих пор не верила, что обратилась по адресу, а сейчас начала сомневаться, что поступила правильно.

– А если... это уже не Катя? – тихо спросила она.

– Вот тогда и поговорим!

Геор стукнул в дверь костяшками пальцев и заглянул в комнату. Маленькая темноволосая девочка сидела на полу и самозабвенно строила что-то из кубиков лего. У нее был девчачий вариант, с феечками и домашними любимцами. Охотник осторожно зашел и сел рядом. Он ничего не говорил, да это было и не нужно: чутье все сделает за него.

Катя подняла глаза, но вопреки ожиданию не испугалась, а улыбнулась:

– Привет. Какой ты большущий.

Геор улыбнулся в ответ.

– Да, вот такой вымахал. Ты играй, играй...

Перед ним сидела обычная девочка с яркой, наполненной жизненной силой аурой. Геору хотелось напоследок сказать парочку крепких слов паникерам-родителям, и он уже встал и направился к двери, но что-то его насторожило.

Если бы он прошел трансмутацию не позавчера, а хотя бы неделю назад, то не сумел бы почувствовать те малейшие эманации темной энергии, остаточные следы которой сохранились в детской. Тут явно побывала нечисть, и совсем недавно.

– Ну что? – женщина, ожидавшая в коридоре, с надеждой заглянула ему в глаза.

– У вас обычная, замечательная дочь, – на автомате ответил Георг, напряженно размышляя. – Переходный возраст.

– Но она еще совсем малышка! – всплеснула руками мать.

– Не успеете оглянуться, как вырастет, – немного невпопад ляпнул охотник. – Но я еще загляну позже, чтобы удостовериться, что все в порядке.

Женщина проводила его до двери, долго стояла на пороге, смотрела вслед. Она будто хотела спросить о чем-то, но не решалась.

Георг не ушел далеко, встал, облокотившись о липу, – отсюда открывался отличный вид на подъезд и на окна – и стал ждать.

Долго ждать не пришлось. Из подъезда выпорхнула Катя, накинув яркую желтую курточку прямо поверх домашнего костюма. Одна косичка растрепалась, но девочка только сердито откидывала со лба волосы, лезшие в глаза. Она явно торопилась. Георг тенью последовал за ней.

Катя миновала подъезд, другой и зашла в третий. Охотник за ней. Девочка, не задерживаясь, тут же нырнула в подвал – дверь оказалась открыта. Георг следом.

Подвал тянулся под всем домом и был разделен на клетушки-кладовки. Дорога между ними петляла, как в лабиринте, но маленькая Катя не сбивалась с пути, уверенно шагала вперед. Вот она остановилась у обитой дерматином двери, достала из кармана длинный ключ и открыла навесной замок.

– Ой что было! – сказала она кому-то, сидящему внутри.

До Георга долетели волны темной энергии, а в следующую секунду раздался тонкий голосок.

– Ой, а что?

Будто бы в клетушке сидела вторая Катя, такая же маленькая и испуганная. Вот только вторая человеком не была.

Георг вошел за девочкой в кладовку.

– Так, – сказал он мрачно. – Все ясно.

Кладовка, как водится, оказалась заполнена старым хламом, который жаль выбросить. Наверное, барахло так и пылилось бы, покрываясь пятнами плесени и ржавчины, пока не обрело покой на мусорке, если бы не маленькая нечисть, нашедшая в крошечной камерке приют.

На полу расстелен ковер, старенькое кресло укрыто вытертым покрывалом, на облупившемся журнальном столике расставлены куколки и домики, собранные из лего. Даже лампочка, висящая под потолком на шнурке и заливающая все тусклым желтым светом, обзавелась абажуром из голубой бумаги, где нарисованы были облака и птицы.

Две совершенно одинаковые худенькие девочки сидели, втиснувшись в кресло, и теперь настороженно исподлобья смотрели на охотника. Они прижались плечиками и держались за руки.

Катя с распушенной косичкой выглядела хоть и испуганной, но более решительной. Она и заговорила первой, чуть подавшись вперед, будто хотела спрятать за своей спиной двойняшку.

– Нет! Ты ее не заберешь! Это моя сестренка!

Геор присел на корточки, спокойно посмотрел в глаза девочки, в которых горело упрямство и бесстрашие.

– Катя, это не твоя сестренка. И ты это знаешь. Это даже не человек.

Мысленно поморщился. Сколько раз он произносил эту фразу, прежде чем взяться за меч. Вот и сейчас придется. Разрозненные детали головоломки сложились воедино, и он узнал нечисть. Классификатор тут же услужливо подсказал:

«Приживала. Нечисть первого класса. Почти исчезнувший вид. Прежде жила бок о бок с человеком, выбирая большие деревенские семьи с множеством детей. Обычно заменяла умершего от несчастного случая ребенка либо уговаривала одного из детей на время поменяться с ней местами. Так как нечисть не ест, не пьет, не растет, обман скоро распознавали. Если приживале не удавалось сбежать прежде, ее истребляли. Псевдоразумна».

Нечисть первого класса. Это означало, что создание ночи было смертельно опасным для человека. И они действительно убивали, вот только, насколько помнил Геор, тех, кто пытался навредить их временным семьям. Но убивали без жалости, без разбора – будь то настоящий разбойник или просто ночной вор, решивший поживиться урожаем яблок.

А еще это означало, что охотник должен ее уничтожить.

Катя все это время что-то торопливо объясняла, но Геор только сейчас прислушался к разговору.

– ...совсем одна! Сиротинушка! А я всегда мечтала о сестренке! Я знаю, что Кася не обычная девочка. Она феечка! Не надо ее обижать! Она не виновата, я сама предложила меняться. Мы по очереди с мамой живем: то Кася два денечка, то я. А в остальное время – здесь.

Значит, Кася... Она уже и имя ей дала.

Кася, которая на самом деле вовсе не была ребенком, молчала. Она понимала гораздо больше своей маленькой подружки, знала, что попалась. Геор видел в ее глазах тоску и безнадежность. Приживалы были сильной нечистью, но недостаточно сильной, чтобы одолеть охотника в полной экипировке.

– Катя, иди домой, – сказала двойняшка, голос у нее был совсем детский, тоненький. – Он меня не обидит. Он меня отведет... в хорошее место.

Маленькая нечисть посмотрела в глаза охотника, будто хотела сказать: «Подыграй. Не будем ее пугать».

Геор за время службы в Лиге уничтожил десятки созданий ночи. Половины он бы и не вспомнил. Все было просто: меч в его руке и тварь, которую надо истребить. Неразумная, смертельно опасная тварь.

Но с некоторых пор сомнение прочно заняло место в его сердце, и Геор только в эту секунду понял, что все в его жизни изменилось безвозвратно. Все, охотник, добежался! В утиль тебя. Если рука дрожит, поднимая меч, если в существе перед собой ты видишь не опасную нечисть, а разумное создание, то больше тебе делать в Лиге нечего.

– Катя, подожди у подъезда, – бросил он.

– Иди, иди, – подтолкнула Кася замешкавшуюся подружку-сестренку. – Ничего. Все хорошо.

Та нерешительно поплелась к выходу. Геор мог только надеяться, что ушла, а не притаилась где-то поблизости. Меч скользнул в его руку привычным, отточенным движением, рукоять удобно легла в ладонь.

– Чем ты питаешься?

– Ты знаешь, чем мы питаемся, – ответила Кася, на детском личике появилась бледная улыбка. – Но я бы не причинила им вреда. Наоборот... Мамочка заболела бы очень скоро страшной болезнью, которая росла в ней, раскидывала щупальца. А теперь не заболит. Потому что у болезни тоже была жизненная сила, и я с удовольствием ее выпила.

Кася внимательно пригляделась к Геору.

– А вот ты в себе носишь кое-что похуже той болезни... Думаю, дня три тебе осталось, охотник.

Создание ночи казалось то маленькой девочкой, то древним и мудрым существом.

– Пусть, – устало отозвался Геор, подумав про себя, что даже к лучшему: все равно к прежней жизни возврата не будет.

Он и сейчас уже все решил для себя. Убрал меч в ножны.

– Как мне найти Полоза? – спросил он у нечисти.

Кася, не понимая, что происходит, не сводила с охотника взгляда. Облизнула губы.

– Лучше убей, – ответила тихо.

– Значит, не скажешь?

Приживала покачала головой.

– Ну и хрен с тобой. Поднимайся, пошли.

Не дожидаясь, пока нечисть встанет из кресла, подхватил тщедушное тельце, понес под мышкой. Кася оказалась легкая, точно птичка, Геор ощутил под ладонью тонкие ребрышки: вот так сожми покрепче, и треснут. Да только пытаться нечисть, притворяющуюся ребенком, он был не готов... «Идиот ты, Гоша, – обругал себя Геор. – Идиот и есть. Такой шанс... И три дня всего...»

Катя сидела на лавочке у подъезда, размазывала по лицу слезы и грызла ногти. Увидела охотника с Касей на руках, подскочила.

– Касенька! Куда ты ее!

Сжала кулачки. Вот отважная. Еще немного – и кинется, малявочка.

– Домой.

И зашагал вперед по знакомому маршруту, постучал в дверь. Женщина увидела двух одинаковых девочек и схватилась за сердце. Георг молча отодвинул ее в коридор, зашел в гостиную, поставил Касю на пол. Катя бросилась к названной сестренке, обняла, положила голову на плечо.

– Что это? – просипела хозяйка, задыхаясь. – Кто это?

Георг вынул меч, повернул так, чтобы искры сверкнули на острейшем лезвии.

– Это... Это нечисть Кася. Она уже прожила у вас некоторое время. Места много не занимает, не ест, не пьет. Заодно избавила вас от рака, провериться, кстати, все равно не помешает.

В проеме застыл Катин отец, его глаза изумленно таращились на пару одинаковых девочек.

– Долго она у вас не задержится. Приживалы остаются на два-три месяца, а потом отправляются дальше. Или я уничтожу ее прямо сейчас. Не волнуйтесь, я профессионал, одного удара будет достаточно. К тому же шейка у нее тоненькая...

Катя, пискнув, обхватила Касю руками.

– Мамочка! Нет!

Женщина, бледнея, сползла на диван.

– Что же вы за ирод такой! – выдохнула она. – Как можно! Идите ко мне, маленькие!

Девочки бросились в объятия матери, одна села слева, другая справа, а та закрыла их плечи ладонями. Уже было не разобрать, где нечисть, а где человеческий ребенок.

– Ну что сразу-то было не сказать? – ласково пожурила она дочь. – Зачем так мамочку пугать? Пусть поживет у нас!

Сверкнула глазами на Георга.

– Убирайтесь. Понаберут маньяков!

Георг без слова развернулся. Никто не заметил улыбки, мелькнувшей на его лице.

Разрядку сдал в отдел аналитики, написав заключение о том, что тревога оказалась ложной. По крайней мере на пару месяцев

нечисть Кася вне опасности, а что будет потом – Георг уже не увидит. «Три дня, – отрешенно подумал он. – Три дня...»

Проклятие пока не слишком мешало. Ну запнулся Георг пару раз на ровном месте, оцарапал руку о торчащий из перил гвоздь – мелочи.

Издали посмотрел на Степана, тот покачал головой: новостей нет. И новая разрядка сегодня вряд ли появится. Завтра, кровь из носу, надо уцепиться за малейшую возможность. Оставалось лишь надеяться, что в следующий раз попадется матерая нечисть, которой при случае можно и по зубам дать.

Геор взял бы ночную смену, но охотникам после трансмутации пару недель предписывали беречь силы и высыпаться как следует. Насчет последнего Геор был не уверен: знал, что, скорее всего, не сомкнет глаз.

Все его мысли занимала Аленка. Где она сейчас? Что с ней? Может быть, ей плохо и страшно, но и домой идти после всего тоже боязно. Маленькая бестолковка, неужели не понимает, как сильно он ее ждет.

Витек предложил вместе сходить в «Инферно», но Геор отговорился тем, что вымотался после долгого дня. Он никого не хотел видеть, хотел быть один. Заглянул по дороге в незнакомый бар, пил виски и не пьянел. За столик собиралась подсесть девушка – короткое платье сеточкой поверх чехла, серебристые туфли, – но ретировалась под тяжелым взглядом Геора.

И как специально, будоража душу, музыкант запел незнакомую песню, безбожно фальшивя, но все же умудряясь достать простыми словами до самого сердца.

Я зову дождь, я зову дождь.

Ты не вернешься и не придешь... ()*

И Геор звал дождь. Все бы отдал, лишь бы ощутить аромат мокрой земли и травы, запах леса. Запах Алены. А сегодня, как назло, была отличная погода, жаркое солнце высушило асфальт, в воздухе носилась пыль.

«Где же ты, моя девочка?..»

Стакан с водой треснул в его руке, осколки порезали ладонь, кровь густо закапала на стол. Тут же подскочила испуганная официантка.

– Ох, как же это... Наверное, трещина была...

Схватила со стола салфетку, неуклюже попыталась обмотать рану, делая только хуже, потому что кровь не унималась. Геор отобрал у дрожащей девушки салфетку, обернул вокруг ладони. Подбежала администратор, принялась извиняться.

– Угощение за счет заведения... – лепетала она.

– Не нужно, – бросил охотник, вставая.

Он все равно собирался уходить. Неловко как получилось со стаканом, перепугал девчонок. Они ведь не знают, что действительно виновата трещина, но только не в стакане, а в ауре.

Пустота в квартире давила. Прежде Геор не думал, что может чувствовать себя таким одиноким. Включил телевизор фоном, притащил аптечку, в которой никогда не хранилось ничего серьезнее парацетамола и бинтов, вот они и пригодились. Вскрыл упаковку зубами, сжав челюсти, сдернул прилипшую салфетку – вновь потекла кровь. Впрочем, при ближайшем рассмотрении все выглядело не так страшно, даже зашивать не придется. Неудобно, что это рабочая рука, кто знает, когда пригодится держать меч. Наложил тугую повязку, как учил своих подопечных Старый Дон: «Мало ли где вас подранят, всегда надо уметь остановить кровь!»

Под утро Геор забылся неглубоким сном – спасибо выпитому спиртному. Ему чудилось, что он обнимает Алену, свернувшуюся на его плече, но когда он хотел прижать ее крепче, Аленка рассыпалась ворохом сухих листьев.

– Алена!

Крик отзвенел, и снова навалилась тугая, плотная тишина. Если даже Геор найдет Алену, останется ли она прежней? Нежной девочкой с большими трогательными глазами олененка. Или Полоз, или как его там, сделает из нее чудовище, заставив забрать чью-то жизнь?

Неожиданный стук в дверь показался наваждением, продолжением прерванного сна. Геор хмыкнул и не двинулся с места, однако незваный гость не унимался, и частые удары посыпались градом.

Геор по дороге даже проверил раковину на кухне, заглянул в ванную: не затопил ли соседей. Нет, чисто. Потом вдруг подумал об Аленке и дернулся к двери, да так, что зацепился ногой за половик и врезался в стену, почти выбив плечевой сустав. Как же некстати...

– Не уходи! – крикнул он, испугавшись, что Алена уйдет, не дождется.

Ручку дернул так, что едва не вырвал с мясом. На пороге стояла Кася. Геор ее поначалу не заметил: смотрел поверх головы, а потом едва не сшиб малявку с ног, только тогда и обнаружил.

Правильно. Отлично. Теперь и Кася легко нашла его по слепку ауры. Давайте, не стесняйтесь, приходите все!

– Чего тебе нужно? – рявкнул он.

Какими же настырными бывают некоторые нечисти.

Кася пожала детским плечиком, и жест этот был совсем ребяческим в отличие от слов.

– Я думала, это тебе кое-что нужно. Ты спрашивал о Полозе...

И замолчала, будто специально дразнилась. Георг с трудом поборол искушение встряхнуть маленькую негодяйку за шиворот.

– Я помогу, – сказала она наконец. – Если и ты кое-кому поможешь.

(*) Слова из песни Александра Иванова «Я зову дождь...»

– Человеку? – глухо спросил Геор, заранее зная, каким будет ответ.

Кася покачала головой и снова приподняла плечи, мол, да какая же разница.

– Проклятие уже насквозь в тебе проросло, – сказала она, чуть помедлив. – Я такие не умею чистить, тебе от моей помощи только хуже будет.

– Я и не прошу твоей помощи.

– А вот я твоей прошу! Не знаю, зачем тебе Полоз, но если ты хочешь с ним встретиться...

– Или я сейчас просто вытрясу из тебя правду!

Геор почти не врал: бессонная ночь и новости о том, что проклятие, оказывается, проросло насквозь, благодушия охотнику не добавили. Кася, однако, не поверила, махнула рукой.

– Думаешь, у меня к Полозу прямая дорога? Ты его так еще месяц разыскивать будешь, а у тебя всего несколько дней. А вот Раст сможет напрямую вывести.

– Раст?

– Если ты его выручишь.

Геор расхохотался, согнулся от смеха, опершись рукой о косяк. Ну не смешно ли? Он, охотник с лицензией, вместо того чтобы уничтожить нечисть, станет ей помогать? Кася терпеливо пережидала, пока стихнет хохот, задрал вверх детскую мордочку.

– Ну-ну, не плачь, – ехидно сказала она. – Ладно тебе. Ты уже почти умер. Так что решай, что для тебя важнее!

Вся жизнь Геора была посвящена борьбе с нечистью. И жизнь эта была не сказать чтобы наполненной глубоким смыслом, но простой и ясной. Меч в его руке и создания ночи, которых необходимо уничтожать. А потом появилась Аленка, сбила с ног, перевернула привычный мир с ног на голову. Прежнюю жизнь уже не вернуть, но до зубовного скрежета хотелось еще раз увидеть сероглазую баньши.

– Что мне нужно сделать? – услышал он будто со стороны свой голос.

Вот и все. Такого в Лиге не простят. Такого он и сам себе не простит.

– Идем за мной, – улыбнулась Кася.

И повела вопреки ожиданиям не вниз по ступеням, а вверх. Миновали три этажа и очутились на площадке перед выходом на чердак. Люк в потолке оказался открыт, вот только железная лесенка совсем износилась за годы, лишилась ступенек – осталась всего одна посередине, слишком высоко для маленькой нечисти. Но Кася и не стала карабкаться, поступила проще. Подняла ручки-палочки:

– Подсади меня.

В такие моменты Геор забывал, что перед ним вовсе не маленькая девочка, потому что приживала сейчас как никогда напоминала ребенка. Подхватил ее за талию, легкую щепочку, а Кася тут же вцепилась сильными пальчиками в проем люка и, изогнувшись, точно обезьянка, ловко скользнула на чердак. Тут же свесилась, посверкивая глазками:

– Теперь ты.

Геор мог бы и не наступать на единственную ступеньку, подтянувшись на руках. Что его дернуло наступить! Металлическая конструкция лопнула под его ногой, как пластмассовая, железный штырь резанул лодыжку. Геор от неожиданности чуть не сорвался, однако натренированное тело действовало на автомате, подбросило вверх. Рану осмотрел уже на чердаке. Порез неглубокий, кровь должна сама свернуться. Кася поцокала языком, протянула носовой платок, который у нее, как у образцовой домашней девочки, обнаружился в кармашке аккуратного ситцевого платяца.

– Так ты скоро весь будешь в дырочку! – хихикнула она. – Хорошо, что сейчас ты на нашей стороне, а то человеческая кровь так и влечет, м-м-м...

«Ты сейчас на нашей стороне...» Геор скрипнул зубами. Затянул платок вокруг пореза.

– Заткнись!

– Фу-у, как нелюбезно! А теперь будем прыгать с крыши!

Геор вскинул удивленный взгляд на маленькую нечисть. Хотя эта и соврет – недорого возьмет.

– Seriously! – Кася растянула рот в длинной, нечеловеческой улыбке. – Иначе туда не попасть. В под-город.

И ухватила ошарашенного Геора за палец, потащила за собой. Влезла на парапет, переступила через невысокую проволочную ограду.

– Пойдем же! – поторопила она и, как нетерпеливый ребенок, дернула охотника за руку. – Или боишься?

Геор хмыкнул. Если это не крайне странный способ самоубийства, Кася, видно, знает, что делает. Перешагнул через ограду и встал рядом, глядя на знакомый двор, березу, лавочку, сейчас пустующую, песочницу. Так-то, если проследить траекторию падения, Геор прямиком окажется в песочнице.

– На счет три! – сказала Кася. – Раз!

И, не продолжая, тоненько пискнула и ухнула вниз. Геор смачно выругался вслух уже в полете. Ничего, Кася на своем долгом веку еще и не такое слышала!

Он был уверен, что в земле откроется какой-то провал или портал, ведущий... Куда? Что это за под-город? Охотник ни разу о нем не слышал.

Земля приближалась. Сначала стремительно, а потом все медленнее и медленнее. Падение перешло в парение, Кася мягко опустилась на землю, дождалась, пока Геор встанет на ноги, и лишь тогда выпустила его руку.

Охотник ошарашенно огляделся. Двор казался обычным, знакомым местом. Вон из подъезда выплыла соседка с ведром и поплелась к мусорке: не спится ей! Но в то же время небо, уже начинающее светлеть, будто подернулось серой дымкой, и эта же дымка покрывала все вокруг, что-то пряча, а что-то, наоборот, делая явным. Корявые кусты, которых Геор прежде не видел, росли у обочины дороги. У песочницы лежали незнакомые пестрые камешки. Через двор пробежало взъерошенное существо, размером с небольшую собаку, и чутье охотника отозвалось на него, как на домового. Неопасная нечисть третьего класса. Все вокруг было словно припорошено пеплом.

– Видишь? – спросила Кася, дождалась кивка и продолжила не без гордости: – Это наш мир внутри вашего. Под-мир.

– Не боишься, что я обо всем доложу в Лигу?

Геор изо всех сил старался сохранять хладнокровие.

– Не боюсь, – Кася привычно подергала худыми плечиками. – Во-первых, ты уже и так покойник. Во-вторых, думаешь, ваши не знают? Те, кто у верхушки, всё знают. Только им сюда не попасть.

Искоса взглянула на окаменевшего Геора и снова захихикала.

– Бедный, бедный охотник! Маленькая пешечка! Тебе секретика не доверили!

– Куда дальше? – Геор решил игнорировать ехидную нечисть, впечатлений и так хватало.

– Нам пригодится твой меч.

Происходящее нравилось охотнику все меньше. Меч обычно нужен для того, чтобы убивать, а сейчас Геор записался в помощники нечисти. Однако зря они надеются, что охотник убьет кого-то из людей. В конце концов, решение зависит только от него, а к тому времени он, возможно, узнает, как связаться с Полозом.

– Хорошо.

Хоженная-перехоженная дорога к зданию Лиги в предрассветных сумерках, укутанных дымкой, казалась совсем чужой, незнакомой. Хотя он видел людей, с ними тоже что-то было не так. Потом Геор понял: он больше не замечает аур, будто люди оказались отгорожены от него прозрачной, но непроницаемой преградой. Зато он ясно видел нечисть. Одно создание ночи притворялось человеком, торопилось по тротуару, запахнувшись в черный плащ и надвинув на глаза шляпу с полями, другое темным клубком прокатилось под ногами: неразумный чулли, питающийся жизненной силой не людей, а растений. Прибьется к какому-нибудь дереву и притворится грибом.

Геору было душно, впервые в жизни у него появилась одышка, а на лбу выступила испарина. Казалось, легкие до отказа наполнены этой серой мглой.

– Что, тяжело? – посочувствовала Кася, но даже в сочувствии маленькой нечисти сквозила язвительность.

У входа Геор вынул жетон охотника, кивнул охраннику, тот не ответил на приветствие, встрепенулся только тогда, когда замок среагировал на жетон, пропуская Геора в здание. Кинулся к двери, принялся открывать и закрывать, проверяя своим пропуском. Геор нахмурился: «Странно, чего это он?»

В отделе у включенного компьютера дремал Глеб, уперев подбородок в сцепленные в замок пальцы. Сегодня он оставался на

ночное дежурство.

– Привет.

Глеб подскочил как ужаленный, уставился в пространство перед собой осолопевшими глазами. Он смотрел прямо на Геора, но... будто не видел его. Провел рукой, точно пытался ухватить что-то невидимое. Вынул из-за пояса небольшой серебряный кинжал, с которым никогда не расставался.

Геор оторопел, Кася за его спиной рассмеялась.

– Он думает, ты нечисть. Не бойся, он не замечает тебя. Пошли.

Геор двинулся к раздевалке, где в ячейке хранилось снаряжение. Он решил не думать о том, что происходит, во что он вляпался и как потом будет это разгребать, потому что «потом» может и не наступить. Впрочем, не так уж это странно, если подумать. В привычном мире при свете дня люди тоже не видели его, когда он становился Тенью-На-Свету, так почему бы здесь, в под-мире, ему не стать...

«Тень-На-Свету, Свет-в-Тени, одно и то же, как ни взгляни», – пропел в голове тоненький голосок скрита.

– Часто люди попадают в под-мир? – спросил он у Каси, чья черноволосая головка едва виднелась над рядами компьютеров.

Маленькая нечисть не ответила, наверное, не услышала.

Ячейка сработала на жетон так же быстро, как входная дверь, хорошо хоть с этим неприятностей не возникло. Геор облачился в экипировку, руки действовали автоматически – подтягивали ремни, застегивали наручни, закрепляли перевязь с мечом, а в голове вертелось неотступно: «Ты сейчас на нашей стороне... Ты сейчас на нашей стороне... Ты сейчас на нашей стороне...»

Кася нетерпеливо приплясывала рядом. «Готов? Готов?» – спрашивала она взглядом.

– Идем, – буркнул Геор.

Вышли из здания так же легко, как зашли: никто и не пытался их удержать. Кася бодро устремилась вперед, ничего не оставалось, как только следовать за ней. Очень скоро Геор понял, что знает, куда она его ведет: в парк.

Примерно в это же время в кармане зазвонил сотовый. Геор вынул телефон и едва не выронил: вокруг гаджета растекалось яркое ядовито-зеленое сияние, как в мультиках, когда хотели изобразить радиацию. Преодолевая отвращение, охотник взгляделся в экран: звонил Степа из отдела аналитики. Степа!

– Да! – крикнул он в трубку.

Голос мастера-аналитика с трудом пробился сквозь треск и шуршание.

– Гоша... Гоша? Что-то тебя не слышно, пропадаешь! Сработал маячок на баньши, ты просил позвонить...

– Да, да! – перебил Геор. – Да! Где?

– В парке... Кто-то из ваших отправился...

Звонок разъединился, но перезванивать Геор не стал: он и так услышал главное. Сердце заколотилось о ребра, дышать стало совсем невозможно. Надо торопиться, иначе может быть слишком поздно!

– Кася, у меня неотложное дело...

– Я знаю, – невозмутимо ответила та. – Но сначала увидишься с Растом.

– Нет времени!

– Он уже ждет тебя.

Геор не стал спорить с маленькой нечистью, тем более что его путь все равно лежал в парк. У входа стоял мужчина, небрежно опершись спиной о белую каменную колонну, и скучаяще поглядывал по сторонам. Заметив Касю и Геора, приветливо помахал рукой, как старым друзьям. Человек был худощав и довольно высок ростом, черты лица резкие, а улыбка, скользнувшая по губам, показалась

блеснувшим на свету лезвием ножа. И вот что еще бросилось Георгу в глаза – седые волосы, хотя незнакомец был молод. Во всяком случае, с того дня, как он – а это был именно он, Георг не сомневался ни минуты – встретил на лестнице девочку Таню, мужчина не постарел. И, конечно, человеком он не был.

– Раст, значит? – спросил Георг.

Ладони для рукопожатия не подал, хотя Раст и не предложил. Они обменялись взглядами, скрестившимися, как шпаги.

– Ты – Полоз? – прямо спросил охотник.

– Нет, – усмехнулся тот, и почему-то сразу сделалось ясно, что не врет.

Странно, Георг мог поклясться, что в облике незнакомца скользило что-то змеиное – в плавности движений, наклоне головы, во взгляде. К тому же чутье охотника явно указывало на нечисть, но какую именно, определить было невозможно, классификатор безмолвствовал.

Раст, видно, догадался о сомнениях Георга по его сосредоточенному взгляду.

– Пытаешься меня анатомировать? – на лице Раста снова блеснула узкая улыбка. – Не выйдет, такие, как я, почти исчезли. Я огневка. – Он поморщился. – Огневик. Так мне нравится больше. Слышал?

Георг слышал что-то о редчайшей нечисти, даже не занесенной в классификатор. Огневка имела две ипостаси – человеческую и змеиную: могла явиться в образе огромной черной змеи с ярко-алым гребнем. Защищаясь, воспаляла взглядом все, что видела. Змеюка, как и Полоз.

– Ты знаешь Полоза? – Георг не тратил время на расшаркивания. – Я увижу его?

Раст посмотрел странно и рассмеялся так, будто услышал отличную шутку.

– Знаю, – ответил он. – И ты с Полозом познакомишься. Позже.

Он снова расхохотался.

Но Георг отвернулся от развеселившейся нечисти и смотрел в парк, пока еще пустой и сонный, надеясь увидеть среди деревьев знакомый силуэт.

– Мне некогда, Раст. Я обещал помочь, в чем бы ни заключалась помощь, но сейчас я должен завершить одно важное дело.

Огневик стал серьезен.

– Я знаю. Думаю, у нас с тобой общее дело – спасти баньши.

Геор дернулся от удивления.

– Ты знаешь?

– О чем?

По взгляду Раства ничего невозможно было определить, и охотник не стал настаивать: не до того сейчас. Мотнул головой и рванул вперед, почти физически ощущая, как утекают минуты драгоценного времени.

– А ты отправляйся домой! – приказал за его спиной Раств маленькой приживале.

Они шли молча по безлюдному, тихому парку – нечисть и человек. Безмолвие нарушал лишь шелест листьев и треск ломающихся веточек.

– Люди думают, что этот мир принадлежит им, – негромко сказал Раств. – Но этот мир был населен еще до их появления. Люди – дети по сравнению с нами. Злые и капризные дети.

– Злые и капризные? – дернулся Геор. – Вы – убийцы!

– Вы – убийцы, – тихо возразил огневик. – То, что происходит сейчас, геноцид. А мы... хотя бы не убиваем себе подобных.

– И люди!.. – взвился Геор, но осекся, понимая, что Раств прав: убивают.

Для выгоды, охваченные ненавистью или похотью, из-за тысячи важных и неважных причин. Он замолчал и отвернулся, не желая продолжать бессмысленный разговор. Да и не до бесед сейчас – не упустить бы Аленку!

Где она, девочка? Как давно она прячется в парке? Надо было не уходить в прошлый раз, проверить каждый уголок. Геор прислушивался к чутью охотника, пытаясь уловить малейшие эманации темной энергии. А Раств между тем уверенно шел вперед, будто знал, куда идти.

Охотников Геор не увидел, сначала услышал голоса, лишь потом заметил, что мелькнули между стволами деревьев две фигуры – наручни, ремни, кинжалы у пояса. Со спины не узнал, кто это, хотел окликнуть, но Раств сжал плечо: «Молчи!», махнул рукой: «Идем за ними!»

Охотники приостановились, почувствовав неладное.

– Поблизости другая нечисть...

Голос был знаком Георгу, но издалека было сложно разобрать, кто говорит.

– Да фиг с ней. Давай уже разберемся с баньши, – ответил второй. – Сколько я могу за ней гоняться. Все нервы мне истрепала. Я уже думал, Петр избавился, так нет...

– Не нервничай, – отозвался первый. – Сегодня подчистим.

– Если бы не ты, – процедил напарник, – не пришлось бы подчищать. Она осталась бы жива, а не бегала сейчас по парку.

– Сама виновата. Улыбочки эти, усмешечки. Девчонка явно хотела, а как дошло до дела, дала задний ход.

– С чего она тебя-то хотела, когда пришла на встречу со мной?

– Не убыло бы с нее! – огрызнулся первый.

Георгу казалось, что в его груди ворочается тяжелый, с острыми гранями камень – рвет душу на лоскуты. Не глядя, вынул из-за спины меч – раненая ладонь отозвалась болью, но охотник отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Раст вновь положил руку на плечо, останавливая: «Подожди, слушай!»

Охотники продолжали вполголоса переговариваться, и постепенно обрывки фраз, полунамёки и смешки сложились в сознании Геора в четкую и страшную картину.

Алена вышла из дома на полчаса, выгулять Бенджи и увидеться с Барсом. ореол таинственности, каким окружил себя незнакомец, манил неопытную девочку. Романтичная и юная, она не разглядела в остроумном парне червоточины, да он и сам о ней до поры до времени не догадывался. Он не собирался ее убивать, встреча планировалась короткой, тем более что он пришел с коллегой. Аленке второй охотник тоже понравился, ей было приятно находиться в центре внимания сильных мужчин. Неискушенная студентка не подозревала, к чему может привести флирт, да и кокетничать она толком не умела, но смеялась шуткам, позволяла подать ей руку, когда перебиралась через торчащие из-под земли корни, и даже разрешила купить ей бутылочку пива. Случайно оговорилась, что до сих пор не умеет танцевать, и галантные кавалеры тут же предложили свои услуги.

– Проведем тебе небольшой мастер-класс! – сказал Барс. – А ты решишь, кто вальсирует лучше! Иди-ка сюда!

Подходящая композиция нашлась в телефоне. Барс притянул доверчивую Аленку, положил руки на талию, она попыталась было отодвинуться, захихикала растерянно, но оба спутника в один голос уверили, что иначе в танце не обойтись. Барс и сам не понял, как так получилось, что он стискивал тонкие запястья все сильнее. В какой момент стал наслаждаться беспомощностью и испугом, появившимся на юном личике?

Алена с надеждой оглянулась на его друга, стоящего в стороне и молча наблюдающего за происходящим, а тот вдруг вместо того, чтобы осадить Барса, осклабился и сказал:

– Дай-ка теперь и мне попробовать!

Смеясь, подхватил Алену за талию, приподнял, отрывая от спутника. Только вот смех звучал как-то нехорошо, будто мужчина хотел прикрыть им темные мысли.

– Отпустите!

Алена до сих пор надеялась, что она, глупая, просто что-то не так поняла. Они добрые, веселые, и Бенджи понравились. Только зачем этот человек так сильно сжимает ей руку, завтра точно останутся синяки...

– Ой... Мамочки...

Абрикосовый пудель, маленький, но отважный пес, отреагировал на вскрик хозяйки – вцепился в ногу обидчика.

– Пшла, тварь!

Ударом ноги мужчина отшвырнул защитника, но его смелость позволила Алене вырваться. Скинув туфли, девчонка побежала прочь по траве, через кустарник, не разбирая дороги. Не знала, что уйти от охотников у нее нет ни единого шанса. Они загнали ее в два счета, ведь девчонка даже не была нечистой. Куда человеку тягаться с натренированными телами, измененными трансмутацией!

Выносливыми телами. В чем маленькая пискля смогла удостовериться вскоре после того, как ее поймали.

Геора мутило, во рту стоял металлический вкус. По лезвию меча стекала кровь – он так сильно сжимал рукоять, что разбередил рану. Он давно бы вступил в бой, отрубил бы мерзавцам все конечности и только в последнюю очередь – голову, но Раст не давал, держал руку на плече: «Подожди. Не время». Чего добивался? Хотел показать всю человеческую мерзость?

– Не понимаю, как ей так долго удавалось от нас увертываться? – продолжал первый голос.

Оба охотника, не стесняясь, обсуждали подробности, болтали, как два приятеля на прогулке. Единственное, что вызывало у них досаду, – неприятности из-за того, что Алена превратилась в баньши. Нехорошо. Надо подчистить. А то профессиональная гордость страдает.

– Помнишь, в первый раз она появилась, когда в парке обнаружили чмура. Я еще, грешным делом, подумал, не связано ли это как-то. Нет, случайность. Геор тогда не понял, куда мы запропастились...

– Геор! Этот простофиля ни о чем не догадывается, но все время встает у нас на пути. На кой фиг он ее от палачей выпустил? Не ожидал от него. Ладно, думаю, куда новообращенной баньши деваться, спалится не сегодня, так завтра, а она как в воду канула.

– Ты еще тогда специально Геора в Черновку отослал, чтобы она к нему не заявила по следу ауры. Голова-то у дурынды пустая, память в дырах, поперлась бы к тому, кто помог. Хотя наш железный Гоша моментально бы ее упокоил...

– Считаешь?

– Да ты на его каменное лицо посмотри – он и мамашу собственную упокоит, коли та в нечисть обратится...

Оба охотника замолчали, вглядываясь в редкий подлесок. Геор тоже почувствовал, а мгновением позже увидел, что мелькнула впереди хрупкая девичья фигурка, пепельные растрепанные волосы...

«Алена!» Спазм перехватил горло, задушил крик.

– А вот и наша таракашка! – восторженно воскликнул Барс, охваченный азартом погони.

Барс и его безымянный коллега. Геор до сих пор не видел лиц, но теперь это было не нужно. Он узнал их, едва услышал фразу «Геор тогда не понял, куда мы запропастились...»

Стас и Витька. Твари. Вам не жить.

Будто в ответ на его отчаянную мысль, Раст сильно толкнул его в спину, и Геор пробил невидимую преграду, переместившись из подмира в обычный мир.

Услышав за спиной треск ломающихся веток, охотники оглянулись.

– Геор? – удивился Стас. – Отдел аналитики опять напутал что-то, зря тебя отправили. Мы вдвоем справимся.

– Но я уже здесь, – хрипло ответил Геор.

Охотники переглянулись с одинаковым выражением на лицах: «Принесла же нелегкая!»

– Ладно, пошли, будешь на подхвате.

Витька указал острием кинжала, зажатого в руке, на заросли колючего кустарника.

– Вроде там спряталась. Обойдем с трех сторон. Геор, если побежит на тебя, не размусоливай, бей сразу.

Раста было не видно, отступил, слился с тенями деревьев и помогать не торопился.

Витька и Стас пошли вперед, подставив незащищенные спины. Геор словно наяву увидел, как полоснул Стаса сзади по открытой шее, а потом с разворота вонзил лезвие меча в грудь Витька – оба и моргнуть не успеют. Беда в том, что Геор не мог бить в спину. Идиот. Сколько у него шансов против охотников? Если учесть то, что их двое, они не устали, не ранены, и над ними не висит проклятие. Очевидно – ноль.

– Алена, беги! – закричал он во всю силу легких, поднимая меч.

Теперь, в обычном мире, дышать снова стало легко – хоть какой-то плюс.

Витька ошалело оглянулся, за ним Стас, но увидели Геора в боевой стойке и все поняли. Начальник, прищурившись, скользнул взглядом по раненой руке охотника, с которой продолжала капать кровь. Кивнул напарнику, указал глазами в сторону. Геор хорошо знал этот знак: «Расходимся, окружаем». Он усмехнулся, водя острием от одного охотника к другому. Каждый ждал малейшей ошибки соперника, чтобы немедленно атаковать.

– Воронцов, придурок, ты что, за баньши впрягся? Тебе давно пора мозги психологам отнести на проверку! – ощерился Витька.

Но Геор не повелся на излюбленный прием напарника, теперь уже бывшего, – вывести противника, заставить отвлечься. «Появление

баньши – твоих рук дело! – мог сказать он. – Вы ее убили! Добрую, наивную, ласковую девочку!» Он молчал и сосредоточенно ждал любого промаха. Витька слишком медлителен, Стас слишком горяч и в пылу сражения теряет голову – вот козыри, которыми располагал Геор. Но их двое, а это сразу кроет все его карты.

Больше медлить было нельзя, с каждой секундой шансы на победу уменьшались. Геор нащупал левой рукой кинжал у пояса и атаковал первым. План был простым и опасным – вывести из строя одного противника и вступить в схватку с другим.

Кинжал, мелькнув в воздухе серебристой птицей, ударил Витьку в плечо. Охотник издал приглушенный вскрик больше от удивления, чем от боли. Геор зашипел сквозь зубы: он промахнулся, метил в грудь. Но хоть так.

– Паскуда! – рявкнул Витька, кидаясь в наступление.

К нему немедленно присоединился Стас. Тяжелые мечи были предназначены не для боя, только для умерщвления нечисти. Лезвия ударялись друг о друга, высекая искры. Пару раз острия мелькали в паре сантиметров от лица, но каким-то чудом Геор умудрялся до сих пор увертываться от обоих – если считать чудом стремление победить во что бы то ни стало, выгрызть победу зубами. Ведь только он стоит сейчас между убийцами и Аленкой. Расправятся с ним, и ее ничто не спасет.

Витька терял силы вместе с кровью, уже с трудом поднимал меч. Мотал головой, стряхивая пот, заливающий глаза.

– Пас-скуда... – выдыхал он со свистом. – Какая пас-скуда... На своих!..

Стас бился молча, сдерживал ярость, чтобы сохранить ясную голову. Но первым до Геора все же добрался клинок Витьки, резанул по ребрам. Геор на секунду задержал дыхание, оценивая ущерб: ничего, не глубоко. Не издал ни звука, экономя силы. И эта его холодная сосредоточенность отчего-то подействовала на противников сильнее гнева. Стас изменился в лице, только сейчас, видно, догадавшись, что Геор дрался не на жизнь, а на смерть. Не отступит. А в планы охотников умирать сегодня не входило. И Геор, почувствовав слабость, не растерялся – Стас взвыл, ощутив, как холодная сталь навывлет пробила плечо. Геор беззвучно выругался: Старый Дон хорошо обучил их всех – грудь никто не подставит.

А удача, будто опомнившись – слишком уж везет этому охотнику! – немедленно подставила подножку: сухой корень, как живой, вывернулся из-под земли, и Геор рухнул навзничь. Витька и Стас заработали мечами, используя их вместо кольев, стремясь пригвоздить зарвавшегося напарника, но острия дырявили землю, а Геор, чувствуя себя угрем на сковородке, вертелся и извивался, уходя от клинков. Стас, кажется, это был он, достал-таки, продырявил бедро. Боль обожгла, вышибла из легких воздух. «Спокойно! – приказал себе Геор. – Ты еще жив. Еще жив. Борись!»

Он почувствовал спиной колючий кустарник, ухватился, рывком поднялся на ноги. Странно, что проклятие, висевшее на нем, пока не подсунуло под ноги кроличью нору или прелые листья – будто отступило на время.

А вот Витька поскользнулся, и это стало его роковой ошибкой. Он открылся, и Геор дотянулся кончиком клинка до незащищенного горла. Увидел, как дернулся кадык. В горле охотника булькнуло, а секунду спустя из пореза хлынула кровь, заливая грудь. Витька поначалу даже не понял, что случилось непоправимое. Схватился рукой за рану, только потом выронил меч. Упал на колени. Где-то глубоко-глубоко в памяти всплыл новогодний корпоратив, Витька в смешном красном колпаке с фальшивой бородой... Витька, прикрывший его от жмура: еще немного, и тот располосовал бы Геора... Витька, набирающий двумя пальцами на клавиатуре: «Как правильно “баньши” – с мягким знаком или без?»

Баньши. Алена. Аленка. Девочка... Геор отвернулся от бывшего напарника.

Стас на упавшего Витька и не взглянул, сейчас его больше занимала собственная жизнь. Вот только везение теперь изменило обоим – мечи скрестились в очередной раз, и удар оказался такой силы, что скользкие от крови ладони не удержали рукоятей. Стас рванулся за своим мечом, упавшим недалеко, но Геор, зарывчав, кинулся на противника, подмял под себя. Стас был вертким и быстрым, но Геор физически более сильным. Они, сцепившись, покатались по траве. Геор сжал горло Стаса, но тот, изловчившись, оказался сверху, схватил камень и ударил Геора по голове. Полилась

кровь, сознание Геора помутилось. Он сосредоточился на том, чтобы не отпустить горло Стаса – давил что было мочи, чувствуя, как бешено колотится под пальцами тонкая жилка – сонная артерия. На голову обрушился еще один удар, правда, слабее первого: Стас тоже отключался. Оба хрипели, на губах Стаса выступила кровавая пена, глаза закатились...

Последнее, что увидел Геор, прежде чем ухнуть в темную пропасть – склонившегося над ним Раста. Лицо нечисти оставалось бесстрастным.

«Я спас ее... – догнала угасающее сознание счастливая мысль. – Спас, спас...»

Как ни странно, Геор пришел в себя довольно быстро. Рядом скорчилось тело Стаса. Бывший напарник лежал лицом в землю. Геор, морщась, перевернул его на спину – нет, никаких сомнений, Стас мертв.

Только потом заметил Раста, сидящего на корточках. Посмотрел и отвернулся, как от пустого места.

– Что не так? – язвительно улыбнулся тот. – Это была твоя битва, охотник. Я решил не мешать.

– И правильно сделал, что не путался под ногами.

От звуков собственного голоса в голове точно выстрелила пушка. Застонав, Геор сжал ее ладонями: показалось, что череп сейчас расколется на части. На лице корочкой застывала подсохшая кровь.

– Пр-роклятие!

Тяжело поднялся на ноги. Земля вертелась, как живая, будто стремилась сбросить с себя букашку – Геора. Упал на колени, но снова встал, цепляясь за ствол дерева. Раст наблюдал со змеиным хладнокровием.

– Проклятие я немного придержал, – сообщил он невозмутимо. – Ненадолго, если что. Просто решил уравнять шансы.

Геор покосился на нечисть. Помог? С чего бы?

– Взаимовыгодное сотрудничество, – ответил тот на незаданный вопрос. – Ты здесь по моей просьбе.

Просьба! Баньши!

Геор, шатаясь, поплелся к кустам, где спряталась сероглазая девчонка. Он надеялся вопреки здравому смыслу, что она еще там, дождалась его, а не сбежала в разгар сражения.

– Аленушка, – тихо позвал он. – Это я...

Заметил сжавшуюся в комочек фигуру, рухнул рядом на колени: ноги не держали. Нашел тонкую руку.

– Посмотри на меня, девочка... Не бойся...

Баньши подняла лицо. Пепельные волосы, серые глаза, но... Это была совсем другая девушка. Геор отпрянул от неожиданности.

– Где Алена?

Раст нарисовался рядом, как по волшебству. Помог подняться девчонке, шепнул: «Беги, беги отсюда» и с легкой улыбкой посмотрел на Геора.

– Какая Алена?

Охотник растерянно проследил глазами, как незнакомая баньши убегает в парк, теряется среди деревьев.

– Когда я увижу Полоза? – процедил он, борясь с желанием вцепиться в физиономию самодовольной нечисти.

– Скоро! – ответил тот. – Уже очень скоро!

Когда Геор вошел в кабинет Большака, Маковцев сам грузно поднялся навстречу, протянул ладонь. Рукопожатие было еще крепким, хотя фигура бывшего охотника оплыла, а взгляд потускнел. В этом человеке почти невозможно было узнать поджарого крепкого мужчину, что двенадцать лет назад выбил дверь в квартиру Геора и зарубил Безликого. А после, уходя, бросил мальчишке, что неотрывно глазел на меч в его руках: «Приходи, как вырастешь, если не испугаешься».

Начальник кивнул, как старому другу, и указал на кресло:

– Садись. Знаю, ранен...

Геор надеялся, что со стороны незаметно, как ему хреново. Видно, зря надеялся. Даже залитый по уши тонизирующими и болеутоляющими зельями, он чувствовал себя так, будто по нему проехали катком. Он уже и сам запутался, сколько сейчас на его теле ран и порезов, да это и неважно. Пока жив – и ладно.

Маковцев медлил, вертел в руке карандаш, а потом вдруг сжал его так сильно, что тот с треском сломался в пальцах.

– Заслужили сволочи! Но кто бы мог подумать... Лучшие в отделе! Как только психологи упустили!

Геор молчал. Вернувшись в Лигу после смертельного поединка с бывшими напарниками, он отправился в отдел аналитики и рассказал обо всем. Знал, что о случившемся немедленно доложат начальнику, ждал, что Маковцев его вызовет, но заранее готовился к худшему. А теперь, выходит, можно перевести дух. Легче, правда, не стало.

Большак продолжал говорить. О том, что самому Геору не грозит расследование: внутреннее дело Лига уладит с полицией сама. Что охотник теперь, если захочет, может претендовать на место начальника отдела вместо выбывшего Стаса. Что родителям девочки анонимно переведут на счет большую сумму в качестве компенсации... Геора передернуло. Вот так, оказывается, все просто можно решить – будто родители Алены утешатся деньгами... Да и ему самому в Лиге больше делать нечего. Впрочем, как и на этом свете. И так задержался. Сколько там ему Кася отвела? Три дня? Второй день как раз подходил к концу.

– Я пойду, – сказал он, вставая, перебив Маковцева на середине фразы.

Тот сжал губы, потемнел лицом, но промолчал, списав несдержанность Геора на болезненное состояние.

– Иди... Да, Гоша, неделю отпуска тебе даю, поправляйся.

Геор обернулся у входа и все-таки задал вопрос, который не давал покоя с того самого дня, когда он увиделся с Таней.

– Зачем вы пригласили меня в Лигу? Я был вам нужен?

Маковцев приподнял брови, откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

– Гоша, это паранойя уже! Давай-ка ты тоже на прием к психологам сходишь! Ты ведь знаешь, как это работает: приглашаем, если видим в ребенке потенциал. Я в тебе увидел.

Геор кивнул и вышел. Ему показалось – или за секунду до того, как начальник рассмеялся, на лице у него мелькнуло растерянное и даже испуганное выражение?

Нет, точно надо провериться у мозгоправов. Хотя... Ни к чему, один день, оставшийся до срока, как-нибудь протянет.

Геор вернулся в отдел и сел за компьютер. В Лиге уже все знали о том, что случилось, и он мысленно смирился с тем, что сделается изгоем. Убил своих... Хотя не нападал со спины и бился честно – один против двоих, но все-таки...

Однако, как ни странно, то один сотрудник, то другой подходили с ничего не значащими вопросами, жали руку, и хотя некоторые смотрели косо, таких оказалось меньшинство.

Он открыл браузер и, ни на что особо не надеясь, вбил «Полоз» в строку поиска: времени осталось слишком мало, надо использовать любую возможность.

Гугл откликнулся десятками ссылок о семействе ужеобразных. Геор попытался сузить поиск, добавив слово «миф». Информации появилось больше, но за ее достоверность никто не смог бы поручиться. К тому же легенды разнились: кто-то писал о Полозе как о царе змей, а возможно, царе всего подземного царства. Кто-то говорил, что Полоз чистое зло, другие, наоборот, утверждали, что у Полоза добрые намерения и он иногда помогает людям. Правды не найти.

– Гоша, иди домой, – Глеб подсел за соседний столик, покачал головой. – Ты бы видел себя со стороны. Краше в гроб кладут.

Геор кисло усмехнулся. Глеб потер лоб, поняв, что ляпнул бестактность.

– Прости... Я знаю все... Блин, кто бы мог подумать...

Геор поднял ладонь, прерывая поток слов.

– Ничего. Не извиняйся.

Уткнулся в экран, надеясь, что Глеб теперь оставит его в покое. Сейчас он никого не хотел видеть, да и время утекало сквозь пальцы. Где же искать этого проклятущего Полоза?

Напарник прочитал ссылки из-за его плеча.

– А, ты тоже слышал эту легенду?

– Какую? – напрягся Геор.

– Про Полоза. Якобы у нечисти есть предводитель. Вроде как царь. Они его слушаются беспрекословно, а он их защищает... Дознаватели должны больше знать, но я сколько ни пытался расспрашивать – молчат как рыбы.

Геор, боясь спугнуть удачу, повернулся к Глебу. За все время это была первая ниточка, похоже, ведущая в нужном направлении.

– А что ты еще знаешь о Полозе?

– Да то же, что твой Гугл, – улыбнулся охотник. – Что раньше человеческих девушек даже выдавали замуж за Полоза и это будто бы уравнивало каким-то образом наш мир... Бред, конечно. И только человеческая девушка могла родить ему ребенка.

– Действительно, бред...

Геор выключил компьютер – бесполезно все, надо искать другой способ. Или другую нечисть и выбить из нее, наконец, правду. Только вот на задание его сейчас никто не отправит.

– Гоша, ты еще здесь! – В отдел вошел Маковцев. – Хорошо, боялся, что не успею.

Начальник нес в руке початую бутылку коньяка и два пластиковых стаканчика. Поставил на стол, плеснул в оба под удивленным взглядом Геора.

– Как-то мы нехорошо расстались, – пояснил он, опуская глаза. – Ты это, давай... Не обижайся на старика.

Геор и не думал обижаться на Маковцева, не мальчик уже, но стаканчик взял: зла на Большака он не держал.

– Капните и мне, что ли! – обрадовался Глеб и полез в стол за чашкой.

– А ты обойдешься! – отрезал Маковцев. – Рабочий день, кажется, еще не закончен. Загляни вон к аналитикам, у них там работы непочатый край!

Пластиковые стаканчики, шурша, соприкоснулись стенками. Георг мимолетно подумал, как забавно выглядит обычай чокаяться бокалами теперь, в современном мире. А ведь сохранился с давних пор, когда в кубки врагам подсыпали яд. Чаши ударяли друг о друга со звоном, капли вина переливались из одной в другую: «Видишь, твое вино не отравлено, я тебе не враг!»

Маковцев улыбнулся. Георг одним глотком выпил коньяк – душистый, необыкновенно пряный.

От коньяка слегка повело, хотя и выпил, казалось бы, всего ничего. Тело сделалось легким, голова пустой. Видно, придется ехать домой и поспать хотя бы пару часиков.

Пока ждал такси, спустился на улицу, чтобы проветриться, – ощутил странное. Чутье охотника, которое до сих пор оставалось обостренным после трансмутации, уловило слабое излучение темной энергии, доносившееся из подвала дознавателей. Геор уже привык не обращать внимания на подобные вещи, но сейчас его настиг приступ ненависти такой силы, что мускулы скрутили болезненные судороги. «Убить! Убить! – надрывалось подсознание. – Твари! Твари! Твари!» Волны ненависти просто захлестывали. Рука сама потянулась к оголовью меча – Геор не снял экипировку: не оставляло ощущение, что она может пригодиться в любой момент.

Геор изнутри до крови прикусил щеку, надеясь вернуть ясность мыслей.

«Да что со мной такое?»

Пряный привкус коньяка во рту сделался горьким: полынь и рута... Неужели Маковцев его отравил? Нет, он наливал из одной бутылки и выпил вместе с ним. Так что за хрень творится?

К счастью, подъехало такси, и непримиримые голоса в голове, требующие расправы над нечистью, несколько поутихли.

«Думай, думай!» И вдруг возник в памяти конференц-зал – очередная скучная пятиминутка. Почти все ряды пустуют, Геор по обыкновению уткнулся в телефон и листает ленту инстаграм, вполуха слушая выступающих. Вот к экрану подходит мастер-алхимик, включает презентацию и представляет очередное изобретение отдела – зелье, названное «Берсерк». Рассказывает, захлебываясь от восторга, что новинка делает охотников неустранимыми, нечувствительными к боли, практически неуязвимыми. Однако у снадобья есть и слабая сторона: ненависть затмевает разум.

– Но самое приятное в этом деле, – алхимик заговорщически подмигивает собравшимся, – что лучше всего настойка

взаимодействует с алкоголем. Несколько капель на бутылку, и любая нечисть вам нипочем.

«Вот спасибо! – угрюмо подумал Геор о начальнике. – Удружил!»

Удивился про себя: неужели Маковцев решил, что Геор собирается сегодня сражаться с нечистью? Поморщился при мысли о том, что при таком раскладе допросить создание ночи не получится: включится «Берсерк», и несчастная тварь даже пикнуть не успеет.

Только бы Кася не вздумала появиться!

Вечер, похоже, насмарку. Придется отсыпаться до утра...

Поднялся в пустую квартиру и неожиданно почувствовал себя в ней гостем. Может быть, это его последний день здесь.

Геор старался не думать об Алене, но предательские мысли сами лезли в голову. Неужели она так быстро его забыла? Может быть, все слова о любви были притворством? Почему бы не подыграть тому, кто приютил и кормит...

Нет, нет... Алена не обманывала. Он бы понял это... «Точно понял бы? – усмехнулся лукавый голос в голове. – А может, рад был обмануться?» Геор задавил в себе сомнение. В любом случае он-то насчет своих чувств не врал, и все, чего хотел сейчас, увидеть сероглазую баньши хотя бы один последний раз.

На ужин решил перекусить бутербродами: после выпитых зелий в желудке сделалось муторно. Нож соскочил и раскроил палец теперь уже левой руки, которой Геор придерживал хлеб. Охотник выругался, глядя, как кровь капает на продукты, но даже не удивился.

– А можно как-то одним махом с этим покончить? – спросил он в пустоту, подняв лицо к потолку. – Не резать хвост по частям? Хотелось бы только потянуть до завтра, а там я в полном вашем распоряжении!

Ответа, конечно, не последовало. Геор чувствовал, что смертельно, нечеловечески устал: все время приходилось быть начеку. Спасибо реакции охотника, которая выручила не один раз, но когда-нибудь бдительность притупится, он и так-то почти на грани... Он до сих пор не снял ни наручней, ни ремней, вот только едва ли они помогут.

«Интересно, на меня не рухнет потолок, пока я сплю?» – подумал он, усмехнувшись.

А потом понял, что все равно никак не сможет повлиять на события, и как-то сразу успокоился.

В стекло ударил камешек. Снова мальчишки расшалились, или непутевый ухажер перепутал окно. Геор хмыкнул, представив лицо несчастного влюбленного, когда вместо прелестницы тот увидит физиономию Геора с рассеченным лбом, стянутым швами.

Через некоторое время камешек ударил снова. Придется все-таки разочаровать бедолагу, а мальчишки, если это они, разбегутся сами.

Откусывая от кособокого бутерброда – кое-как отхватил кусок хлеба покалеченной рукой, – Геор выглянул во двор.

Пальцы, дрогнув, разжались. И хлеб, и ломоть колбасы с веточкой укропа упали на пол.

У березы стояла Алена и смотрела на окно Геора. Личико печальное и задумчивое. Глаза серые, как дым над костром...

– Алена!

Нет, так не услышит! Геор дернул на себя деревянную разохшуюся раму, пачкая алым, морщась от боли.

– Алена, стой!

Свежий воздух ворвался в щель и принес с собой не только запах улицы, ароматы цветущей черемухи и шум на детской площадке – дворовые мальчишки играли в футбол. Геору показалось, что он даже отсюда ощутил запах дождя и леса, а еще...

«Тварь! Тварь! – отозвалось подсознание. – Убить!»

Нет, только не сейчас! Геор не знал, что отразилось на его лице, но Аленка, зябко обхватив плечи руками, отвернулась и быстро зашагала прочь.

– Аленушка!

Нет! Он сильнее, чем та дрянь, которой опоил его Маковцев. Алене нечего опасаться!

Пока хрупкая фигурка не скрылась из глаз, ринулся к двери, три лестничных пролета одолел за секунды. Раненое бедро жгло раскаленным железом, так что на последних ступенях Геор споткнулся и едва ли не кубарем покатился вниз. Расшиб локоть и колено. Плевать.

Ее не было во дворе. Взгляд Геора метался, ища пепельную пушистую косу. Стоял теплый апрельский вечер, на улицы высыпали жители окрестных домов, оккупировали скамейки, прогуливались

вдоль подъездов, ребятня всех возрастов с криками и смехом носилась вокруг родителей. Алена исчезла.

Геор зажмурился, зажал уши ладонями, из всех чувств оставляя только чутье охотника, сейчас обостренное до предела. И ощутил ее – тонкую ниточку, тянущуюся от баньши. Ниточка истончалась, таяла.

Геор поспешил вперед. Его шатало из стороны в сторону; словно слепой, он натыкался на кусты и скамейки – глаза приоткрывал только на мгновения, опасаясь потерять связь.

– Наркоман! – неслось в спину. – Обкурился! Вы на рожу его посмотрите! Как таких земля носит! А что у него за спиной? Меч? Да позвоните кто-нибудь уже в полицию!

На проспекте, куда вскоре вышел Геор, след сделался четче. Охотник поспешил вперед, обратившись в тень. Казалось, что он вот-вот достигнет Алену, еще шаг, еще рывок, но она ускользала снова и снова.

Пришла к нему, девочка... А он опять напугал... Геору хотелось орать в голос!

Ниточка натянулась и лопнула, как будто Алена провалилась сквозь землю. Только что была рядом, и вот ее нет – нигде нет.

Геор закрутился на месте, втягивая носом воздух, как гончая. Прохожие шарахались от дикого израненного мужчины в странном обмундировании.

Что же теперь? Домой? Но Геора вдруг обуяло упрямство, перемешанное со злостью. Никуда он не пойдет – костями ляжет, но разыщет Алену сегодня.

Он пошел туда, где чутье охотника засекло баньши перед тем, как она исчезла. Проспект пересекала узкая улочка, заканчивающаяся тупиком. С фасадов полуразрушенных зданий сползала краска, окна, заколоченные досками, словно бельмами, подслеповато косились на редких прохожих. Зброшенные пустые дома. Геор и не знал, что в этой части города их так много. И дома все старые – маленькие особняки с лепниной, с портиками. Их бы отремонтировать – туристов можно водить! Куда только мэр смотрит...

Не успел додумать мысль до конца, потому что на крыльце обветшавшего особняка его ожидала нечисть.

Шептун – нечисть второго класса – внешне был похож на тщедушного сгорбленного старика.

– Тихо, тихо, тихо, – забормотал он. – Тихо... Пойдем за мной...

Шептуны усыпляли бдительность, зачаровывали. Обычный человек будто под гипнозом, не сопротивляясь, пошел бы за шептуном. У Геора по венам словно прокатилась горячая волна – вступил в действие «Берсерк». Знала бы тварь, что играет с огнем!

– Где Алена? – Острие меча замерло у горла Шептуна.

Нечисть отступила, толкнув дверь спиной, и провалилась в темный проем. Невозможно было разглядеть что-то в особняке: заколоченные окна не пропускали свет. Чутье охотника било тревогу, предупреждая о том, что внутри нечисть, но сколько их и какие именно твари поджидают Геора, неизвестно.

Геор оторвал от пояса крошечный, величиной с наперсток, флакончик с зельем ночного зрения, выпил – в глаза будто воткнулись десятки игл. Еще толком не проморгавшись, охотник перешагнул порог. Темнота постепенно рассеивалась: словно на старой фотопленке из сумрака проступали стены и потрепанная мебель... А еще создания ночи, стоящие вдоль стен.

Ненависть всколыхнулась в Георе, разгоняя сердце до ста тридцати ударов в минуту, в уголках губ выступила пена. Первым попал под рубящий удар тщедушный Шептун, рухнул на пол кучкой тряпья, капли черной крови веером разлетелись по стене.

Вот тогда они напали. Все вместе. Геор видел когти и зубы, развевающиеся волосы и светящиеся янтарным блеском глаза. Кажется, они пытались что-то сказать, во всяком случае, губы шевелились, но из-за бурлящей в нем ненависти охотник почти оглох, на голову точно надели непроницаемый звенящий купол. Да что они могут сказать – проклинают, не иначе. Поздно, твари. До вас прокляли!

Тело никак не реагировало ни на порезы, ни на укусы. Кровь почти сразу сворачивалась, меч разил без усталости. В голове Геора не осталось ни одной связной мысли, только имя: «Алена».

Алена. И чья-то покрытая чешуей лапа падает к ногам.

Алена. И голова очередной твари отлетает к стене, как футбольный мяч.

Лишь раз меч замедлился – показалось на мгновение, что он увидел ее, сероглазую баньши. Нет, то было другое создание.

Но как бы неистов ни был Геор в своем стремлении убивать, действие зелья постепенно заканчивалось. Кровь полилась из ран, руки затряслись от перенапряжения. Твари окружили его со всех сторон. Геор вертелся юлой, но скорости не хватало. Создания ночи все прибывали, взяли в кольцо. Кто-то подсек под ноги, толкнул в спину.

«Конец. Это конец».

И все же он продолжал отбиваться, до последнего цеплялся за жизнь, которой, в общем-то, было не жаль: он всегда мечтал умереть в бою... Но Алена! Неужели он не увидит ее даже на пороге смерти?

Соппротивление сломали быстро, отобрали меч. Геор ждал, что его сейчас же порвут на части, но нет – твари подняли его за руки, за ноги, поволокли вниз по лестнице. Все глубже, глубже. Мелькали над головой сводчатые потолки, тянуло подземным холодом, пахло сыростью и мокрыми камнями.

Вдруг потолок ушел высоко вверх, стены разошлись в стороны. Геор огляделся, насколько позволяло неудобное положение: его принесли в круглый зал, напоминающий колодец. Небрежно бросили на пол, деловито приспособили на запястья и лодыжки железные браслеты, на которые крепились толстые цепи. Цепи натянули, распластав Геора на полу, почти вывихнув руки из плечевых суставов. Охотник сдержал стон. Нет, не дождетесь.

Все происходило в полном молчании, тишину нарушало лишь журчание воды, льющейся по стенам, шорохи и вздохи. Вдоль стен двигались темные тени. Действие зелья ночного видения тоже завершилось, и среди теней Геор, как ни старался, не мог разглядеть хрупкую фигурку с пепельными волосами.

Одна за другой зажглись свечи, стоящие по кругу, отгородив созданий ночи стеной мерцающего огня, а Геор все силился поднять голову и вглядывался из последних сил.

Никакого сомнения, Алена заманила его в ловушку. Знала, что он пойдет за ней...

Геор чувствовал, что вот-вот лишится сознания – потерял слишком много крови. Это был его последний бой. Отличный бой, надо признать...

Но прежде чем умереть, он надеялся заглянуть ей в глаза. И сказать... Что? Нет слов, которые могли бы описать то, что он чувствует.

Никого и никогда Геор не любил так сильно, как тварюшку с глазами олененка. Баньши с печальной улыбкой. Ее маленькие ступни... Трогательные косточки на лодыжках... Пушистые волосы, что пахнут лесом...

Вспомнил, как она отзывалась на поцелуи, как ее послушное ласкам тело выгибалось навстречу...

Обман. Один сплошной обман. Холодный расчет и игра.

Душа Геора рвалась на части, и эта боль была в тысячу раз сильнее боли от ран.

– Алена! – позвал он. – Если ты здесь... Если...

Из темноты скользнула фигура, закутанная с ног до головы в черную накидку. Именно скользнула – было в фигуре что-то неуловимо чужеродное, нечеловеческое. Но в то же время она напоминала Георю кого-то... Если бы мысли не путались, наверное, вспомнил бы...

– В нашем мире ее зовут Аля, – свистяще произнес голос. – Каково стать добычей, Тень-на-Свету? Что ты чувствуешь теперь, за минуту до смерти?

Геор молчал, сглатывая кровь: губы были сильно разбиты. «Зачем я им нужен? – мимолетно удивился он. – Что за бессмысленная месть... Я всего лишь охотник. Пешка. Это ничего не изменит».

– Аля, подойди.

Черная фигура выпростала из-под накидки руку, сжимающую загнутый, напоминающий зуб змеи, кинжал.

– Подойди и закончи дело!

Аля... Алена... Сейчас Геор в последний раз увидит ее.

Маленькая тень перешагнула линию свечей. Белая девичья рука, не дрогнув, приняла нож, на миг прижала к груди и поклонилась.

– Да будет так, – произнесла Аля.

Зачем они дали тебе это глупое, ненастоящее имя? Аленушка. Моя девочка... Как же ты послушала их? Как же поверила?

И тут же глухо толкнулась в груди ненависть, перемешанная с отчаянием, неверием и остатками зелья в крови: «Порождение ночи. Убийца. Тварь... тварь...»

Геор запрокинул голову, подставляя шею под лезвие. Это лучше, чем мука, разрывающая его сейчас на части.

– Давай же!

Если бы можно было все изменить, отмотать назад...

Но Геор знал, что и во второй раз поступил бы так же.

Фигурка, закутанная в плащ, опустилась рядом на колени, помедлив, откинула капюшон.

Это была Алена – никаких сомнений. И холод, стиснувший сердце, на миг отступил, вопреки всему сделалось легче: вот он и увидел ее.

– Ну давай, – устало повторил Георг.

И почувствовал, как прохладные пальцы на секунду сжали его запястье. Алена быстро посмотрела на него, и Георг мог поклясться, что увидел страх в ее глазах – страх за него.

Потом она оглянулась на черный силуэт и сказала небрежно, почти безразлично:

– Пусть он узнает правду.

– Зачем? – удивился мужчина. – Я не собираюсь предоставлять ему выбора.

– Тогда... Потом... – запинаясь и подбирая слова, проговорила баньши. – Он, может быть, не захочет предоставить выбора тебе... Раст.

Раст! В усталом мозгу Георга словно вспыхнула лампочка. Как же он сразу не узнал огневика – ведь и голос, и повадки были его. А Алена... Показалось, что она специально вслух назвала его имя. Это было странно. Хотя чему удивляться – Георг почти уверился, что сознание помутилось от потери крови, возможно, он бредит.

Раст зашипел, сдергивая с лица капюшон. Криво ухмыльнулся, глядя в глаза распятому Георгу.

– Ну, привет.

– Привет, – хрипло поздоровался Георг, с губ сорвался смешок вместе с брызгами крови. – Как я понимаю, ты Полоз и есть.

Он отдышался и продолжил, стараясь, чтобы голос звучал бодро:

– Одного не понимаю, зачем было водить вокруг меня хороводы, когда можно было просто убить. Ты мог добить меня в парке. Так какого фига...

Георг закашлялся, из уголка рта потянулась струйка крови. Алена молчала, но смотрела так, будто и сама горела заживо. Он вновь

почувствовал прикосновение прохладных пальцев к своей руке. Охотник не знал, что и думать. Предала, но теперь и сама раскаивается в этом?

– Ладно, – сказал Раст.

И развел руками, будто артист на публике, просящий прощения у зрителей: мол, извините, спектакль задерживается. Присел на корточки рядом с поверженным врагом.

– Я не Полоз.

– Я хочу увидеть Полоза!

– Терпение, мой теплокровный друг. Послушай сначала историю...

– Он еле дышит, Раст! Просто скажи ему!..

– Ничего, он крепкий парень, да, Геор?

– Я слушаю, – ответил Геор, не сводя взгляда с огневика.

– Так вот... Уверен, за то время, что ты пытался найти Полоза, ты изучил все мифы и легенды, связанные с ним. Ты знаешь, что его называли царем подземного мира, что человеческая девушка могла зачать от него ребенка. Что именно Полоз приносит равновесие в мир... Который сейчас, к слову сказать, кренится в сторону полной власти людей. Только поэтому я решил действовать. Дело в том, Геор, что Полоз мертв.

Геор моргнул, не зная, как воспринимать услышанное. Мертв? Что это значит?

– Мертв? – беззвучно произнесли его губы.

– Мертв, – повторил Раст. – Уже много лет. Много десятков лет. Я думал, что прекрасно управлюсь и без него. Власть, знаешь... Ее, хм... никогда не бывает много. Для всех Полозом был я. Старался по мере сил. Но, как выяснилось, недостаточно обладать волей и стремлением. Видно, у Полоза есть что-то, чего нет у огневика...

Геор понял, что теряет нить разговора. Голова отчаянно кружилась. Он зацепился взглядом за пепельную пушистую прядку над маленьким ухом, как за якорь. В глаза Алене он посмотреть не мог: если увидит в них пустоту, то не задержится на этом свете и минуты.

– Зачем?.. – с трудом выговорил он.

– погоди! Это только начало истории. В свое время Полоз, конечно, оставлял после себя потомков – наполовину людей, наполовину созданий ночи, но сейчас осталось не так много тех, в ком

течет древняя кровь. Ценная, могущественная кровь. Лига первая занялась поиском таких людей. Вербовала, превращая в сильнейших охотников на тех, кого они называли нечистью, псевдоразумными тварями. А они, потомки Полоза, даже не догадывались, что во время процедуры трансмутации у них забирают кровь, которую после используют для изготовления зелий. Без этой крови не появилась бы ни одна Тень-на-Свету. А мы называли таких перевертышей, не знающих о своей двойственной природе, Свет-в-Тени, из-за того, что они единственные могли живыми перейти в под-мир...

Геор вздрогнул.

– Какие удивленные глаза, мальчик, – улыбнулся Раст. – Но слушай дальше. Я тоже искал их, потомков Полоза. Искал и убивал.

Огневик сообщил об этом без тени сожаления, как о свершившемся факте.

– Не хотел делиться властью, – пояснил он. – Они были почти люди, я не испытывал жалости. Конечно, убивал не сам, а с помощью моих подданных. Однажды я и ищейки Лиги почти одновременно вышли на одного мальчишку. Безликий должен был уничтожить его, но охотники оказались быстрее. А я... Подумал в тот момент: ладно, значит, судьба. Пусть живет. Будет страховкой. Ведь если со мной что-то случится, создания ночи останутся без правителя... Вижу, ты пока еще ничего не понимаешь, Геор. Не догадываешься... А ведь я не просто так затащил тебя в под-мир: проверял, нет ли ошибки. Нет, обычный человек не прошел бы. Кстати, как ты оценил мой подарок? Я преподнес тебе убийц Альи, точно на блюдечке.

Алена сидела, низко наклонив голову, пряча лицо.

– Да-да, – продолжал Раст как ни в чем не бывало. – Такой у нас был договор. Я выдаю тебе ее убийц, а она приводит тебя сюда...

– Алена...

– Алья. Не зови ее человеческим именем. Баньши, возродившись, получают новые имена, чтобы ничто не связывало их с прежней жизнью.

Онемевшие от тесных оков запястья снова ощутили легкое прикосновение. Геор из последних сил пошевелил затекшими руками,

избавляясь от пальцев баньши. Краем глаза заметил, как она закусила губу.

– А теперь приближаемся к самому интересному. Я понял, что не могу больше в одиночку сдерживать Лигу. То, что происходит сейчас, настоящий геноцид. Еще немного, и люди полностью вытеснят нас...

– Туда и дорога... – прохрипел Геор.

– Истребят, не зная, что вместе с нами погубят древнейшие природные силы. А потом будут ломать голову над тем, почему вымирают леса и засыхают реки, почему не родит земля... Мы неотъемлемая часть этого мира, Геор. Как зима и лето, приливы и грозы. Человечество может нас не любить. Но существовать без нас оно не сможет.

Охотник молчал, сжав челюсти.

– Человек, сейчас возглавляющий Лигу, всегда опережает меня на шаг. Вот и теперь выведал мои планы... Палачи ваши – твари похлеще нас, – Раст ухмыльнулся зло и горько. – И он опоил тебя, зная, что я скоро захочу тебя увидеть. Решил, что ты сможешь меня убить. И погибнешь сам. Как удобно...

– Что тебе нужно от меня? – выплюнул Геор.

– Ты хотел видеть Полоза, мальчик?

Раст достал из складок плаща осколок зеркала и поднес к лицу охотника.

– Так вот же он. Смотри.

В зеркале отражалось бледное, залитое кровью лицо с обметанными губами – его лицо.

– Нет... – прошептал он.

– Да. Ты – Полоз. Вернее, станешь им, когда ритуал завершится.

Раст поднялся на ноги, кивнул Алене.

– Давай, Аля, как договаривались. Один удар в сердце, и пусть твоя рука не дрогнет... Нам нужен Полоз.

Будто в ответ на его слова, силуэты у стен всколыхнулись в едином порыве. «Полоз, Полоз», – пронесся то ли шепот, то ли шелест.

Алена сжала обеими руками рукоять изогнутого кинжала. Наклонилась над Геором.

Он готов был увидеть холодность в ее взгляде. Или стыд и запоздалое раскаяние. А увидел любовь. Серые глаза смотрели с пронзительной нежностью. Это была все та же девочка. Его Алена...

– Послушай... Я порежу кожу, кинжал скользнет над ребрами. Не трону сердце. Ты только притворись как-нибудь. Я не знаю, что должен делать Полоз... Ты останешься жив, – отчаянно зашептала она, ловя его взгляд: слышит ли, понимает ли. – У меня не было выхода. Если бы не я, тебя бы все равно привели силой или обманом, а Раст провел бы ритуал... Я сама вызвалась. Чтобы спасти... Я люблю тебя.

Я люблю тебя.

Ее глаза не лгали. Геор почувствовал, как его губы растягиваются в глупой и, надо признать, болезненной улыбке. Он, израненный, растянутый на холодном каменном полу с вывернутыми суставами, вдруг ощутил, что совершенно по-щенячьи, по-дурацки счастлив.

Аленка даже не догадывалась о том, что ее наивный план обречен на провал. Неужели Раст не отличит живого Геора от Полоза? А проклятие – разве отпустит? Даже если он выкарабкается сейчас, оправится от ран, проклятие не отменить. Или Алена собирается и дальше изо дня в день вычищать из его ауры черные нити?

И в Лигу он уже не сможет вернуться, зная, как на самом деле устроена организация. Пожалуй, немного равновесия миру не повредит...

Геор молчал, разглядывая склонившееся над ним родное лицо. Любимая, самая дорогая девочка... Да зачем ему эта жизнь без нее?

– Раст! – позвал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Твоя рука точно не дрогнет.

«Что ты делаешь? – одними губами произнесла Аленка, в глазах плескался страх. – Нет, нет...»

Он улыбнулся ей: «Все будет хорошо, верь мне».

Огневик подошел и опустился рядом на каменный пол. Уголок рта приподнялся в язвительной ухмылке: он-то, без сомнения, знал, что все так и произойдет. Забрал из слабо сопротивляющихся рук Алены кинжал.

– Не бойся, – сказал ей Геор. – Лучше держи меня. Крепко...

В последнее мгновение, когда Раст занес над грудью кинжал, самообладание почти изменило Геору. Он напряг мускулы, сиюсь

вырвать из земли железные костыли, удерживающие цепи. Алена нашла его руку и сжала изо всех сил, их пальцы переплелись...

Больно было всего несколько секунд. Сам удар больше напомнил удар молнии, что прошила его тело от макушки до пят. Георг выгнулся дугой, мышцы скрутили судороги. «А если ошибка?..» – успел подумать он, а потом вдохнул запах леса, запах молодых листьев и понял, что так умирать совсем не страшно.

Раст с усилием выдернул кинжал из раны, и Георг увидел, что вслед за ним тянутся черные паутинные нити – его проклятие.

– Твое сердце не бьется, – с усмешкой сказал огневик. – Как ощущения?

Георг судорожно вдохнул, опасаясь, что не сумеет набрать в легкие воздуха. Но грудная клетка вздымалась, как обычно. Боль от ран почти прошла, а сами раны, насколько мог судить Георг, затягивались. Смуглая кожа бледнела. Аленка не отпускала его ладонь, взгляд скользил по лицу, и можно было без труда догадаться о ее мыслях: «Как ты? Это ведь ты? Ты со мной?»

– Я с тобой, Аленушка... – выдохнул он осипшим голосом. – Я ведь говорил, что не брошу тебя.

Аленка, всхлипнув, обвила его шею руками. Она плакала. Но теперь Георг слышал не вынимающий душу крик баньши, а тихий плач испуганной девушки. Хотел было обнять, но цепь слабо звякнула на запястье – Георг про нее и забыл. Досадливо дернул рукой, и толстые железные звенья распались, как картонные.

Он неторопливо поднялся на ноги, прижимая к себе одной рукой Аленку. Огляделся. Георг видел их всех. Видел ясно и четко. Своих подданных, что жались к стенам, стремясь спрятаться от грозного взгляда. Георг чувствовал каждого в отдельности и знал, что одной только волей убьет любого мгновенно. И они тоже это знали.

Сначала медленно, а потом все быстрее, создания ночи стали опускаться на колени. Застыли, склонив головы.

– Полоз, Великий Полоз... – разносился по залу шепот.

Георг неспешно повернул голову в сторону Раста. Огневик дернулся под его пристальным взглядом и отступил. Где же теперь твоя кривая ухмылочка?

– А ты чего ждешь? – мрачно спросил Георг. – Отныне я твой повелитель.

Раст рухнул на пол, будто у него подкосились ноги, – на самом деле Георг лишь слегка подтолкнул его.

Он еще раз оглядел свой народ – жителей под-мира. Как их мало... Что же, постараемся удержать этот мир в равновесии...

Больше никаких человеческих жертв, придется найти способ сотрудничать. И больше никаких классов опасности, каждый его подданный получит право на жизнь. Георг пока с трудом представлял, как он этого добьется, но лиха беда начало.

Тряхнул головой: позже, все позже. Зарылся лицом в пушистые пепельные волосы.

– Покажешь мне, как тут у вас все устроено?

Эпилог

Великий Полоз стоял на крыше дома, с высоты оглядывая свои владения. Он чувствовал каждое создание ночи не только в этом городе, но и на материке. На землях, разделенных океанами, были свои повелители.

Хмурился, проверяя, выполняется ли его прямой приказ – нельзя убивать людей. Хотя он и пообещал Маковцеву, что лично покарает каждого, преступившего запрет, но хрупкое, только-только установившееся равновесие вновь нарушится.

Геор до сих пор отчетливо помнил свой первый визит в Лигу в качестве Полоза. Охранник пропустил его, и замок в двери открылся, и даже обычные сотрудники, узнавая Воронцова, приветливо кивали. Правда, до кабинета Большака без проблем добраться не удалось. Охотники, находившиеся в отделе, почувствовали сильную незнакомую нечисть, беспрепятственно разгуливающую по зданию.

Трое вынырнули из бокового коридора, перерезав Полозу путь. Санька, Глеб и Макс. Увидев напарника, дико переглянулись. На их лицах читалось такое недоумение, что Геор, не сдержавшись, рассмеялся.

– Безликий? – спросил Глеб у Макса.

– Нет... Не знаю... Какая-то мощная тварь.

– Простите, ребята, – улыбнулся Геор. – Позже все обязательно объясню.

Он повел ладонью, и неведомая сила аккуратно, но властно притиснула охотников к стене.

Маковцев при виде бывшего сотрудника не изменился в лице и не сделал попытки сбежать – Геор отдал дань самообладанию начальника Лиги. Большак лишь приподнял уголки губ в ответ на прямой взгляд.

– Вижу, что ты все знаешь, Гоша... Или мне называть тебя Великий Полоз?

– Гоша – сойдет. Я пришел не за мстью. Хочу поговорить.

Маковцев жестом остановил охотников, сунувшихся было в дверь, махнул: «Уходите, все под контролем».

Геор сел, подвинув стул вплотную к Большаку: надеялся, что заставит того нервничать. Не тут-то было, Маковцев оказался крепким орешком. Переговоры будут непростыми...

– Больше никаких классов опасности, никаких расправ на месте и пыток в подвале дознавателей. – Геор сразу решил перейти к делу. – Каждый мой подданный получит лицензию и право на жизнь. В обмен на это обещаю, что ни один человек больше не пострадает, а если кто-то из моих нарушит запрет, я разберусь сам.

Маковцев скрестил руки на груди.

– И что же ты можешь предложить, чтобы я согласился на такие щедрые послабления?

– Для начала – лечение от рака...

С лица Большака сошло насмешливое выражение, он подался вперед и впился взглядом в лицо Геора.

Начало диалогу было положено.

Геор понимал, что впереди ждет долгий и непростой путь и что прежде, чем наступит желанное равновесие, не обойтись без жертв с обеих сторон, но дорогу осилит идущий...

Он услышал за спиной легкие шаги: Аленка кралась на цыпочках. Надеялась, бестолковка, застать его врасплох. Его – Великого Полоза, который почувствовал бы свою маленькую баньши и за десятки километров. Но он подыграл, позволил узким ладошкам накрыть глаза. Потом снял одну и поцеловал.

– Побудь со мной...

Они стояли, обнявшись, и любовались на вечерний город.

Город мерцал и искрился, и не только из-за светящихся окон и фонарей. Оказывается, серая дымка, устилавшая под-мир, если смотреть на нее глазами Великого Полоза, выглядела совсем иначе: она превратилась в сияние, которое испускали деревья, трава, даже сама земля.

И в мире вокруг не было ничего мертвого, а были только жизнь и любовь.